

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

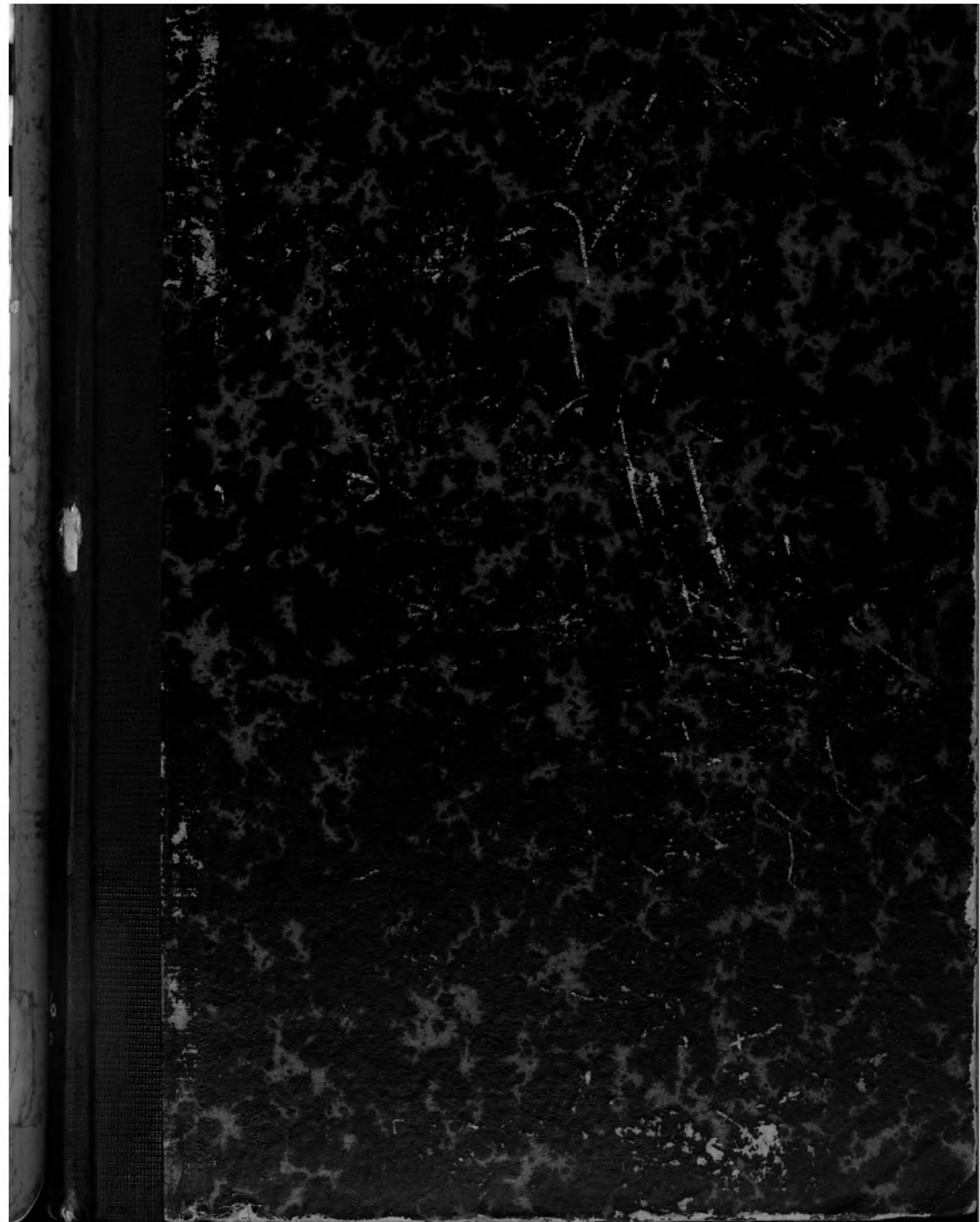
Мы также просим Вас:

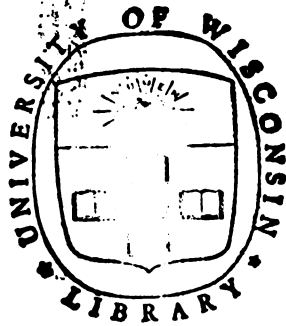
- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

9841
УКРАИНСКІЯ

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ,

ИЗДАНІЯ

МАКСИМОВИЧ
МИХАИЛОМЪ МАКСИМОВИЧЕМЪ.

2
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

5072
КНИГА I. Украинскія Дулы.

КНИГА II. Пѣсни Козацкія былевья.

КНИГА III. Пѣсни Козацкія бытовья.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсур-
ный Комитетъ при възвѣщаніи. Москва. Марта 23 го дня 1834
года.

*Ординарный Профессоръ, Ценсоръ, Коллежскій
Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.*

(Цѣна 5 руб.)

PG
3926
+ M26

11

— ПРЕДИСЛОВІЕ.

Наступило, кажется, то время, когда познающъ истинную цѣну народности; начинаешь уже сбываться желаніе — да создастся Поэзія истинно Русская! Лучшие наши поэты уже не въ основу и образец своихъ твореній поставляютъ произведенія иноплеменные; но, поелко средствомъ къ полнѣйшему развитію самобытней Поэзіи, которая зачалась на родимой почвѣ, долго была заглушаема пересадками иностранными и поелко изрѣдка сквозь нихъ пробивалась.

Въ семъ отношеніи большое вниманіе заслуживаютъ памятники, въ коихъ полнѣе выражалась бы народность: это суть пѣсни, гдѣ звучитъ душа, движима чувствомъ, и сказки, гдѣ описывается фантазія народная.

Этими словами начинается мое Предисловіе къ Собранію *Малороссійскихъ пѣсенъ и сказокъ*. Оно мною въ 1827 году. Въ немъ помещено не только то просеяно; но я имѣлъ удовольствіе видѣть полный успѣхъ онаго, оправданіе и распространеніе нѣкоторыхъ тамъ высказанныхъ мыслей и замечаній моихъ о языкѣ и пѣсняхъ Малороссійскихъ.

Въ теченіе семи лѣтъ я продолжалъ печатаніе Собранія: и оно теперь простирается уже до 47 тысячъ пѣсенъ и отрывковъ, и современемъ безъ сомнѣнія можетъ быть удвоено, ибо это предметъ неисощимый. Настоящій богатствомъ мое Собраніе обязано участію въ изданіи моемъ Князя П. П. Черкаскаго, первого издате-

ля Украинскихъ *Дуць*, *М. В. Говалъ* — новаго историка Малороссіи и автора Вечеровъ на хуторъ близъ Диканьки, *И. И. Срезневскаго* — издашеля Запорожской Спарины, *А. Г. Шпигоцкаго* — переводчика Валленрода, почтеннаго *И. В. Крамаренка*, *О. М. Бодянскаго* и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, коимъ всѣмъ приношу мою благодарность. Кромъ того я приобрѣлъ извѣстное Собраніе народныхъ пѣсенъ покойнаго *Э. Я. Ходаковскаго*, обильное пѣснями обрядными и особенно свадебными.

При такомъ множествѣ пѣсенъ, находящихся иногда у меня въ ящикъ и болѣе спискахъ, я имѣлъ возможность часто усматривать ясно тѣ измѣненія, какія происходили съ ними частію отъ долговременнаго и неправильнаго пѣнья оныхъ, частію и отъ изобрѣшательности самихъ пѣвцовъ и пѣвицъ: такимъ образомъ я могъ предсказать очень многія пѣсни въ исправнѣйшемъ видѣ.

Предлагаю просвѣщенному вниманію читателю Первую Часть моего новаго Собранія, кромѣ другихъ подлную, но для многихъ можетъ быть самую занимательную; ибо въ ней помѣщены *Дули* Украинскихъ бандуржестовъ и пѣсни собственно *Козацкія*, выражающія Козацкую жизнь, въ ея отношеніи къ общеповѣдному, Историческому быту, и отчужденіи отъ быта семейнаго, домашнего; первый мой видъ я называю *былевыми*, впрочемъ *бытовыми*.

Это надгробные памятники и вѣспѣ живые свидѣтели опытной спарины. Другіе народы въ память важныхъ происшествій своихъ, чеканятъ медали, по которымъ Исторія часто разгадываетъ

V.

васть икнувшее: событія Козацкой жизни опла-
вались въ звонкія пѣсни, и потому онѣ должны со-
спавинь самую вѣрную и вразумительную Мѣ-
лопись для новаго быблїоисателя Малороссїи.

Во II й частки будутъ помѣщены *пѣсни жен-
скїя* — опголоски души страстной, — выраженїя
жизни, исполненной любви пламенной, нѣжной,
но обреченной на поску, и только нѣрѣдка ра-
дѣвляющей счастьемъ. Сюда же опишу и нѣ
пѣсни, гдѣ Козакъ является подя господствомъ
женскаго чудява, въ быту домашнемъ.

Въ III й частки собраны *пѣсми гулливыя*, въ ко-
ихъ господствуетъ болѣе прихотливое и занѣйли-
вое расположеніе души, разгуль, карриказура и т. п.

Въ IV й частки помѣщаются всѣ *обрядныя пѣ-
сни*, относящїяся къ празднествамъ и обществен-
нымъ занятїямъ домовитой жизни, и опла-
чающїяся опть другихъ болѣею придуманноснїю,
но восходящею до символической восторженно-
сти, но облакающеюся въ прелеснь идиличе-
скаго простодушія.

Дѣленїе это довольно соотвѣтственно съ
своимъ предметомъ; впрочемъ оно только при-
близительное, и я вовсе не думалъ вводить строгой
и подробной классификаціи въ эпоть гармониче-
скїй мїръ живой Поазїи народа. Благоуханныя вѣчно-
свѣжіе цвѣпы ея проросстають еквозь цементъ
систематическихъ сводовъ и дружно переплени-
ются между собою.

Сколько могъ пеперь, я дѣлалъ поспешель-
ныя замѣчанїя къ Думамъ и пѣснямъ; къ нѣкто-
рымъ приложилъ переводъ; на всѣхъ словахъ спа-

VI

вилъ удареніе и ко многимъ изъ нихъ прибавлялъ объясненіе ихъ: впрочемъ общій *Словарь* и *Грамматика* Малороссійскаго языка будущъ изданы мною въ особомъ прибавленіи къ сему Собранію (*). Я хопѣлъ-было въ сей части изложитъ подробно свои мысли о характерѣ, складѣ нѣсемъ, о языкѣ и правописаніи онаго; но долженъ оплохитъ это впредь, поспѣвая перемѣщеніемъ моимъ въ Кіевъ, гдѣ мои занятія будущъ посвящены преимущественно Опечетственной Словесности. Такимъ образомъ я буду имѣть возможность продолженіе моего труда исполнить съ бѣльшимъ успѣхомъ.

Чувствую живо красоту нашихъ народныхъ нѣсенъ и ихъ важность въ настоящее время *народности*, находя, что ни у кого не была такъ богато развита *Поэзія народная*, какъ у Сѣверныхъ (**) и Южныхъ Руссовъ, и желая моимъ собраніемъ сколько можно полнѣе и совершеннѣе ошкрыть богатства *Поэзіи Украинской*, прошу всѣхъ

(*) Начатки *Малороссійскаго Словаря* (сравнительнаго съ другими Славянскими языками) находящаяся въ моемъ Сборникѣ, 1827. Крашкая *Грамматика* Малороссійскаго языка у насъ издана *Г. Павловскимъ* 1818. Въ 3 Но Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія (1834) извѣщено объ изданіи двухъ Малороссійскихъ Грамматикъ Г-дами *Левичкимъ* и *Лозинскимъ*, 1833. — Въ Лембергѣ издано *Вацлавомъ* Собраніе Галицкихъ нѣсенъ, коего однакоюжъ, къ сожалѣнію, я не получилъ еще: большая часть Галицкихъ нѣсенъ не только сходны съ нѣсками Украинскими, но многія нѣсени даже одні и шѣже — въ слѣдствіе однородства, сказаннаго на стр. 68.

(**) *Д. В. Хиртевскій* собралъ уже Русскихъ народныхъ нѣсенъ и стиховъ болѣе 1500. Ему обязаю я многими замѣчаніями о семъ предметѣ.

VII

Малороссіянь принявъ участіе въ этомъ дѣлѣ : ибо оно можетъ свершиться только общимъ содѣйствіемъ ; прошу всѣхъ , кто имѣетъ случай , доставлять мнѣ списки Украинскихъ пѣсень въ томъ самомъ видѣ , какъ онѣ поются въ народѣ , безъ перемѣнъ , пропусковъ и добавленій , съ пояснительными примѣчаніями о мѣстахъ , лицахъ и мало извѣстныхъ словахъ , какія могутъ иногда случиться въ пѣсняхъ , а кто можетъ , то и съ напѣвомъ . Списываю пѣсни лучше во время пѣнья , ибо пѣвцы и пѣвицы наши часто не умѣютъ хорошо пересказывать того , что умѣютъ вполне пропѣть . Всякая пѣсня , какого бы ни была содержанія , для меня любопытна и пригодна , и будетъ принята съ благодарностію ; но особенное вниманіе я желаю бы обратитъ на пополненіе сей первой части .

Голоса Украинскихъ пѣсень , поэтическія не менѣе словъ ихъ , составляютъ у меня особое изданіе . Первая тетрадь онаго , содержащая 25 пѣсень , (*) положенныхъ на ноты для пѣнья и фортепьяно *А. А. Алябьевымъ* , уже вышла въ свѣтъ .

М. М.

Москва , 21 Мая .

(*) Въ подтвержденіе сказаннаго мною прежде о нѣкоторыхъ чертахъ Кавказскихъ , встречающихся въ Украинѣ , кспаша замѣчу : 1) что напѣвъ *Веснянки* (№ 8) имѣетъ удивительное сходство съ напѣвомъ одной Черкесской пѣсни ; 2) напѣвъ известной пѣсни *Антонъ козу еде* , существуетъ у Нагайскихъ Ташаръ , которые подъ него пляшутъ или лучше сказавъ шолкуются на одномъ мѣстѣ , сдѣланнымъ въ дикую веремцу .

ЗАМЪЧАНІЯ О ПРАВОПИСАНІИ И СЛОВО- ПРОИЗНОШЕНІИ (*).

1) Въ Украинскомъ языкѣ любимый гласный звукъ еспѣ *Ī*, имѣющій два видоизмѣненія: 1) *острое*, какъ и въ Великорусскомъ языкѣ, на пр. въ словахъ: *мои*, *пвои*; 2) *мягкое*, болѣе горпанное, склоняющееся къ звуку Э. (*Твердаго* Великорусскаго *И* въ Украинскомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ.)

Буква *И* послѣ гласныхъ и буква *Ѣ* всегда произносятся *остро*. Такимъ же образомъ часню произносятся и прочія гласныя буквы, и въ падежѣмъ случаѣ я, удерживая ихъ, опмѣчаю особымъ значкомъ (*паеркомѣ* ^) — *â, ê, ĩ, î, ô, ŷ*.

(*) Упопребляемое здѣсь правописаніе Малороссійское предложено мною въ 1827 году. Я спарался въ немъ соблюсти грамматическую правильность языка, согласить оную съ произношеніемъ, измѣнчивымъ по разнымъ мѣспнымъ нарѣчіямъ. Въ основаніе сего правописанія, по многимъ уваженіямъ приняю: 1) *Правописаніе Библейское*, которое Малороссіяне читають сообразно свосему выговору природному; 2) упопребительнѣйшій способъ писанія въ Малороссіи. — Нѣкоторымъ Малороссіянамъ мое правописаніе кажешся слишкомъ книжнымъ и неудобнымъ для письма; я съ ними опчасши согласенъ въ эптомъ, и думаю, что для домашняго обихода проситѣ *Слобожанскій* способъ писанія, по

IX

Въ остальныхъ случаяхъ буквы Ы, І, И (не означенныя *паеркомб*) произносятся какъ *мягкое І*.

Примѣры: мы ходили бышми шляхами; якій шы милый: въ ашихъ словахъ вездѣ одно *мягкое І*. (по Слободжанской методѣ писанія: мы ходылы бышными шляхами.) — Мòй кòнь нèsь вòд-сèль край дороги мèжъ камèньями; ѝхъ конѝ дороги; давка пòшла за-мѹжъ, слèзми обливаешся; у сына синѝй вòсь, (по Слободжанской методѣ должно бы писашь: мѝй кинь нись видилъ крѝй дороги мижъ каминьямы; ихъ давка нишла за-мижъ, слизмы облываецьця; у сына сынѝй нись.)

копорому, опбросивъ всякое словопроизведеніе, спараюшся писашь, слѣдуя шолько одному выговору: пакъ на примѣръ, опбросивъ букву Ъ (вопреки всегдашнему употребленію оной Малороссіянами) для изображенія оспраго І употребляюш шолько И, І, а для мягкаго — Ы; пишуть гнуцьця, облываецьця и ш. д. Такимъ же образомъ и по Русски для многихъ гораздо легче писашь *малако, кажетца, майо, саятова* — но эшо не есть *правописаніе*, и въ Грамматикахъ называешся *какографіей*. Впрочемъ надобно сказашь и шо, чшо правописаніе есть шакой предметъ, по которому не бываешь полного соглашенія и въ самыхъ образованныхъ литературахъ, и мѣлкія оппѣнки онаго болѣе или менѣе сосщавляюшь особенность писателей. Тѣмъ менѣе могло сущесшвовашь единогласіе въ правописанія Малороссійскомъ. Однакожъ, если надобно уже выводилъ чшо-либо похожее на общее мѣніе, по большинству случаевъ: шо, сличая старинныя письма и множествю

Х

II) Буква Е въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ выговаривается *остро*; послѣ согласныхъ выговаривается *твердо*; и тогда только выговаривается какъ *ю*, когда пишется съ двумя почками (ё).

III) Буква Г произносится чисто, какъ Лапинское h (какъ у Чеховъ, Словаковъ). Иногда она прибавляется въ началѣ словъ къ гласнымъ буквамъ, на пр. гарапникъ, гей, госпрый; въ немногихъ словахъ, кажется только иносланныхъ, Г выговаривается какъ Лапинское g, и въ такимъ случаяхъ можно писать КГ, либо отмѣчать особымъ значкомъ, по примѣру Сравнительнаго Словаря.

списковъ пѣсень, полученнымъ отъ разныхъ лицъ (болѣею частію не заботившихся объ искусственной и какой-либо опредѣленной методѣ писанія), я нахожу, что къ наибольшему и привычному употребленію, ближе всѣхъ правописаніе Г. Копляревскаго, въ которомъ и буква Ъ удержана, и буква Ы употребляется почти въ тѣхъ только случаяхъ, гдѣ оно спависл по правописанію Библейскому. Посему я и принялъ это правописаніе, сдѣлавъ къ нему два прибавленія: а) отмѣтку паеркомъ буквъ ѡ, ѡ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они выговариваются остро; б) введеніе коренныхъ гласныхъ буквъ ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они выговариваются какъ острое ѡ. Спависл вмѣсто ихъ букву И, отбросиле паерокъ — и правописаніе мое будетъ правописаніе Г. Копляревскаго. О всемъ этомъ подробно изъяснено будетъ въ Грамматикѣ моей, въ дополненіи къ тому, что сказано уже въ прежнемъ Сборникѣ.

XI

IV) Буква В не выговаривается как *ф*; она, особенно послѣ гласныхъ, произносится какъ краткое У, обращаясь иногда и въ длинное У — (всѣ, усѣ; взявъ, узавъ; вслѣдъ, услѣдъ; въ лѣсѣ, у лѣсѣ). Наоборотъ, У иногда сокращается и какъ бы обращается въ В — (уже, вже; у ёго, въ ёго; умираю, вираю). Часто В прибавляется къ словамъ (начинающимся буквою О): вѣнъ, вѣна, вѣно, вѣвса, вѣвця, въ вѣчѣ (вмѣсто онъ, она оно, овца, овса въ очи); часто В замѣняетъ букву Л: новнѣй повкѣ, вовкѣ, жовшѣй. Такимъ образомъ окончаніе 3го лица прошедшаго времени мужескаго рода, вмѣсто *лѣ*, всегда имѣетъ *вѣ* (ходивѣ, гулявѣ).

V) Когда послѣ ЛЬ, НЬ слѣдуетъ гласная, тогда предъ нею Л и Н повторяются, напримѣръ: зѣлѣя, зѣлѣя; коханѣя, коханѣя; въ слогѣ МЯ слышно послѣ М не только Ъ, но часто Н; напримѣръ: имѣня, время, памяшь. Глагольное окончаніе *тсѣ* или *тсѣя*, выговаривается *цѣ* или *цѣя*; да и вообще *тс* выговаривается какъ Ц.

VI) Часто О выговаривается какъ У (на пр. въ глагольномъ окончаніи *о в а ш и*, въ словахъ: шабуръ и проч.). Иногда О скрадывается въ выговорѣ, подобно тому какъ И сокращается въ *И* — и въ такихъ случаяхъ можно употреблять *ѣ*, чпѣ и будетъ *ѣ*, прежде употреблявшійся въ срединѣ словъ (въ *лѣ*).

VII) Частица *да* выговаривается *та*.

КНИГА ПЕРВАЯ.

УКРАИНСКІЯ ДУМЫ.

Болять же, брашіе, недесять соколовъ на спядо лебедей пуцаше,
Нъ своя вѣщія пѣрспы на живая струны вѣскладаше —
Они же сами Княземъ славу рокопаху!

Пѣсь Игорью.

А. — *Думы* суть пѣсногѣнія исключительно принадлежащія Бандуристамъ. Опъ *пѣсенъ* опличаются характеромъ болѣе *повѣствовательнымъ* или эпическимъ и *вольнымъ* размѣромъ, состоящимъ въ неопредѣленномъ числѣ поническихъ спонъ, хопя иногда (по *лирическому* характеру Украинской Поззіи) онѣ вдаются въ пѣсню: погда и размѣръ принимаютъ опредѣленный, пѣсенный. Стихи почти всегда рифмованные. Содержание ихъ болшею частію историческое.

Князь Церпелевъ первый издалъ въ свѣтъ 10 *Думъ* подъ именемъ: *Опытъ собранія старинныхъ Малороссійскихъ пѣсенъ* 1819, коими я здѣсь вполнѣ воспользовался. Потомъ издали нѣсколько *Думъ* Гг. *Шпигоцкій* — въ Украинскомъ Альманахѣ 1831, и *Срезневскій* — въ Запорожской Старинѣ 1833; изъ первой книжки ея заимствоваль я *Думу* 5 и 6 во второмъ отдѣлѣ, а въ ней чпшатели найдутъ двѣ любопытныя *Думы*, принадлежащія къ первому періоду Козачества: одна *о дарахъ Ваторія и смерти Богданка* (Ружаго) другая *о похрдѣ Серпяги* (И. Подковы).

Я слыпвалъ, что у Бандуристовъ есть большая *Дума*, въ кошорой воспѣвается *Дашковтъ*, одинъ изъ первыхъ вождей Запорожскихъ козаковъ. Безъ сомнѣнія, въ памяти Бандуристовъ сохранились *Думы* и пѣсни и о другихъ герояхъ первыхъ временъ козачества. Не уже-ли народъ не воспѣвалъ *Конашевича - Сагайдачнаго*, *Тараса*, *Павлюка* и другихъ? Но къ сожалѣнію эти пѣсни еще неизвѣстны намъ, и съ смертію стариковъ - Бандуристовъ многія изъ нихъ могутъ совсѣмъ погибнуть.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ I.

ДУМЫ О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА ДО-УНИЯТСКИХЪ.

Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта лежашъ спрѣмъ
каленныя, грилюшъ сабли о шелома, прещашъ копя хара-
лужныя въ полѣ незнаемъ, среди земли Половецкыи. Чрна
земля подъ копыны коспыи была посѣяна, а кровію поль-
яна — шугою взыдоша по Руськой землѣ. . . .

Пѣснь Игорю.

Б. — Сачью называлось укрѣпленіе (подобное *острогамъ* либо *городкамъ*), гдѣ находился главный Запорожскій паборъ или *кошъ*, но имени коего и начальника Сѣчи назывался *Кошевымъ Атаманомъ* или просто *Кошевымъ*. Первая (*старая* или *великая*) Сѣчь была на Днѣпровскомъ островѣ Хорпицѣ или Хоршицѣ, находящемся за Порогами близъ мыса Кичкаса. Этимологія *Сѣчи* шаже что и *Застки*.

В. — Сѣчь дѣлилась на частии, называемыя *куреньями*, управляемыя *Куренными Атаманами*. Эти *курени* или *холмы* сѣспояли изъ землянокъ, мазанокъ и шалашей, въ коихъ жили Запорожцы. При Бапоріѣ Украина раздѣлилась на 10 *Полковъ* (каждый съ своимъ *городомъ*), Полки дѣлились на *Сотни* (каждая съ своимъ *мѣстечкомъ* или сошеннымъ *городомъ*), а Сотни на *Курени* (съ слободами, селами, и хуторами). Но кромѣ шакого собирапельнаго значенія, *Куренемъ* въ Украинѣ и на Дону называется и одинокій шалашъ, обыкновенно изъ ипрѣшника (очерѣпа), либо орѣшника крынаго соломой, дѣланнй для лѣшняго жилья на дугахъ и проч., да и въ Великороссіи (гдѣ большею частью избы *курныя*) *куренемъ* иногда называется шалашъ или полатка шорговал. Въ Игоревой лѣсни упоминается о *куряхъ* Тмушараканя (ш. е. жилищахъ). *Куренемъ*, *курєю* называлось жилье пошому же, почему и теперь еще въ разныхъ мѣстахъ Россіи дворы называются *дымами*.

Г. — Кромѣ Кошоваго и Куренныхъ Атамановъ въ Сѣчи были еще старшины: *Войсковой Судья*, *Войсковой Пи-сарь*, *Асаулъ*.

Всѣ старшины выбирались на *Радѣ*, ш. е. Совѣтѣ (мірской сходкѣ, вѣчѣ). *Громадою* называлась общая сходка на Раду; у Куреней были свои частныя Рады (*до Куреня*).

ДУМА ПЕРВАЯ.

О ФЕДОРЪ БЕЗРОДНОМЪ.

Сей Куренной Аптаманъ, можетъ быть, есть поэтъ самый
Безродный (Фома), который былъ Войсковымъ Писаремъ
при ополчѣннѣ Гепсманъ Богданкѣ (1576).

По-надъ сагою (1) Днѣпровою
Молодой козаць обѣдъ обѣдае; не дѣмае, не гадае,
Що на ёго молодого, щё й на чѣру (2) малого бѣда на-
спигае.

То не вѣрбы луговѣи загумѣли . . .

Якъ безбѣжны ушкалы (3) налешѣли,

Хвѣдора Безродного, Оптамана Куренного,

Поспеляли, порубали — шѣльки чѣры не пойма-
ли.

То малый чѣра до козака прибывае (4),

- (1) Сага — заливъ. Болѣе называеяся собсп. лугъ, лугомъ же назывался лѣсъ, покрывающій низменныя мѣста (какъ у южныхъ Славянъ вообще); отъ шого лугъ называеяся въ пѣсняхъ *темнымъ*, — часно говорится о шумѣ луга. Отъ пороховъ за Днѣпромъ идееть *великий лугъ*, и у Запорожцевъ (Лугарей) была пословица: *Свѣтъ мати, а великий лугъ батько.* (2) Чѣра — вѣрный слуга или оруженосецъ. (3) Ушкалы — разбойники. Не сушь-ли это Русскіе *ушкунки*, развѣзжавшіе на судахъ, называемыхъ *ушкунми*. (4) Прибуваши — прибывающіе приходящіе. Буши — бышь.

Раны ёму глыбокіи промывае. То козакъ ёму про-
мовляе (5):

„Чуро мой, чуро! Вѣрный слуго!

Пойди ны степомъ по-надъ Днѣпромъ.

Послухай (6) пы, чуро: чи (7) по гусы кричяць,
чи лебедѣ ячяць,

Чи ушкалы гудуць, чи може (8) козаки Днѣпромъ
идуць?

Коли гусы кричяць, або лебедѣ ячяць — по
сжени (9);

Коли ушкалы гудуць — мене зхорони;

Коли-жь козаки идуць — по объяви,

Нехай вони човны до берега привертаюць,

Мене Хведора Безродного навѣщаюць.“ —

То чура малый по берегу пробѣгавъ,

Козакѡвъ забачавъ (10), шапкою махавъ, словами
промовлявъ:

— Панове-молодци! добре вы дбайте (11),

Човны привертайте, до Опамана Курѣнного послѣ-
шайте!

То козаки шее зачували (12),

До берега привертали, Опамана навѣщали.

- (5) Промовляши — говорить, промовишь. Мовъ —
словно. Мова — рѣчь. (6) Слухаши — слушаешь.
(7) Чи — ли, ставится въ началъ слова. (8) Може —
можетъ быть; мабушь — видно, знаешь. (9) Жену,
гнаши — гоно, гнаешь. (10) Забачаши — увидишь;
бачу — вижу; бачишься — кажется, сдаётся. (11)
Дбайти — здѣсь знач. поступать; чаще употребл. вм. при-
обрѣтать; добре — хорошо. (12) Чути — слышать.

Тогдѣ козакъ чурѣ выхваляе, словами промовляе:
 „Чуро мой, чуро! вѣрный слуга!

Коли ты будешь вѣрно пробувани,

Будушь тебе козаки поважани!»

То ще промовлявъ, опрощенье за всіма бравъ,

Милосѣрдому Богу душу отдавъ. —

Тогдѣ козаки шаблями суходоль (13) копали,

Шацками, припóлами (14) персье выймали,

Хвѣдора Безродного ховали,

Въ семипядній пиццалѣ гремали,

У сурѣмки (15) жалобно выхваляли:

То ще добре козацка голова знала,

Що безъ войска козацкого не вмирала!

ПЕРЕВОДЪ.

Надъ заливомъ Днѣпровскимъ молодой козакъ обѣдаешъ
 обѣдъ. Онъ не думаетъ, не гадаешъ, что его молодого,
 и его малаго чурѣ бѣда наспигаетъ.

То не вербы лѣсныя зашумѣли. . . безбожные раз-
 бойники налешпани; *Хвѣдора Безроднаго* Куреннаго Ашамана
 поспрѣляли, порубили, только не поймали его чурѣ.

Вопъ малый чурѣ приходилъ къ козаку, промываетъ
 ему глубокия раны.

Молвилъ ему козакъ: „Чурѣ мой, чурѣ! вѣрный слуга!
 Пойди ты спешью по-надъ Днѣпромъ; прислушай ты, чурѣ:

(13) Суходоль — земля сухая. (14) Припóлы — кон-
 цы поль. (15) Сурма и Сурѣмка — труба, Сурмачь —
 трубачъ. Сурмиши — шрубиль.

гуси-ль шо кричатъ ; ячатъ-ли шо лебеди , разбойники-ль гуляшъ , или можешъ , козакѣ Днѣпромъ идушъ ? Коли кричатъ гуси или ячатъ (*) лебеди , шо стони ; коли разбойники гуляшъ , схорони меня ; коли жъ козакѣ идушъ , шо скажи , пусшь они челноки свои приворачиваюшъ къ берегу и навѣспяшъ меня козака Федора Безроднаго.

Вопшь , малой чура пробъжалъ по берегу , завидѣлъ козаковъ , машешъ шапкою , говоришь словами : Паны - молодцы ! сдѣлайше доброе дѣло , приворачивайше челноки , поспышайше къ Ашаману Куренному .

Козакѣ шо услышали , къ берегу причаливали , Ашамана навѣспили .

Хвалишь козака чуру и говоришь такія слова : „Чура мой , чура ! вѣрный слуга ! коли пы будешъ вѣрно жишь , будушь шебя козакѣ чшипшь.“ —

Такъ говоришь онъ , со всѣми прощался , милосердому Богу ошдалъ душу .

Тогда козакѣ саблями копали суходоль , выгребали землю шапками и приполами , хоронили Федора Безроднаго ; грѣмили изъ семипяденныхъ пищалей , и жалобно выхваляли его въ шрубы : дѣло козацкая голова знала , что безъ войска козацкаго не умирала !

(*) Ячатъ — говоришся про крикъ лебедей , который въ Русскомъ языкѣ кажешся , не выражается особымъ словомъ . Кукушка (*зозуля*) — куѣшъ ; воронъ — крѣчешъ , грѣшъ (въ Пѣс. Игор. *граеть*) ; кречешъ — кѣркуешъ и проч .

ДУМА ВТОРАЯ.

ПОБѢГЪ ТРЕХЪ БРАТЬЕВЪ ИЗЪ АЗОВА.

Муравскій шляхъ (дорога), о которомъ говорится здѣсь, идетъ отъ *великой стѣн* (остр. Хорпицы на Днѣпрѣ) на сѣверъ къ верховьямъ Ворсклы и С. Донца. Между Азовомъ и симъ шляхомъ находятся большіе *байраки* (овраги или буераки); а за шляхомъ у верховья р. Самарки, какъ видно изъ думы, должна быть *могила* (курганъ) *Саворь*, о которой упоминается и въ пѣснѣ о *Морозѣнкѣ* (кн. II No 6). —

Въ думѣ сей къ списку Кн. Цершелева я сдѣлалъ пополненіе изъ списка Г. Шпигоцкаго (Укр. Альм. 1831).

Изъ гóрода изъ Азóва не великіи шумáны вспа-
вáли,

Три брáта рóдненькихъ зъ шляхомъ невóли вспѣ-
пáли (16).

Два кóнныхъ; прѣпій нѣпій за ними пóдбѣгае,

На сырѣ корѣнья, на бѣле камѣнья

Нóжки свои козáцькимъ посѣкае, кровью слѣды
заливае,

До кóнныхъ бранóвъ добѣгае, словáми промовáе.

(16) У шѣкаши — убѣгашь, уходишь.

„Спáньте вы, бра́пця! ко́ней попасы́те, менé пò-
дожды́те,
Зь собо́ю вòзьмы́те, до городòвъ хрестя́нськихъ
пòдвезы́те.“

То середу́льшій (17) псе́ зачува́въ, спáршого пы́-
та́въ;

То спáршій ё́му слова́ми промовля́въ :

— Чи ще-жъ тобѣ не далася тяжкая неволя знаши?...

Якъ бу́демъ мы бра́па дожида́ши,

Бу́де насъ погòнь доганя́ши, бу́де насъ спре-
ля́ши, рубя́ши,

Або́ (18) въ тяжкòй робòтѣ бу́демъ пропада́ши. —

„Коли-жъ менé, бра́пця, не хочете жда́ши —

Ставь меньшій промовля́ши —

То прошу́ васъ, бра́пця : на праву спòрону звер-
та́йце,

Ша́бли изъ пòхвъ (19) винйма́йце, пѣ́ло моё
порубя́йце,

Въ чы́спòмъ степу́ похова́йце (20),

Звѣрю да пши́ць на пошáлу (21) не да́йце!“ —

То середу́льшій псе́ зачува́въ,

Слова́ми промовля́въ :

— Сёго́, бра́ше, изъ-ро́ду нигде́ не чува́ли,

Щòбъ рòдною крòвьёю ша́бли обмыва́ли,

Або́ гòспрымъ списомъ (22) опроще́нье бра́ли. —

(17) Середу́льшій или середу́щій — середній. (18)
Або́ — либо. (19) Пòхва — ножны. (20) Хова́ши —
хоронить, пряшашь. (21) Пошáла — покормка. (22)
Спись — копье, пика. Гòстрый — острый.

„Коли-жъ не хóчете, бра́пця, менé рубáти,
То прошú васъ, бра́пця, якъ будете до байра-
кòвъ прибува́ти,

Терно́ви вѣпки въ запòлье (23) рубáйте,

Менѣ призна́ку покида́йте!“ —

То вже два казаки въ байраки вѣжа́е;

Середу́льшій бра́тъ милосе́рдие ма́е:

Верховѣ́ня у терно́въ зпина́е (23'),

Меньшому бра́ту примѣ́пу покида́е.

А якъ спáли на Мура́вській шляхъ вы́жажа́ти,

Нѣчѣмъ ё́му призна́кòвъ покида́ти;

Во́нь черво́ну (24) кипáйку зъ-пòдъ жупáна (25)
выди́рае,

По шляху́ розкида́е, меньшому бра́ту примѣ́пу
зоспа́вляє.

То якъ спáвъ пѣшехо́дець зъ терно́въ выходи́ти,

Спáвъ черво́ну кипáйку находи́ти:

У руки хва́пае, дроб́ными слѣза́ми облива́е.

„Не-дúрно (26), промовля́е, черво́на кипáйка по шля-
ху валя́е,

Ма́бушь (27) мойхъ бра́тòвъ на свѣ́пѣ нема́е! ...

Ма́бушь за ними зъ гóрода Азо́ва логóня вспава́ла,

Менé въ терна́хъ на спочѣ́вѣ (28) мина́ла,

Бра́тòвъ мойхъ доганя́ла, спреля́ла, рубала!

(23) Запòлье — завороты поль. (23') — ссыкаешь. (24) Черво́ный — красный (черный). Черво́нная кипáйка весьма часто упоминается. (25) Жупáнъ — кафтанъ. (26) Не-дúрно, не-да́рма — не даромъ. (27) Ма́бушь — можешь быть, видно. (28) Спочѣ́вѣ, опочѣ́вка, — опдыхъ, сонъ.

Колибъ менѣ Богъ
 Милосѣрдый помогъ
 Тѣло козацьке находѣши,
 Въ числѣмъ степѣ хоронѣши! —
 Що одно безвѣдѣе, друге безхлѣбье,
 Трѣтье буйный вѣперъ въ полѣ повѣвае,
 Бѣднаго козакѣ зъ нѣгъ валае . . .
 — „Ой годѣ-жъ менѣ за кѣнными брагѣми угаѣши,
 Часъ менѣ козацькѣмъ ногѣмъ полѣгу (29) дѣши!“
 То шее промовлявъ, до Сѣворь-могѣлы прибывавъ,
 Подѣ Сѣворь - могѣлою спочивавъ.
 Въ той часѣ сѣзы орлѣ налѣпѣли,
 Пѣльно (30) въ очѣ козакѣви заглядѣли.
 Козакъ шее забачѣе,
 Словами промовля:
 „Орлѣ сѣзо-пѣры,
 Госпѣи моѣ милы!
 Прошѣ я васѣ тогдѣ налѣпѣши,
 Зъ лѣбу очѣ менѣ высмыкѣши (31),
 Якъ не бѣду я свѣпа Бѣжого видѣши. . .“
 . . . . . То шее промовлявъ,
 За часѣ, за годѣну милосѣрдому Бѣгу дѣшу оддѣвъ.
 Тогдѣ орлѣ налѣпѣли, зъ лѣбу очѣ высмыкѣли,
 Тогдѣ ще ѣ дрѣбна пѣщѣ налѣпѣла,
 Коло жѣвшой кѣспѣ пѣло оббѣрѣла.
 Вовкѣ-сѣромѣнѣцѣ (31') набѣгѣли, пѣло козацьке
 рвали,
 (29) Пѣльга — льгѣша (польза! шакъ ем. *нелъга*, го-
 ворѣшь въ нѣкопѣрыхъ мѣспѣхъ *нелъга*). (30) Пѣльно,
 спѣльна — приспѣльно; пѣльновѣши — прилѣжашъ.
 (31) Смѣкаши — дергашъ. (31') Вовкѣ сѣромѣ-
 нецѣ — волкѣ - сѣрякѣ.

По пёрнахъ, по бѣлкахъ жовпу кѣспь жваковѣ-
ли (32),

Жалѣбнѣнько квилли, проквилляли (33):

То жъ вони козацькимъ похороны одправляли!

Де-ся взялась сѣза зозуленька,

Въ головкахъ сѣдала, жалѣбно кувала;

Якъ сестра брата, або мами сына оплакала. —

Спали конны браны до городѣвъ хреспансь-
кихъ дохожати,

Спала къ ихъ сердцямъ велика шуга налягати.

То середульшій братъ до старшого брата слова-
ми промовляе:

„Не-дурно къ нашимъ сердцямъ велика шуга на-
лягае:

„Мабушь нашого брата живого на свѣшъ немае!

„Якъ будемо, брате, до опця й маперѣ при-
буванѣи?

„Якъ будушь вони насъ пыпати, по що спѣ-
немо казати?

То старшій братъ пее зачувае,

До середульшого словами промовляе:

„Скажемъ: не въ одного пана въ неволѣ бували,

Ночномъ добы (33') зъ неволѣ впѣкали,

Его сонного будили не збудили,

Тамъ ёго въ неволѣ й зоспановили!“

То середульшій братъ пее зачувае,

(32) Жваковѣши — жрашь, жвакань. (33) Квилли, проквилляши — вишь, зарывань. (33') Ночною порою. Дѣба — пора, время.

До спършого брата словами промовляе:
 „Якъ не будемъ опцю и маперѣ правды казати,
 То буде насъ опцевьска и мапериньска молишва
 карапи. —

Тодѣ спършій браты на поля Самарскѣ выгъжають,
 Надъ рѣчкою Самарською опочивку собѣ мають,
 Коней попасають.

Въ той часъ безбожными бусурманы набѣгали —
 И шыхъ двухъ братѣвъ порубали,
 Тѣло козацьке карбовали (34),
 Въ чѣспѣмъ полѣ розкидали,
 Головы на шаблѣ въздымали, довго глумовали!

ДУМА ТРЕТЬЯ.

ЧЕРНОМОРСКАЯ БУРЯ.

Въ Цершелевскомъ спискѣ сей Думы ашаманъ Запарожскій *Грицько* названъ *Зборовскимъ*, а въ спискѣ Г. Шпигоцкаго *Грицькомъ Коломийгенкомъ*: кто онъ шакой, навѣрно опредѣлить не могу. По названію *Алексія Поповита* козакомъ *реестровымъ* видно, что это было уже послѣ Богданка. — Островъ *Тентревъ* или *Тентра* недалеко отъ Днѣпровскаго лимана, противъ Кинбурнской косы.

(34) Карбовати — рубать, рубить, — опшуда карбованецъ — цѣлковой рубль (съ насѣчками вокругъ).

На Чорному морѣ на бѣлому камнѣ
 Ясенѣнкій соколѣ жалобно квилить, проквилѣе,
 Смущено себе мае, на Чорнее море спільна поглядѣе.
 Що на Чорному морю недобре ся-починае,
 Що на небѣ усѣ звѣзды пошмарило (35),
 Половину мѣсяца въ хмари (36) вснупило.
 А изъ низу буйный вѣшеръ повѣвае,
 А по Чорному морю супрошівна хвила (37) вспавае,
 Судна козацькїи на при часпї розбивае.
 Одну часпѣ взяло — въ зѣмлю Агарську занесло,
 Другу часпѣ горло (38) Дунайське пожерло (39),
 А прѣпя—гдѣ ся-мае? — въ Чорному морю потонае.
 При шой часпї бувъ Грицько Зборовськїи
 Опаманъ козацькїи Запорозськїи,
 Той по судну похожае, словами промовляе:
 „Хпо-сь мѣжь нами, панове, великїи грѣхъ на
 собѣ мае!

Що-сь дуже злая хуршовина (40) на насъ налягае.
 Сповѣдайшесь, панове, милосѣрному Бѣгу,
 Чорному морю, и менѣ Опаману Кошовому;
 Въ Чорнее море впадѣше,
 Вѣйска козацького не губѣше!“

То козаки пѣе зачували, усѣ замовчали,
 Бо въ грѣхахъ себѣ не знавали.

Тѣльки обѣзвѣвся Писарь Вѣйсковый, козацькїи
 леспрѣвый,

(35) Пошмарили — помрачили. (36) Хмара — туча.
 (37) Хвила — волна. (38) Горло, — устье. (39)
 Пожерло — пожрало. (40) Хуршовина — на-
 пась, буря.

Пиряпинскій, поповичъ Олексій:

„Добре вы, бра́пця, вчині́те (41), менé само́го,
вôзъмѣ́те,

„Менѣ́ чорною кипайкою́ о́чи завяжѣ́те,

„До шіи́ бѣ́лый ка́мень причепѣ́те (42),

„Да й у́ Чорнее́ мо́ре зôпхнѣ́те!

„Нехай́ бѹ́ду оди́нь погибáши,

„Козáцького́ вôйська́ не збавля́ши!“

То козаки́ шее́ зачува́ли, до Олексія́ Поповича́
промовля́ли:

„Ты-жъ́ свяпее́ письмо́ въ рѹ́ки берешѣ́, чи-
пáешѣ́,

„Насѣ́ прôспыхъ́ людѣ́й на все́ дôбре́ наспав-
ляешѣ́,

„Якъ-же́ наибôльше́ одѣ́ насѣ́ на собѣ́ грѣхôвъ́
мáешѣ́?

— Хочá свяпее́ письмо́ я чипáю,

Васѣ́ прôспыхъ́ людѣ́й на все́ дôбре́ наспавля́ю,

А я все́ сáмъ недôбре́ почина́ю.

Якъ́ я́ изъ́ гóрода́ зъ́ Пиряпина́, панóве, вы́зжáвъ,

Опрощѣ́нья зъ́ пан-ощѣ́мъ и зъ́ пані́-мáткою́ не

брáвъ,

И на́ свогó́ спáршого́ бра́па вели́кій гнѣ́въ по-
кладáвъ,

И блі́зкихъ́ сусѣ́дôвъ́ хлѣ́ба-й-со́ли безневинно́
збавля́въ (43'),

Дѣ́вши малы́и, вдóвы спáры́и спрѣ́мнямъ́ въ грѹ́ди-
повкáвъ,

(41) Чиню́, чині́ши — дѣ́лаю. (42) Причепі́ши —
прищипи́ш; чепѣ́, ланцю́гъ — цѣ́пъ. (43') Збав-
ля́ши — лишáш, убавля́ш.

Безпéчне по úлицямъ конéмъ гулявъ,
 Пропивъ цéркви, дóму Бóжого проѣзжавъ,
 Шапки зъ себé не знямавъ, хрестя́ на себé не кла́въ.
 За пé я, панóве, великй грѣхъ маю, пепéръ по-
 гибáю!

Не ёсть се, панóве, по Чóрному мóрю хвила́ вснавае,
 А ёсть се — менé опцéвська й маперинська моли́т-
 ва карае!

Коли́бь менé сян хуршовина злая́ въ мóрь не втопи́ла,
 Одъ смёртй моли́тва борони́ла :

То зна́вь бы я опця́ й мапéрь шанова́ти, поважа́ти,
 То зна́вь бы я спáршого бра́та за рóдного опця́
 почи́ати,

И сестру́ рóднёнку за нёнку (44) у себé ма́ти!“ —
 То якъ спáвъ по́ловичъ Олексй грѣхи́ свои́
 сповѣ́дати,

То спáла злая́ хуршовина́ по Чóрному мóрю спи-
 ха́ти,

Сúдна козацькй до-горы́ (44') якъ рука́ми по́дойма́ла,
 До Тёнпрева о́спрова прибивáла.

То всѣ пого́дй козаки́ дивомъ дивова́ли,
 Що по яку́му Чóрному мóрю, по бы́спрои хвилѣ́
 потопа́ли,

А нй́ одного́ козака́ зъ-межы́ вóйска не вперя́ли! —
 Опъ-же пого́дй Олексй́ Попóвичъ изъ сúдна выхожа́е,
 Берé свянпéе письмо́ въ рúки, чипáе,
 Усѣ́хъ прóспыхъ люде́й на все дóбре научáе, до
 козако́въ промовля́е :

(44) Нёня, нёнка — родимая; мапушка. (44') До-
 горы́ — вверхъ.

Часть I.

„Оп-тымъ-бы то, панове, прѣба людѣй поважати,
 „Пан-опця́ и панѣ-малку́ дѣбре шанова́ти ;
 „Бо ко́торый чоловѣкъ пѣе уробрае (45),
 „Повѣкъ той счастья собѣ мае,
 „Смерте́льный мечъ того́ минае :
 „Опце́ва и ма́пчина моли́тва зѣ дна мо́ря выймае ,
 „Одъ грѣхо́въ смерте́льныхъ ду́шу одкупае ,
 „На по́ль и на мо́рѣ на по́мощь помагае !

---

(45) Роблю́, робѣши — дѣлаю, дѣлашь.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ Ц.

ДУМЫ О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА

ОТЪ ВОЗСТАНІЯ ПРОТИВЪ УНІИ ДО СМЕРТИ БОГДАНА.

Ужé бо, браііе, не веселая година вспала: вспала оби-
да въ силахъ Дажь-божа внука ... Выю храбрая сердца
въ жеспоцымъ харалузѣ скована, а въ буюспити закалена ...
Мужаймься сами! преднюю славу сами похипимъ, а заднюю
ся сами подѣлимъ ... А чи диво ся, браііе, спару по-
молодыши? Коли соколь въ мышехъ бываешъ, высоко пищецъ
възбиваешъ, не дашъ гнѣзда своего въ обиду!
... Луце-жь бы попяшу быши, неже полонену быши!

Пѣсь Игору.

Д. — гетьманщиною называлась Украина отъ своихъ вождей, кои именовались гетьманами, по примѣру вождей Липновскихъ, называвшихся *Гетманами*, *Гедманами* или *Гедманами*, вѣроятно по имени славнаго *Гедмина*. Можетъ быть, названія: *Король* произошло отъ *Карла*, *Carolus*; *Цесарь* отъ великаго *Цезаря*; *Султанъ* отъ имени *Салтана*. На время оплочки Гетьмана изъ Резиденціи пославлялся въ Украинѣ наказный гетьманъ; а въ опсущспвіе съ поля битвы, власнѣ его принималъ гетьманъ напоольный.

Е. — московщиною называлась Великая Россія, Московія; ниведчиною Швеція; волощиною Валахія и Молдавія; такимъ же образомъ туретчина, татарщина; вѣлгородщиною называлась Тапарская сторона между Днѣпромъ и Днѣспромъ; польсьемъ — Белоспокская область; подольемъ — Подолія; покутьемъ — Буковина.

ДУМА ЧЕТВЕРТАЯ.

ВОЗСТАНИЕ НАЛИВАЙКА.

Дума сія опносітся къ 1596 году, когда Гешманъ Павелъ Наливайко разбилъ Жолкевскаго при Чигрині. По Лѣтописямъ, на трехъ крестахъ вывѣшены были Жолкевскимъ захваченные подъ Каневою козацкіе спаршини: *Богунъ, Сутигъ* (или *Сутига*, а въ думѣ *Сомнико*), и *Войновичъ*; а Наливайко высцавилъ цѣлую надпись: *Миръ Христіанству, а на защитника Богъ и Его Крестъ.*

Ой у нашої у славної Украині
Бували коли-сь (46) преспрашчимъ злыгодні, без-
дольні години;
Бували й мори й войсківі чвѣры; (47)
Ніхто Вкраїнцѣвъ не ряшовавъ; (48)
Ніхто за їхъ Бѣгові молищвѣ не посылавъ;
Тѣльки Свящій Бѣгъ нашихъ не забувавъ,
На великі зусилья, на вѣдповѣдя державъ.
Тѣльки Бѣгъ свящій знавъ, що вѣнь думавъ,
гадавъ, замышлявъ,
Якъ незгодины на Украинську землю посылавъ.
Опъ-же-и пройшли, изѣшли злыи незгодины:
Немає нікого, що-бъ насъ подолѣи!
Тѣльки Бѣгъ Свящій знавъ
Що вѣнь думавъ, гадавъ, замышлявъ . . .

(46) Когда-то. (47) Чвѣра — гроза. (48) Ряшоваши, ряшоваши — избавляшь, спасаешь.

Не дѣнь и не двá Ляхи Украину пайндровали,
 Ни на часиночку одлочи́нья не мали,
 Кóней на -взáводахъ дeнь и нóчь держали,
 До Гельмана Налива́йка доро́гу верста́ли.
 А Гельманъ хорóбрый Налива́йко — щó вóнь думае
 гадае?

Щó вóнь за до́лю повáрищóвъ сво́ихъ замышляе?
 Тóльки Богъ Свяный знае, щó ёму на пóмóчь
 помагае!...

Изъ-за горы́ хма́ра выпунае — выпунае, выхожае,
 До Чигрина́ гро́момъ выгрёмае,
 На Укра́їнську зéмлю блискавкою блискае.
 То Поляки́ черезъ при рѣ́ки при перехóды мали,
 Да й бйля́ прѣпѣго перехóду спáномъ спáли;

Пустили́ ко́ней на по́паса́нье,
 Самі́ собѣ́ дали́ на при го́дины одпочивáнье. —
 А щó Гельманъ Налива́йко думае, гадае?
 Щó вóнь на незго́ду Ляхóвъ замышляе?
 Тóльки Богъ шее́ знае, щó ёму на пóмóчь помагае! —

То не хма́ры по не́бу гро́момъ свяпы́мъ выгрём-
 ляюць,

То не свяпы́хъ воні́ до Бо́га проважа́юць :

То Ляхи́ у бубны́ вдаряюць,
 У свиспѣ́лки да у прѣ́бы выгравáюць,
 Усе́ вóйсько своё́ до-ку́пы у гро́маду склика́юць,
 Що-бъ ишли́ усѣ́ до гро́мады на послу́ханье,
 Слу́хали Гельмана́ Жовкóвського одповѣ́данье.
 Опъ-то й прйшли́ усѣ́, рýдомъ спáли,
 Усѣ́ рýдомъ спáли, да й за́мовчали,
 Гельманське́ опповѣ́данье слу́хали зачали;
 А послу́хавши, ко́ней сѣ́дали,

Черезъ Бѣлу-рѣчку переходъ великій мали:
 Мосты мостили, грѣбли гапили, кѣлья заби-
 вали,

Горайну да дрянцю клали,
 Черезъ Бѣлу-рѣчку переходъ великій мали;
 А, перейшовши, огорѣды да шанці робили,
 У-въ окрѣвъ гармашы (50) спановили,
 А по-передъ гармашами при хресты вколопили.
 А що первыи хрестъ, то Сѣмино висипъ —
 Сѣмино висипъ, бѣрзо голосипъ;
 А що другій хрестъ, Богунъ висипъ —
 Богунъ висипъ, шаблюкою лопопипъ;
 А що третій хрестъ, то порожній спойпъ,
 Усѣхъ иныхъ козаковъ до себѣ поджидае, —
 Козаковъ поджидае, козаковъ оглядае:
 Хто первыи подѣйде, шогѣ гармаша убѣе;
 Хто другій добѣжитъ, шогѣ самопалъ (51) цапне;
 Хто третій подлетипъ, шой хрестипъся бѣде, —
 Хрестипъся бѣде, й молипъся спѣне;
 Що хрестъ зъ осокі — то ёго надбѣне! . . .

А козаки глядѣли, у вѣчи вбачали,
 Про-мѣжъ себѣ бурковали, раховали,
 Три корогвы на забачѣнье Ляхамъ спановили,
 На корогвахъ уговоръ - рядну писали:
 „Вѣрному православному Христіянспиву миромъ
 мѣръ;

А Ляхамъ-ворогамъ пекельный пиръ.
 Въ кого хрестъ — на того й Хрестъ!“ —

Отъ-сѣ-жъ и пошли наши на чотыри поля
 Що на чотыри поля, а на пятее на Подѣлье;

(50) Гармаша — пушка. (51) Самопалъ — ружье.

Ляхѡвъ на всѣ спѡроны, по всѣмъ хрестамъ ко-
лошѣли;

Ляхѣ опрощѣнья просѣли, да не допросѣлись:
Не пакѡвськѣ козаки, що-бъ опрощѣнье дали,
Не пакѡвськѣй Ляхѣ, що-бъ напасъ забули!

Буде ѣ нашимъ лихо, якъ зозуля кувала.
Що вона кувала, про-мѣжь свяпныхъ чувала;
Що она кувала, тому ѣ бупи-спѣпи, —
Якъ спѣнуть бѣсы правыхъ ѣ неправыхъ ѣднѣпи,
Души забѣрапи, у пѣкло до-кѣпы складѣпи.
Вѡдъ пого ѣ сѣго, одъ иного чого Бѡже намъ помѡже.
Про те вѡнъ и знае, що вѡнъ дѣмае, гадае,
Що Павловѣ Наливайковѣ да на помѡчь помагае.
Не намъ про пѣе, за пѣе раховѣпи:
Наше дѣло Бѡговѣ молишься,
Спасѣтелю хрестѣшься!

П Е Р Е В О Д Ъ .

Какъ въ нашей славной Украинѣ бывали когда-то спраш-
ные злые дни, бездольныя времена; бывали и моры и
войсковыя свары: никто Украинцамъ не помогаль, никто за
нихъ Богу молишь не возсылаль; а только Свяпный Бѡгъ
нашихъ не забываль, для великихъ усилѣй, для отвѣпа
(врагамъ) сохраняль; только Бѡгъ Свяпный зналь, что Онъ
думаль, гадалъ, замышляль, когда невзгодья на Украинскую
землю посылаль!

Вѡшь и прошло, разошлось злое безвременье; — нѣтъ
никого кѣпобъ одолѣль насъ! только Бѡгъ Свяпный зналь,
что онъ думаль, гадалъ, замышляль!

Не день и не два Ляхи грабили Украйну, ни на часъ не имѣли опдыха, день и ночь коней во всѣ повода гнали, къ Гешману Наливайку дорогу держали.

А Гешманъ храбрый Наливайко — чпó онъ думаетъ, гадаешъ? чпó онъ на долю шоварищей своихъ замышляетъ? Только Богъ Свяшый знаетъ, чшо ему Онъ помогаетъ.

Изъ за горы пуча выступаетъ, — выступаетъ, выходитъ, до Читрина громомъ гремитъ, на Украинскую землю молніей блещетъ. То Поляки, черезъ прирѣки плы при перехода; а возлѣ шретяго перехода спали спаномъ, пустили коней на паспву, а себѣ дали опдыха на при часа.

А чпó Гешманъ Наливайко думаетъ, гадаешъ? — чпó онъ на невзгодѣ Ляховъ замышляетъ? — Только Богъ Свяшый шо знаетъ, чшо ему Онъ помогаетъ.

То не пучи по небу свяшымъ громомъ гремятъ, по не Свяшыхъ къ Богу онѣ провожаютъ: шо Ляхи бжопъ въ бубны, играютъ на свискахъ и трубахъ; все войско свое въ одну громаду скликають, чтобы всѣ шли въ громаду на послушанье, слушать опповѣдь Гешмана Жолкевскаго. — Вопъ и пришли; всѣ рядомъ спали, — рядомъ спали и замолчали. Гешманскую опповѣдь начали слушать; а выслушавъ, коней сѣдлали, черезъ Бѣлюю-рѣчку большой переходъ держали: мосты мостпили, гаши гашили, вбивали колья, клали хвороспъ и дрань, — черезъ Бѣлюю-рѣчку переходъ великій держали. А перейдя, дѣлали огорожу и шанцы, спавили пушки въ окрѣпъ, а передъ пушками при креса вколопили. А чшо первой кресъ — шо *Сомно* висипъ, — Сомино висипъ, громко голосипъ. А чшо другой кресъ, шо *Богунъ* висипъ — Богунъ висипъ, саблю спучипъ.

А что прешій крестъ , шо порожній спойишь , — всѣхъ другихъ козаковъ къ себѣ поджидаетъ , козаковъ поджидаетъ , козаковъ оглядаеть . Кпо первый подойдетъ , шого пушка убьетъ ; кпо другой подбѣжитъ , шого самопаль хвашишь ; а кпо прешій подлешитъ , шопъ крестпшься будеть , крестпшься будеть молишься шанеть : крестъ изъ осоки — его учасъ!.. А козаки глэдѣли , своими очами видѣли , про-между себя переговаривались , судили ; — при хоругви на видъ Ляхамъ спановили , на хоругвяхъ уговоръ-рядную писали : *Вѣрному православному Христіанству миромъ миръ , а Ляхамъ-врагамъ адскій пиръ . У кого крестъ — на того и Крестъ!* —

Вопъ и пошли наши на чешыре поля , что на чешыре поля , а на пяшое на Подолье ; — Ляховъ на всѣ спороны окрестъ себя колошили . Ляхи прощенья просили , да не допросились : не шаковскіе козаки , чтобъ прощенье дали ! не шаковскіе и Ляхи , чтобъ напасъ забыли .

Будеть и нашимъ бѣда , какъ кукушка куковала . Что она куковала , шо она промежъ Свяшыхъ слыхала ! что она куковала , шому и бытъ-спать : какъ спануть бѣсы правыхъ и неправыхъ единишь , сбирашь души и въ аду въ кучу валишь . Опъ шого и сего , и другаго чего — да спасеть насъ Богъ ! Про то Онъ и знаеть , что Онъ думаетъ , гадаетъ , что Павлу Наливайку Онъ помогаетъ ! Не намъ о томъ и про то судить . Наше дѣло Богу молишься , къ Спасителю крестпшься !

Прим. Нѣкоторыя измѣненія въ сей Думѣ слѣданы по списку , полученному мною опъ Г. Срезневскаго .

ДУМА ПЯТАЯ.

ПОХОДЪ НА ПОЛЯКОВЪ.

Превосходная Дума сія опносишся къ 1637 году, когда козаки ополчились снова, послѣ ужасной смерти *Павлюка*. О Хорунжемъ *Самкѣ Мушкетѣ*, который представлень идущимъ чрезъ поле бишвы, устьяное шрупами, я не знаю по Испоріи. — Подъ именемъ *Степана Жукурузы* здѣсь разумѣшся, я думаю, *Степанъ Острица*, который послѣ побѣды своей захвачень ночью въ Кѣневскомъ монастырѣ и въ Вершавѣ колесованъ. *Карло Пѣвтора-Жужуха*, бывшій послѣ Острицы въ 1639 предводителемъ козаковъ, былъ почно разгульная голова, — онъ и жизнь кончилъ въ степяхъ Крымскихъ, похороненный своею дружиною въ горюлочной бочкѣ. Пѣсня его и нынѣ любима въ народѣ, который передѣлалъ ее въ разные виды (см. Кн. III).

Ой пошли козаки на чотыри поля,
Що на чотыри поля, а на пяте на Подолье.
Що однимъ полемъ — по пошовъ Самко Мушкетъ,
А за Паномъ Хорунжимъ мало-мало не при тысячи,
Усе хоробры повариши Запорозьцѣ.
На коникахъ выграваютъ, шабельками блискаютъ,
у бубны вдаряютъ,
Богови молишвы посылаютъ, хресны покладатъ.

А Самкó Мушкѣнть — по вѣнъ на коню да й не
выгравѣе,
Коня удержуе, до себѣ припягуе, думае, гадае.
Да щó-бъ сию чоршóвъ лихомъ вбѣли ту ёго думу,
щó гаданье! —

Самкó Мушкѣнть думае, гадае, словами промовѣе:
— „А щó, якъ наше козачество, мовь у пѣклѣ, Ляхи
спѣлянь,
Да зъ нашихъ козачькихъ коспѣй пирь собѣ на
похмѣлья звѣрянь! . . .

А щó, якъ наши головы козачьки по спену-полю
поляжунь,
Да щѣ й рѣдною кровью вмѣнюпсья,
Попереросколощыми шаблями покрѣнюпсья! . . .
Пропаде, мовь порошина зъ дула, пѣя козачья
слава,

Що по всѣму свѣтну дѣбомъ спѣла,
Що по всѣму свѣтну спѣномъ розляглась, про-
спяглась,
Да по всѣму свѣтну луговымъ гомономъ роздалась,
Турѣччинѣ да Тапѣрцинѣ дѣбрымъ лихомъ знѣпѣ
далась,
Да й Ляхамъ-ворогамъ на спѣсь оддалась! . . .

Закряче воронъ спѣномъ лепючи,
Заплаче зовуля лугомъ скачучи,
Закуркуюпсья крѣчѣпы сизѣ,
Загадаюпсья орлики хижѣ —
Да все, усѣ по своихъ брапахъ,
По буйныхъ цовѣришахъ козакахъ! . . .

Чи по ихъ згѣрбомъ занесло?

Чи по ихъ у пѣклѣ попонуло?

Що невідко чубатыхъ, не по по степахъ, не по
 й по лугахъ,
 Не по й по Тапáрськихъ земляхъ, не по й по
 Турецькихъ горахъ,
 Не по й по Чóрныхъ моряхъ, не по й по Ляцькихъ
 поляхъ? . . .

Закряче воронъ, загрúе, зашумúе,
 Да й полетипь у чужую зéмлю. . . .
 Анъ-ба! кóстки лежáть, шаблюки спорчáть;
 Кóстки хрустя́ть, шаблюки поперероскóлонь
 бряжчя́ть! . . .

А чорна, сива сорока зоскáмилась да й басúе!
 А що гóловы козацькí — по мовъ Швець-Семень (52)
 шкуру загубивъ (53),

А що чубы — мовъ чорпьяка джгупы поробивъ: —
 У кровí усъ, да й позасыхáли —
 Оп-по й славы набрали! . . .

Ой пошли козаки на чопыри шляхи,
 Да на чопыри шляхи, а на пята на Подолье.
 Що однимъ полемъ — по пошовъ Самко Мушкетъ,
 А другимъ полемъ — Спецько Кукуруза:
 Сизою голубкою головою свою буйную до-дóлу (54)
 заклянувъ!

(52) Въ Украинѣ былъ какой-то знаменитый *Семень Швець*
 (сапожник), вошедшій въ поговорку. Говорится, на пр.
 онъ его смялъ, *мовъ Швець-Семень шкуру*. (53) — По-
 перля. (54) До-дóлу — внизъ, на-поль.

То якъ налѣпіяпъ опгъ-пгъ возулі,
 Що насъ не забулі! . . .
 Що жидъ, а що дѣдъ, а що й Запоробській козакъ! —

— Ой пошли козакі на чопырї шляхі,
 Що на чопырї шляхі, а на пѣше на Подолье.
 Що однимъ полемъ, по пошовъ Самко Мушкетъ;
 А другимъ полемъ, по пошовъ Спецько Кукуруза;
 А третімъ полемъ, по пошовъ Карпо Пѣвпо-
 ра-Кожуха —
 На конику выгравѣе, пѣсню спѣвае.
 А за нимъ идуть мало-мало не при пѣсѣчи,
 Усѣ хоробрыи повариши Запоробьцї:
 На коникахъ выгравѣють, шабельками блискають,
 у бубны вдаряють,
 Богови моливу посылають, креспы покладають.
 А Карпо Панъ Гѣшманъ на конику выгравѣе,
 пѣсню спѣвае:

— „Пресучая ша журба,
 Менѣ изсушила,
 Вона менѣ молодого
 Изъ ногъ навалила.

А я пої журбѣ
 Да й не поддаюся.
 Ой поїду я до шинкарки,
 Горѣлки напьюся. . . .

Ой хто хоче меду піши —
 Ходѣмъ до жидѣвки!
 А въ жидѣвки чорні брѣвки,
 Высоки подѣвки...

И юпочка рябенъка,
 Й самá молодѣнка;
 Да якáя-жъ хорѣшая,
 Якá чепурѣнка!

Шинкарѣчко моя!
 Насыпь меду й вина,
 Да щѣ-бъ мой головѣнка
 Веселѣнка булá!

— Коли ты жонáтый,
 То иди до-дѣму;
 А а́къ нежонáтый,
 То ночу́й зо мно́ю. —

Ой е́ въ мене й жѣнка
 И дѣпочокъ двѣе:
 Да не пригорѣаються,
 Сѣрденъко моѣ!"

П Е Р Е В О Д Ъ.

Вонъ пошли козаки на чепыре поля, — что на чепыре поля, а на паше на Подолье. Что однимъ полемъ, по пошелъ *Самко Мушкетъ*; а за Паномъ Хорунжимъ мало — мало не три тысячи, все храбрые поварищи Запорожцы — на коняхъ гарцюють, саблями поблескивають, бьють въ бубны, Богу молитвы возсылають, кресты полагають.

А Самко́ Мушкепъ — онъ на конѣ не гарцуешь, коня сдерживаешь, къ себѣ пришагиваешь, — думаешь гадаешь... Да чтобы сто чершей бѣдою пришибли его думу, гаданье! Самко Мушкепъ думаешь гадаешь, говоришь словами:

„А что́ какъ наше козачество, словно въ аду, Ляхи спалаятъ? да изъ нашихъ козацкихъ костей пирь себѣ на похмѣлье сваряютъ? . . .

„А что́ какъ наши головы козацкія молодецкія по степи-полю полягутъ, да еще и родною кровью омоются, пощепанными саблями покроются?.... Пропадетъ, какъ порохъ изъ дула, ша козацкая слава, что по всему свѣту дыбомъ спала, — что по всему свѣту степью розлегалась, пропьянулась, — да по всему свѣту шумомъ лѣсовъ раздалась, — Туреччинѣ да Татарщинѣ добрымъ лихомъ знать дажась, — да и Ляхамъ-ворогамъ на коше опдалась? . . .

„Закрячеть воронъ степью лепучи,
Заплачеть кукушка лѣсомъ скачучи,
Закуркуютъ сизые кречеты,
Задумаюся сизые орлы —
И все, все по своихъ братьяхъ,
По буйныхъ поварищахъ козакахъ! . . . .

„Или ихъ сугробомъ занесло, али въ аду попопало: что не видно чубашыхъ — ни по степямъ, ни по лугамъ, ни по Татарскимъ землямъ, ни по Чернымъ морямъ, ни по Ляшскимъ полямъ? . . .

Закрячеть воронъ, загрѣетъ, зашумитъ, да и полепнитъ въ чужую землю. . . . Анъ нѣтъ! косши лежатъ, сабли шорчатъ; косши хрусчатъ, пощепанны сабли бренчатъ. . .

„А черная, сивая сорока оскалилась и скачеть. . . А головы козацкія — словно швецъ-Семень шкуру поперялъ!

А чубы́ — словно чортъ жгушы повилъ: въ крови всѣ за-
сохли: то-то и славы набрались!

Вотъ пошли козаки на чешыре дороги, — что на
чешыре дороги, а на пяшое на Подолье. Что однимъ по-
лемь—то пошелъ Самко́ Мушкешъ, а другимъ полемъ *Сте-
панъ Кукуруза*; какъ сизая голубка, свою буйную голову
повѣсилъ. А за нимъ идушь мало-мало не шрѣ тысячи, все
храбрые поварищи Запорожцы: на коняхъ гарцууютъ, са-
бельками поблескиваютъ, бьютъ въ бубны, Богу молимым
возсылаютъ, кресты полагаютъ, къ Степану Кукурузѣ такіа
слова говорятъ:

— Живъ-ли ты, здоровъ-ли, Панъ Степанъ? Или ты
умеръ, что швою головушку какъ дубомъ пришибло къ землѣ?
Раздумье не въ поминанье! Когдажъ нибудь да надо по насъ по-
минки шворить. Какъ по насъ, Пане! спарыа бабы спанушь
въ полѣ свистѣть; а по тебѣ, Пане, молодья дѣвицы за-
чнушь голосить! —

— „Да то все одинако, что Якимъ, что Яковъ! Вотъ
какъ дойдемъ до пяшаго яра, то хошь и середь лѣша —
зашумить, загудеть не-приведи-Богъ-буря. . . Будеть и
нашимъ бѣда, какъ куковала кукушка спелью лепучи, лѣсомъ
скачучи. Что она куковала, то правду говорила. Налешать
брылы сизые, спанушь горевать; а вѣроны налешатъ, спа-
нушь добычи ждатъ, поджидатъ. Вотъ какъ налешатъ лѣ
кукушки, что насъ не забыли. . . Что жидь, а что дѣдъ,
а что и Запорожскій козакъ. . . .“

Вотъ пошли козаки на чешыре дороги, — что на
чешыре дороги, а на пяшое на Подолье. Что однимъ полемь—

то пошелъ Самко Мушкетъ ; а другимъ полемъ — то пошелъ Степанъ Кукуруза ; а третьимъ полемъ — то пошелъ Карпо Палпора • Кожуха : на конѣ гарцуешь , поешь пѣсню . А за нимъ идутъ мало - мало не три тысячи , все храбрые поварихи Задорожцы : на коняхъ гарцуютъ , саблями поблескиваютъ , бьютъ въ бубны , Богу молитвы возсылають , кресты полагають .

А Карпо Панъ Гешманъ (?) на конѣ гарцуешь , поешь пѣсню :

Разсукина ша поска меня засушила ,

Она меня молодого , она съ ногъ свалила .

А я шой ужъ шоскъ да не поддаюсь :

Ой пойду я къ шинкароукъ горьки напысю .

Ой кто хочеть меду пипъ , пойдёмъ до жидовки —

У жидовки чёрны бровки , высоки подьовки ,

Юпочка песпренька , сама молодецка —

Ужъ и чшо за пригожая , то-шо удалая !

Шинкароука моя ! лей мнѣ меду , вина ,

Да чшобъ моя головушка веселенька была !

„Коли ны женатый , то иди до дому ;

Колижъ не женатый , то ночуй со мною !“

— Ешь у меня жонка и дѣшочекъ двое —

Да не приголубится , серденько милое !

ДУМА ШЕСТАЯ.

О ХМЕЛЬНИЦКОМЪ И БАРАБАШѢ.

Въ 1646 г. Войсковою Асауль *Иванъ Барабашъ* былъ уже Наказнымъ Гетьманомъ; *Богданъ Хмельницкій* Войсковымъ Писаремъ; *Бѣлоцерковскій Климъ* мнѣ неизвѣстенъ (не Полковникъ ли *Гира?*).

Въ семь году Король Владиславъ писалъ къ Барабашу: „Когда вы есте войны добрые, саблю и силу имѣете: кно-же вамъ за себя спать воспрещаетъ?“ Барабашъ скрылъ эту грамагу; но Хмельницкій узналъ содержаніе оной отъ самаго Короля, въ бытность свою въ Варшавѣ по дѣлу съ Чаплицкимъ за извѣстную обиду.

Прозшествіе, описанное въ сей Думѣ, случилось въ концѣ 1647 года. Вслѣдъ за онымъ Барабашъ былъ отъ Польскаго Правительсва сдѣланъ Гетьманомъ; а Хмельницкій воздвигся на Польшу. — Не знаю какимъ Старостою былъ тогда *Криевскій* (убитый въ 1649 г.), Чагирискимъ же старостою былъ Александръ Конемподьскій.

Въ стихѣ: *Кумомъ его до себе прохажъ* — я выпустилъ слова: *до города Чигринѣ*, ибо это ошибка вѣроятно позднѣйшихъ Бандуристовъ. Слова эти я поспавилъ вмѣсто *до города Черкаса*, въ другомъ стихѣ (*Чуру своего посылавъ*); а въ стихѣ: *днемъ и ночью изъ Чигринѣ послѣдѣвъ* — было въ стихѣ *до Чигринѣ*.

Изъ день-години (58),
 Якъ спала престога на Украинѣ,
 То ихнѣ не може обобрати (59)!!!
 За вѣру Христіянську одностійне (60) спати;
 Только обобративъ Барабанъ, да Хмельницкій,
 да Кайсъ Владоцкѣвскій;
 До Король выстунали, Наверсаловъ (61)
 прохавъ,
 То Король Наверсалы писавъ,
 Самому Барабану до руки подававъ;
 А Барабанъ листы якъ завѣвъ,
 Три годы козакамъ знаннѣ не дававъ,
 То Хмельницкій пѣе догадавъ,
 Кумомъ ёго до себе прохавъ, добре угощавъ.
 А якъ спавъ Барабанъ на надписку (62) гуляти,
 Спавъ ёму Хмельницкій казани:
 „Годъ (63) шобъ, Пане куме, листы Королевскій
 держани;
 Дай менѣ хочъ прочипати
 — „На що тобъ, Пане куме, ихъ знаннѣ,
 Мы дачи не даемъ,
 Въ войсько Польске не идемъ;
 Не луччебъ намъ зъ Ляхами,
 Мосцѣвыми (64) панами,
 Мирно пробувати;
 А нежь пойши луговъ пѣширати, (65)

- (58) Съ порм-времени. (59) Обобратися — вызваться.
 (60) Одностійне — въ одну спая, единодушно. (61)
 Ниверсаль — Универсаль. (62) На-подписку —
 на-весель. (63) Годъ, буде — довольно, полно, будетъ!
 (64) Мосцѣвый — знатный, вельможный. (65) Нежел
 пойши луга перешы

Своімъ пѣломъ комарѡвъ годовашн (66)?“

То Хмельницькій шее зачувавъ,
Ще луччихъ напѣшковъ подававъ.

То Барабашъ якъ упѣвся,
На лѣжку (67) спати звалѣвся.

Тогдѣ Хмельницькій ключѣ одбѣравъ,
Чуру свого до города Чигринѣ посмлавъ,
Велѣвъ ключѣ Панѣ Барабашовѣй подати,
Лѣстѡвъ Королѣвськихъ пшпати.

То чура до неѣ прибувае,
Словами промовае:

„Панѣ Барабашова! пшѡѣ Панѣ спавъ у насъ гу-
ляпи,

А побѣ велѣвъ лѣсты Королѣвскѣй подати.

„Де-сь (68) моему Пановѣ лихомъ занудѣлось,
Що зъ Хмельницкимъ гуляпи схопѣлось!

Пойди въ глухомъ кѡнцѣ подѣ ворѡтми
Лѣсты Королѣвскѣй въ шкапулѣ вѡзми!“ —

То чура скѡро лѣсты доспавъ,
День и нѡчь изъ Чигринѣ поспѣшавъ;
Скѡро прибувавъ, самѡму Хмельницькому лѣсты
подавъ.

Тогдѣ Барабашъ рано прочинае (69),
У карманы поглядѣе — ажъ ключѡвъ немае.
Вѡнъ спѡрослу Кричѣвського пробужае,

(66) Годую, годовашн — кормишь. (67) Лѣжко —
кровать. (68) Де-сь — (гдѣ-шо), знашь, вѣрно. — Ли-
хомъ занудѣлось — бѣдою заповсковалось. (69) Прочи-
наши — просыпаться, очинашься.

Двома коньми піше зъ двора выѣжае,
 Думае, гадае,
 Якъ Пана Хмельницького до рукъ прибраши,
 Ляхамъ ондѣли.

ПЕРЕВОДЪ

Съ той поры-времени, какъ началась превога на Украинѣ, никого не вызовется, чптобы дружно спать за вѣру Христіянскую. Вызвались только Барабашъ, да Хмельницкій, да Климъ Бѣлоцерковскій. Пошли они къ Королю, просили граматы *Универсаловъ*.

Король написалъ Универсалы, и подалъ въ руки самому Барабашу. А какъ взялъ Барабашъ граматы, три года не давалъ знать козакамъ.

Догадался Хмельницкій: позвалъ его къ себѣ въ кумовья и спать угостилъ. А какъ разгулялся Барабашъ на-веселѣ, спалъ ему говорить Хмельницкій: „Полно тебѣ, Панъ кумъ, Королевскія граматы держаши, — дай мнѣ хоть прочиташи!“

— На что тебѣ знать ихъ, Панъ кумъ? подаши мы не даемъ, въ войско Польское не идемъ; не лучше ли намъ оспаваться въ мирѣ съ вельможными Панами Ляхами, чѣмъ идти луга поспаши, да кормиши комаровъ своимъ пѣломъ?

Какъ услышалъ это Хмельницкій, подавалъ ему еще лучшихъ напшкковъ. Упился Барабашъ и повалился спать на кровашъ.

Тогда Хмельницкій отобралъ у него ключи, послалъ своего чуру въ городъ Чигиринъ, велѣлъ подати ключи Пани Барабашевой и просить Королевскихъ граматы.

Пріѣхаль къ ней чѹра и говоришь словами: „Панья Барабашева! швой Панъ оспался у насъ гуляць, а шебѣ велѣль доспашь Королевскія грамашы.“

— Видно моему Пану больно взысковалось, что съ Хмельницкимъ гуляшь пожелалось! Поди, въ глухомъ концѣ подѣ ворошами — возьми въ шапкуль Королевскія грамашы.

Чура пошчасъ доспалъ грамапы; день и ночь спѣшилъ изъ Чягриня; скоро пріѣхаль и подаль грамапы самому Хмельницкому.

Барабашъ рано проснулся, поглядѣль въ карманы, а ключей нѣпть.

Будить онъ спаросшу Кричевскаго; шихо они на двухъ коняхъ выѣзжають съ нимъ со двора; думають, гадають: какъ-бы прибрашь къ рукамъ Пана Хмельницкаго и выдашь Ляхамъ? . . .

ДУМА СЕДЬМАЯ.

О ПОХОДѢ ХМЕЛЬНИЦКАГО ВЪ МОЛДАВІЮ.

Ошнесишь къ тому походу, кошорый былъ въ 1649.

Изъ низу Днѣпра тихій вѣперъ вѣе, повѣвае;
 Вѣйсько козацьке въ походѣ выступнае:
 Тѣлько Бѣгъ Свяпый знае,
 Що Хмельницкый дѹмае, гадае!
 Обѣ пѣомъ не знали ни Сѣпники,
 Ни Опшаманы Курѣнными, ни Полковники:

Тільки Богъ Свящій знає,
Що Хмельницькій думає, гадає! . . .

Якъ до Дністра прибували;
Черезъ три перевози переправу мали;
Самъ Хмельницькій напередъ-всѣхъ рушавъ,
До Холмія (70) прибувавъ, у старшого Копитана
на квартиру спавъ,
До Василя Молдавського листы посилавъ, слова-
ми промовлявъ:

„Що ты зо мною будешъ гадати —

Чи будешъ бійся,

Чи будешъ мириться;

Чи на примірьє будешъ приймати,

Чи славної Волочины половину отдавати?“ —

То Василій Молдавській пісе зачувавъ,

До Потіцького листы посилавъ, словами про-
мовлявъ:

— Гетьмане Потіцькій,

Що въ тебе розумъ жоніцькій!

Ты за дорогими напійками, бенкетами уга-
наєшь (71) —

Чомъ ты Хмельницького не еднаєшь? (72)

Вже почавъ вѣтъ землю вѣньскими копытами
орати,

Крѣвю Молдавською поливати! —

Тогдї Ляхї изъ горада изъ Сочавы (73) упѣкали,

Василію Молдавському знаши давали,

(70) Холмія — гор. Хошинь. (71) За бенкетами уга-
наєшь — за пирами гоняєшься. (72) Еднаєшь — склю-
чаєшь (на свою спору), единить. (73) Въ Буковинѣ.

То Васи́лій Молда́вський до Ясєь прибуває,
 Слова́ми промовляє:
 — Ой вы Яссы мой, Яссы!
 Були естé ба́рзо (74) красны,
 Да вкѣ не бѹдете таки́,
 Якъ прійдушъ козаки́! —

То па́нъ Хмельни́цькій до́бре учини́въ: Польщу за-
 смуши́въ,
 Во́лощину побѣди́въ, Гепсьма́нщину звесели́въ.

Въ той ча́сь була́ честь, сла́ва,
 Во́йсько́вая спра́ва!
 Сама́ себѣ на смѣхъ не дава́ла,
 Непри́теля по́дъ но́ги топта́ла.

П Е Р Е В О Д Ъ .

Съ низовья Днѣпра тихий вѣтеръ вѣетъ, повѣваетъ, —
 козацкое войско въ походъ выпускаетъ. Только Богъ Свя-
 тый знаетъ что, Хмельницкий думаетъ - гадаетъ! — Не
 знали о томъ ни Сопники, ни Куренные Апаманы, ни
 Полковники. . . только Богъ Святый знаетъ что, Хмель-
 ницкий думаетъ - гадаетъ! —

Какъ подѣхали къ Днѣпру, переправлялися черезъ
 при перевоза. Впереди всѣхъ былъ самъ Хмельницкий. Какъ
 вспушилъ онъ въ Хопингъ, остановился въ домѣ у спарша-
 го Капитана, посылалъ письма къ Василью Молдавскому,
 и говорилъ словами: „Какъ ты со мною будешь вѣдаться:

(74) Ба́рзо (Польское слово) — очень, весьма. Чисто, по
 Малоросійски — дѹже.

будешь биться или будешь мириться? или примешь мою
 съ миромъ и отдашь половину славной Волощину?»

Какъ услышалъ Василій Молдавскій, посылалъ письма
 къ Попоцкому и говорилъ словами: «Гельманъ Попоцкій!
 женскій у тебя разумъ! Ты гоняешься за дорогими нацип-
 ками и пирами! что ты нейдешь на Хмельницкаго? Онъ
 ужъ началъ пахать землю конскими копытами, поливалъ
 Молдавскою кровью!»

Тогда Ляхи бѣжали изъ города изъ Сочавы.

Какъ дали о томъ знанть Василью Молдавскому, приѣз-
 жаетъ Василій Молдавскій въ Яссы, говоритъ словами:
 «Яссы вы мои, Яссы! очень вы были красны! а ужъ не
 бытъ вамъ такими, какъ придушъ козаки!»

Сдѣлалъ Панъ Хмельницкій свое дѣло: навелъ спрахъ
 на Польшу, побѣдилъ Волощину, взвеселилъ Гельманщину!

Тогда была честь, слава, войсковая справа! сама
 себя на смѣхъ не давала, неприятеля подъ ноги пошпала!

ДУМА ВОСЬМАЯ.

О СМЕРТИ ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Великій Богданъ предъ кончиною своею, въ 1657 Авг.
 6 собралъ въ Чигринѣ козаковъ для избранія Гельмана;
 онъ предлагалъ на выборъ, какъ значится въ Исторіи (см.
Бант. Кам. ч. II. стр. 20) *Пушкаря*, *Павла Тетерю*
 Полков. Переяславскаго, и Генеральнаго Писаря *Иоанна*
Виговскаго; а по словамъ Думы сей — Полковниковъ:
 Полтавскаго *Пушкаря*, Миргородскаго *Костыря* (или
 Лѣсницкаго), Кропивенскаго *Филона Читал* (ш. е. *Джел-*

жѣя или *Джеджелѣя*) и Кіевскаго *Вологала* (или *Адамовка*); но козаки наслѣдникомъ своему Гетьману захопѣли избрать 16-лѣшняго Гетьманича безпаланнаго *Юрія*.

Умеръ Богданъ послѣ того чрезъ 8 дней (15 Авг.), въ продолженіе коихъ, какъ видно изъ Думы, Юрій оплучался къ Бѣлой-Церкви.

По смерти Богдана дѣлами управлялъ *Виговскій* (въ Думахъ называемый *Луговскимъ*), который былъ взятъ въ плѣнъ 1648 при Желшыхъ Водахъ, попомъ вкрался въ довѣріе къ Хмельницкому, а послѣ него измѣннически дѣйствовалъ для Малороссіи и для Россіи, такъ что оспалась даже пословица: *обманувъ, якъ Луговскій Москву*. — Обманы его вполне открылись дѣйствительно чрезъ полпора года, послѣ чего въ Августѣ 1659 опять былъ избранъ въ Гетьманы Юрій Хмельницкій.

==

Зажурилася Хмельницького сѣдая голова,
Що при ёму ни Сѣпниківъ, ни Полковниківъ нема:
Часть приходили умірали,
Нѣкому порáды (75) дáли.
Покликне вѣтъ на Ивана Луговського
Писаря Вѣйскового:
„Иванъ Луговскій,
Писарь Вѣйсковый!
Скорѣйше бѣжи,
Да листы (76) пиши,
Щобъ Сѣпники, Полковники до мене прибували,
Хоть мало порáду давали!“ —

(75) Порáда — совѣтъ. (76) Листы — письма, граматы.

То Иваць Лугівський

Писарь Вѣсковый,

Ліспы писавъ,

До всѣхъ розсылавъ.

То Сѣпники, Полковники, якъ ихъ прочипали,
Усѣ покидали, до Гѣшмана Хмельницького скорѣйше
прибували.

То Гѣшманъ добре ихъ приймає,

Словами промовляє:

„Панове молодці! добре вы дбайте,

Собѣ Гѣшмана наставляйте;

Бо я спарь, болѣю,

Больше Гѣшманомъ не здолѣю! . . .

Коли хочете, Панове, Амѣона Волочая Кіевського,

Абѣ Грицька Коспыря Миргородського;

Абѣ Филона Чичая Кропивьянського;

Абѣ Маршина Пушкаря Полпавського.“

То козаки шее зачували, смѣшно себе мали,

Тяжко вадыхали, словами промовляли:

— Не прѣба намъ Амѣона Волочая Кіевського,

Ни Грицька Коспыря Миргородського,

Ни Филона Чичая Кропивьянського,

Ни Маршина Пушкаря Полпавського;

А хочемъ мы сына швого Юрѣя молодого,

Козака лестрового!

— „Вѣнь, Панове молодці! молодой разумъ має,

Звычайевъ козацкихъ не знае!“

Будемъ мы спарыхъ людеѣ бѣля (77) его держати,

(77) Бѣля — подѣль, возѣль.

Будушь воны ёго научани, будежь ёго добре по-
важани,
Тебе бацька нашого, Гетьмана споминани! . . .
То Хмельницькій пее зачувавъ, великую радощи
собъ мавъ,
Сядою головою поклонъ отдававъ, слезы проливавъ.
Скоро послѣ того ще й горше Хмельницькій зне-
могавъ,

Опрощенье зо всѣми приймавъ,
Милосѣрдому Богу душу отдавъ. —
То не чорні хмари ясне сонце вступали,
Не буйными вѣпры въ пемнѣмъ лѣзъ бушували,
Козакі Хмельницького ховали,
Бацька свого оплакали . . .
А молодій Юрѹсъ подъ Бѣлою-Церквою гуляе,
Объ смертї опщевськѣй не знае,
Скоро лейтары до ёго прибували,
Лїспы подавали.
То Хмельниченко лїспы якъ прочипавъ,
Свѣта Божого не взивавъ!

То не багачо Лугѣвській гетьмановавъ,
Пѣвпорá гѣда булаву державъ.
Скоро Сотники, Полковники прибували,
Юрѹся Хмельниченка Гетьманомъ поставляли:
„Дай-же Боже! козакі промовляли:
За Гетьмана молодого
Жипи якъ за старого,
Хлѣба, соли ёго вживани, (78)

(78) Вживани — употреблянь (пицу или пивня).

Города́ Турецкѣи пלי́ндрова́ти (79);
Сла́вы, лыщарсы́тва коза́цькому во́йську доспава́ти!

П Е Р Е В О Д Ъ.

Запечалилась Хмельницкаго съдая голова, что нѣтъ при немъ ни Сопниковъ, ни Полковниковъ; приходишь смерпный часъ, а совѣша дашь нѣкому! — Говорить онъ Ивану Луговскому, Войсковому Писарю: „Иванъ Луговскій, Войсковой Писарь! бѣги скорѣе, пиши граматы, чобы ѣхали ко мнѣ Сопники, Полковники, хоть мало бы мнѣ посовѣщывали!“ — Иванъ Луговскій, Войсковой Писарь граматы писалъ, ко всѣмъ разсылалъ; а Сопники, Полковники, какъ ихъ прочли, все бросили, скорѣи спѣшили къ Гетьману Хмельницкому. — Гетьманъ принимаетъ ихъ ласково и говоритъ словами: „Паны молодцы! дѣлайте дѣло, ставьте себѣ Гетьмана; а я спаръ, болѣю, больше не смогу быть Гетьманомъ. Коли хопите, Паны, Антона Волочая Кіевскаго, либо Григорья Косшыря Миргородскаго, либо Филона Чичая Крапивенскаго, или Маршына Пушкаря Полтавскаго!“

Какъ услышали козаки, смущились они, шлжко вздыхали, и говорили словами: „Не надо намъ Антона Волочая Кіевскаго, ни Григорья Косшыря Миргородскаго, ни Филона Чичая Крапивенскаго, ни Маршына Пушкаря Полтавскаго: а хопимъ мы швоего сына, молодаго Юрья, козака рееспроваго.“

(79) Пли́ндрова́ти (съ Нѣм. *plündern*) — грабить, разорять.

— „Онъ, Паны молодцы, разумомъ молодъ, не знаетъ козацкихъ обычаевъ.“

— Будемъ держаль при немъ старыхъ людей. Будуть они его учить, мы будемъ почитать его, и вспоминашь тебя, отца нашего Гетьмана. —

Какъ услышалъ Хмельницкій, былъ радъ, проливалъ слезы, отдавалъ поклонъ съдой головою.

Скоро послѣ того еще сильнѣе занемогалъ Хмельницкій, со всѣми прощался. Милосердому Богу отдавалъ душу. —

То не черныя тучи заступали ясное солнце, не буйныя вѣтры бушевали въ темномъ лѣсѣ: козаки Хмельницкаго хоронили, отца своего оплакивали.

А молодой Юрій гуляеть подь Бѣлюю-Церковью, не знаетъ о смерти опцовской. Скоро прїѣзжали къ нему рейтары, подавали письма. — Какъ прочель письма Хмельниченко, не взвидѣлъ свѣтна Божьяго . . .

Немного Луговскій гетьманспововалъ: держаль булаву полтора года.

Скоро съѣзжались Сотники и Полковники, спавили Гетьманомъ Юрія Хмельницкаго.

„Дай же Боже, говорили козаки, при молодомъ Гетьманѣ живъ какъ при старомъ! видѣшь его хлѣбъ - соль, разоряшь Турецкіе города, доспавашъ казацкому войску рыцарской славы!“

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ III.

ДУМЫ О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА ПОСЛѢ БОГДАНА.

Ту кроваваго вина не доспа! шу пирь докончаша храб-
рыи Русици, свашы попиша, и сами полегоша за землю
Руськую. Ничишь права жалоцѣми, а древо съ шугою къ
земли приклонилось.

Пѣснь Игорю.

Ж. — Баторій, давшій козакамъ усройство, раздѣлялъ ихъ на *выборныхъ* и *охочекоманныхъ*.

ВЫБОРНЫЕ ИЛИ РЕЕСТРОВЫЕ (ЛЕСПРОВЫИ) козаки составляли поспоянное войско, въ мирное время бывшее пограничною стражею Украины. Они оставались не женатыми. При Баторіѣ считалось ихъ 6,000; при Богданѣ (1650 г.) въ 15 полкахъ 57,889 — кромѣ Гадяцкаго и Бѣлоцерковскаго полковъ.

З. — **ОХОЧЕКОМАННЫЕ** козаки въ мирное время вели жизнь поселятъ и промышленниковъ, но въ военное время составляли цѣлыя полки; и дано было имъ право всякаго принимать къ себѣ въ козаки, почему множеству *посполитыхъ* (*) спали опходить опы помѣщиковъ. Такимъ образомъ чрезвычайно усилилось козачество. При Баторіѣ всѣхъ вообще козаковъ считалось около 20,000; а во время возстанія было 200,000, — по сказанію Воюлана.

И. — **КОМПАНИЙЦАМИ** назывались пять полковъ, изъ охочекоманныхъ козаковъ, составившихся въ послѣдствіи и содержавшихся на жалованьи. 1776, Они переобразованы въ при полка регулярной конницы; а въ 1785 размѣнены въ корабельные полки, изъ Малороссійскихъ полковъ устроенныя.

К. — **СЕРДЮКАМИ** назывались 4 пѣхотные полка (около 1674 г. при Дорошенкѣ составившіеся, по мнѣнію Ваншышъ - Каменскаго); при Мазепѣ они состояли изъ всякаго сброду и были его пѣлохранителями, ненависными для народа и войска козацкаго.

(*) Посполитыми назывался простой народъ (*речь*): изъ нихъ, кои не имѣли земли и дворовъ (не - грушковые), назывались *судьми* и *подсудьми*.

ДУМА ДЕВЯТАЯ.

ОБЪ ИВАНЪ КОНОВЧЕНКЪ.

Прекрасная дума сія опносітся къ 1684, когда За-днѣ-провскіе козаки ходили въ Бѣлгородчину на Тапшарь, разби-ли ихъ подъ *Тягномъ*, и опбившись опть пришедшаго съ войскомъ Ханскаго сына, по возвращеніи своемъ, убили Гепь-мана *Кунцкаго* (поспавленнаго *Собьскимъ*) за то, что онъ бѣжалъ съ поля битвы (см. *Лѣтоп. Рубана*). *Корсунскій* Полковникъ *Филоненко*, нажешся, былъ сынъ Филона Чичая (*Джеджеля*: *Джеджели* близъ *Корсуна*, находящагося въ Кіев. губ. между Черкасiami и Богуславомъ, на р. Роси). *Крыловъ* между Чигириномъ и Днѣпромъ. *Черкень-долнина* не доли-же чюдъ и Черная долина? Городъ *Тягнъ* нынѣ се-леніе Тягинка въ Херсон. уѣздѣ между р. Ингульцомъ и горо-домъ Бериславлемъ (*Кизикерманомъ*). Рѣчка *Тягнъ* впадала съ правой стороны въ Днѣпръ, до верши ниже Ингульца.

Сарапча названа *гнѣвомъ* *Божіимъ* по пому повѣрью, будпо эти слова Еврейскими буквами написаны у ней на крыльяхъ.

На славной Украинѣ,
У славномъ городѣ у Корсунѣ

Кликне, покликне Хвилоненко, Корсунскій Пол-
ковникъ:

„Годѣ вамъ, панове молодці! домоваши,
„Идѣше зо мною на Черкенью-долину гуляти,
„Славылицарьства козацькому войську доставаши!“

Опшодѣ по городѣмъ не музы́ки выгравѣли,
 Ослу́лы вѣйсковѣи похожа́ли,
 Лѣспы чинѣли, козакѣвъ въ походѣ выкликали:
 А хто бѣде пам-опщѣвого — промовѣли —
 Недѣлешнѣго обѣда дожидѣти;
 Той бѣде Хвилонѣнка,
 Корсунскаго Полковника,
 Въ шестѣи мѣляхъ доганѣти! —

У городѣ у Черкасѣ жила́ вдова́ спарѣнька,
 Мала́ собѣ (80) сына́ Ива́на вдовичѣнка Коновчѣнка
 Вона́ пѣе пѣрше (81) ёго́ зачува́ла,
 До госпѣды (82) найскорѣйше прибува́ла,
 Усѣ конѣи изъ госпѣды позсыла́ла,
 Все ору́жье у ко́мнатѣу замыка́ла,
 Къ до́му Бо́жому до́ церкѣви поспѣша́ла.
 То Ива́съ одѣ сна́ прѣчина́е по ха́пѣ поглядѣе (83) —
 Ажъ ни одѣи ша́блѣи була́нниои,
 Пища́ли семицѣяднои
 На спѣнѣи нема́е!

У спѣнѣи (84) ухожа́е, а на спѣнѣи ни одѣно́го конѣи
 вороно́го.
 Во́мѣи нѣньку спарѣньку бѣла́я церкѣви доганѣе, сло-
 ва́ми промовѣе:
 „Не-дѣбре ты, ма́ти, згада́ла,
 Що всѣ конѣи изъ госпѣды позсыла́ла,
 Все ору́жье у ко́мнатѣу замыка́ла;
 А лу́ччебѣи ты, ма́ти, зроби́ла, (85)
 До́ города́ Крыло́ва одѣзди́ла,

(80) Имѣла у себя. (81) Сперва, прежде его услышала. (82)
 Госпѣда — домъ. (83) Пробуждается. (84) Спѣнѣя —
 сарай лошадиный. (85) Сдѣлала.

Спо злопыхъ жиду оландарю (86) давала ;
 У нарядѣ доброго коня куповала ,
 Менѣ молодого въ походѣ агаряжала ! —
 „Маешъ ты чопыри воли чабанымъ (87) ,
 Два кони опщевскій ворожымъ ,
 Можешъ добре у Черкасѣ поживати ,
 Козакѣвъ на хлѣбъ , на сѣль заклакати.“
 — Що менѣ съ того, що буду я добре поживати,
 Будушь менѣ козаки за хлѣбъ , за сѣль поважати !
 Тѣлько будушь менѣ , маши ,
 На-пѣдипку , гречкосѣемъ , домоптаремъ (88) ве-
 личаши ,
 Коня моего прибудю называти .
 И вже менѣ не чѣспѣ , не подѣба (89) по рѣльямъ
 (90) споникаши ,
 Жовпыхъ чобѣтъ каляши , (91)
 Дороги сувни пыломъ (92) набивати !
 А хочешъ менѣ , маши ,
 Пѣйши пѣдъ городъ Тагину гуляши ,
 Славы лыцарества доставати ! . . —
 То нѣе промовлявъ ,
 У мѣньки спаренькомъ благословѣнья бравъ ,
 Изъ дому опщевского постышавъ ,
 На Черкѣню-долину зъ козаками прибувавъ .

Не ясенъ соколъ на долину по шабуру гудѣе ,
 Не бѣлая лѣбедь спѣвае :

(86) Оландарь — арендаторъ. (87) Чабаный — выхо-
 женный. Чабанъ — пасухъ. (88) Домосѣдъ. (89) При-
 личіе. (90) Ролѣ — борозда, пащина. (91) Пачкашъ. (92).
 Пыль — Пыль.

Полковникъ Хвилоуѣнко похочѣе,

Словами промовляе :

„Копорый-по, панове молодці, козакъ дородный (93),
Ще й конь подъ нимъ воздобный (94),
Пойде за мною на Черкѣню-долину гуляши,
Славы лыцарсыпва козацкому войску доставали?“

То Ивасъ Коновчѣнко пее зачувавъ,
Напередъ всѣхъ благословѣнья прохавъ (95).
„Ты дщица, Ивасю, молодá! полковникъ промовлявъ —

Ни на полъ, ни на моръ не бувало;
Смерпй бйля себе не видало,
Якъ звычайи козацкй познаешъ,
Лучче погди погуляешъ.“

— Не всѣ спарй пшйцй высоко лѣпáюпъ,
Не всѣ опарй щукй карасѣвъ хапáюпъ,
Трапляется (96), бальду, що крячя (97) малее
Ловишь рыбку красче нѣжъ спарее. —

То Ивасъ пее промовлявъ,
Зъ Полковникомъ на долину выѣжавъ,
Дванáдцать Тапáръ передъ мечъ принявъ,
Шѣсть на арáнъ звьявáвъ,
Хвилоуѣнку гостинца подавáвъ.
То Полковникъ бусурмановъ принимае,
Ивася Коновчѣнка бйля себе сажáе, славу его выхвалáе.

То Ивасъ великую радость мае, словами промовляе:
„Благослови мене, бáпъку, оковйпой (98) напишься,

(93) Способный (94) Удамый? (95) Просиль. (96) Случается. (97) Крячокъ, ушка. (98) Оковйпая — aqua vitae! — хлѣбное вино.

Я не зарѣкаюсь съ бусурманами ще лучше побиться,
 — Не велю я побѣ, сыну, оковитом нашивати,
 Да ищши съ бусурманами на долину гуляши;
 Колижъ вже ты хочешъ ея нашивати,
 То велю въ моёмъ намѣстѣ лягти (99) спочивати.
 „Сей менѣ хмѣль не буде заважати (100),
 А буде моему сѣрдицю смѣлосщи додавати.“

То не вихорь по Черкѣнѣ-долинѣ гуляе,
 Не сізый орѣль яспребовъ ганяе,
 Вдовичѣнко Коновчѣнко на ворономъ конѣ розъ-
 ѣзжае,
 Мечѣмъ своимъ якъ блискавка сѣе,
 Трѣхъ Татаръ-яничаръ зъ коней збивае;
 Тогдѣ шаблю буляшну опускае,
 Козакѣмъ льщарьство свое выхваляе,
 Безпечне по долинѣ розъѣзжае,
 Бусурмановъ на смѣхъ подѣймае.
 То безбожнѣ бусурманы тѣе зачували,
 Наилого козака заразъ познавали,
 Больше ему поля гуляши попускали,
 Одъ шабура козацького заразъ отбивали,
 Гнѣвомъ Божимъ, саранчою, на козака налетѣли,
 Шаблями, пистоллями смершныи раны даровали,
 Только коня козацького не поймали. —
 То добрый конь до шабура прибѣгае,
 По курямъ гуляе, гострыми копытами зѣмлю
 копае,

(99) Лягаю, лягши — ложусь, лечь. (100) Тягосить.
 Вага — шажесть.

Смѣшно ржучи, козака своего выкликае.
 То Хвилоненко пее зачувавъ,
 Изъ намѣна своего выпунавъ, словами промовляеъ:
 „Оп-сѣ вы, брашци, недобре зробили,
 Що наплого козака гуляпи пуспили,
 Мовъ вы самі его зъ свѣпа згубили.
 Добре вы дбайте, оружье заправляйте,
 Бусурмановъ одъ пѣла козацького отбивайте,
 Бо вже не-даромъ козацькій конь по шабуру гуляе,
 Мабуть Ивася Коновченка на свѣпѣ немає.“ —
 То козаки пее зачували, на долину найскорѣйше
 поспѣшали,
 Бусурмановъ одъ пѣла козацького отбивали,
 Шаблями, надѣлками (101) суходѣль копали,
 Шалками, припѣлами персть выбѣрали,
 Ивасю Коновченку могилу насыпали,
 Въ семипядни пицалѣ гремали,
 У суремки жалѣбно выгравали,
 Славу козацьку выхваляли. —

Скоро послѣ того спали козаки шабуръ изнимали,
 У городѣ христїянскїи уснували.
 То вдова старенька
 Мати Ивася Коновченка
 Не у дѣмѣ ся-мала,
 На базарѣ солѣдкїи мѣдъ выспавляла,
 Сына своего Ивася Коновченка выглядала.
 Перва сошна наступае,
 Вдова сына не видает.

(101) Надѣлокъ — заступъ?

Друга соння вступа, самъ Хорунжій попереду иде,
 Два козака козацького коня на поводяхъ веде.

Вдова пее забачала,
 Жалобными слова промовляла,
 Славы, смертій сына свого пишала,
 Всѣхъ козакѣвъ на хлѣбъ, на соль закликала,
 Похороны и весѣлья Ивасю опбувала,
 Полковнику козацького коня даровала,
 Старшіймъ шаблѣ, пицалѣ Ивася роздавала.

Полягла козацька молодѣцька голова,
 Якъ одъ вѣспру на спешу права!
 Слава не вмре, не поляже,
 Лыцарсьшво козацьке всякому розкаже! . . .

ДУМА ДЕСЯТАЯ.

О ПАЛѢ И МАЗЕПѢ.

Во 2й часпи сей Думы сдѣланы нѣкопорыя поправки по списку Ходаковского, въ собраніи коего она находилась какъ отдѣльная пѣсня, что видно и по самому ея складу. Происшествіе, воспѣтое въ ней, случилось въ Бердичевѣ 1704, послѣ чего Палѣ былъ сосланъ въ Сибирь.

Конецъ Думы относится уже къ 1709 году и представляетъ Палѣ сильно участвовавшимъ въ Полтавской побѣдѣ, послѣ коей остались въ Малороссіи и пословицы: 1) Добулся якъ Шведъ пѣдъ Пѣлшавою, 2) Не цѣвъ Пѣлшавськом водѣ (не испыталъ горя).

Ой ты гадаешъ, Мазѣпо, ты гадаешъ замѣняши,
 Ой ты хочешъ, ты хочешъ Царя одступати!
 Ой ты гадаешъ, Мазѣпо, въ пѣнь Москву рубати,
 А самъ хочешъ да на споліцѣ царѣмъ царствовати!

Ой що замовивъ Гетьманъ Мазѣпа къ Палѣю
 Семѣну:

— Ой Палѣю, Палѣю Семѣне! чи не зрадишъ (102) ты
 мене?

„Ой якъ же я маю, Гетьмане Мазѣпо, тебѣ изра-
 жаши,

„Коли ты будешъ, Гетьмане Мазѣпо, добре почи-
 наши.“

— Я думаю, Палѣю Семѣне! въ пѣнь Москву ру-
 бати,

А самъ хочу да на споліцѣ царѣмъ царствовати! —

„Вперѣдъ-же ты будешъ, Гетьмане Мазѣпо, у
 сповба стояши (*),

А нѣжъ будешъ на споліцѣ царѣмъ царствовати.“

Ой не знавъ, не анавъ проклятый Мазѣпа якъ Па-
 лѣя завапи;

Ой спавъ же, спавъ проклятый Мазѣпа на бен-
 кѣпъ запрошапи.

(102) Зражати — измѣнять (кому), предавать (кого).
 Израдливый, зрадливый — предательскій.

(*) Привязывать къ сполбу, было однимъ изъ позор-
 нѣйшихъ наказаній у козаковъ.

— Ой прїѣдь, прїѣдь, Палѣю Семѣне!
Да на бенкетъ до мене! —

Ой скоро Палѣнко Семѣнъ зъ своимъ войскомъ
прїѣзжае,
Ой пакъ скоро прокляпый Мазѣна чашу мѣду вы-
сылае.

Ой пѣ Палѣи, ой пѣ Семѣнъ да головоньку клонитъ,
А Мазѣникъ чѹра Палѣю Семѣну кайданы гошовитъ.
Ой пѣ Палѣи, ой пѣ Семѣнъ, изъ ногъ извалился,
Бѣрзо шому Гешманъ Мазѣна споя звеселился.

Ой якъ крикне прокляпый Мазѣна на свой гайдукъ:
— Ой вѣзьмите Палѣя Семѣна да у шѣсныхъ руки! —

Ой якъ крикне прокляпый Мазѣна на свой лейпары:
— Ой вѣзьмите Палѣя Семѣна закуйте въ кайданы!

Ой якъ крикне прокляпый Мазѣна на свою вѣзницю:
— Ой вѣзьмите Палѣя Семѣна да вкните въ
темницю!

Не давъ Гешманъ Палѣю Семѣну ни пиши на вѣспи,
Докѣль не выславъ прокляпый Мазѣна на спо-
лицю липсы.

— Опшѣ-жь побѣ, промовляе, Царю! естѣ Палѣи
каменникъ!

Вѣнъ тебѣ хѣче вже одступани, въ пѣнь Москвѣ
рубани,

А самъ хѣче да на столицѣ царѣмъ царшвовани. —

Обѣзвѣтѣся Палѣи Семѣнъ зъ темномъ темницѣ:
„Брѣше, брѣше (203) прокляпый Мазѣна въ Царя на
столицѣ!

(103) Брѣхати — лгати, лаяти, лалати — браниши.

Опже-жь побѣ, да праведный Царю! самъ Гѣпъ-
манъ измѣнникъ,
Вонъ тебѣ хоче вже одступати, въ пень Мо-
сквѣ рубати,
А самъ хоче да на столицѣ царемъ царствовати.“

Ой що вмовлять мосцѣвьи панѣ до праведна Царя:
Выпускай ты, да праведный Царю, Палѣя зъ темницѣ,
А по бѣдущѣ бусурманы Шведы на своѣй столицѣ.

Да щѣ хмѣль, да щѣ зеленѣнькій на пычѣну не
звѣлся,
А вже Палѣи пѣдъ Полпавою изъ Шведомъ побився.
Да щѣ хмѣль, да щѣ зеленѣнькій головѣкъ не зхилѣвъ,
А вже Палѣи пѣдъ Полпавою и Шведѣвъ побивъ.
Ой кликне, покликне да Корѣль Шведскѣй, на гар-
манѣ спѣя:
„Впѣкаймо скорѣйшѣ, Гѣпъмане Мазѣпо, зъ Пол-
павскѣго пѣля!“ —
Тогдѣ вони упѣкали усѣ зъ-пѣдъ Полпавы. . .
Богдѣй вони не дѣждали бѣпъся зъ козаками!

П Р И Б А В Л Е Н І Е.

ДУМА ОДИННАДЦАТАЯ.

ОТЪЪЗДЪ КОЗАКА.

Сія небольшая Дума переложена изъ пѣснь: *Гомбнъ гомбнъ по дубровѣ* (см. Кн. III. No I.), подобная коей есть и между Липовскими пѣснями; и между Рускими (*Отець на сына прогнѣвался*).

Въ недѣлю рано-порано не у всѣхъ дзвонъ (104) дзвонили,
Якъ у вдовинѣмъ дому гомонѣли.

Лихій вѣпчимъ козаченька молодого лае,
Мати сыну слѣзно промовляе:

Иди шы, сыну, мѣжь чужимъ люде,
Чи не лучче побѣ на чужинѣ буде?

Нехай (104) тебе чужий башько, сыночку, не лае,
Счѣспя твоего козацького на-вѣкъ не збавляе!

Тяжко, пѣжко менѣ тебе

Зъ дому одправляши,

А щѣ пѣжче биля себе

Въ знегодѣ держати!

Хочь пойдешь шы на чужину —

Слѣзы менѣ липи;

Хочь зоспаваю тебе, сыну —

По всякъ часъ пужити! . . .

(104) Дзвонъ — колоколь. (104) Нехай, хай — пусть,
не-замай (въ Библии — небрани).

То старшая сестра конька выводилъ ;
 Що найменша рыдае ,
 Словами промовляе :
 Изъ якои тебе , брата ,
 Спороньки ждаши ?
 Чи одъ чистого поля ,
 Чи одъ Чорного моря ,
 Чи одъ славного Заморозья ?

„Возьми ты , сестро , жовтого пьску ,
 Да посей ты , сестро , на бѣлому камнѣ :
 Коли буде жовтый пьсокъ выросташи ,
 Зеленымъ барвинкомъ камень успилаши !
 Въ той часъ буду , сестро , до васъ прибувати !
 Бо якъ пѣжко на безводи рыбѣ пробувати ,
 Такъ пѣжко на чужинѣ безродному проживати !“

То ще промовлявъ , на коня сѣдавъ , опрощенье
 приймавъ ,
 Смѣшно зъ двора опцевського козакъ выѣзжавъ .
 Довго вонѣ на могилѣ край села спояли :
 Довго , довго козаченька вѣчьми проважали , —
 А ще довше вонѣ его дома оплакали .

ДУМА ДВЕНАДЦАТАЯ.

ТОСКА СЕСТРЫ ПО БРАТЪ.

Не сіза возуленька въ шёмномъ луаѣ кувала,
Не дробная пташка въ садку щебешала,
Сеспра въ брапомъ изъ-далека розмовляла,

Поклонъ посылаа:

„Брапнику мой милый,
Якъ голубонько сивый!

Приди до мене изъ чужой стороны,
Посыли мене при лихой години!“

—Сестро моя родненька,
Якъ голубонька сизенька!

Якъ я маю прибываши,
Тебе навещаша,

За темными за лѣсами,

За дальными за степами,

За быспрыми за водами? . . .

„Черезъ шёмный лѣсъ яснымъ соколомъ лети,
Черезъ быспрымъ воды бѣлымъ лебедемъ плыви,
Черезъ степы далекіи перепелочкомъ бѣжи,
На моемъ, брапе, подворьи ны голубонькомъ пади,
Добре слово взговори,

Мое сердце сиротское завесели!

Чужий, брапе, сестры зъ дому Божого идущь,

Всѣ якъ бчолочки (105) гудущь,

(105) Бчолá или бджолá — пчела.

На хлѣбъ, на соль людѣмъ закликаюшь,
Менѣ-жъ, братце, словомъ не займаюшь,
Мовъ въ вѣчи не знаюшь . . .

А якъ коли-сь зъ нами хлѣбъ-соль повожали,
Въ пой часъ кумами, побратами звали;
А якъ приспѣгла несчастна година —
Названа и кровна одреклась родина. . .“

КНИГА ВТОРАЯ.

ШЕСТИ КОЗАЦКІЯ

БЫЛЕВЫЯ.

То старина, по и дѣянье:
Синему морю на утѣшенье,
Быспрымъ рѣкамъ слава до моря,
А добрымъ людямъ на послушанье,
Веселымъ молодцамъ на погудочки,

Стихъ о Дюкѣ Степановицѣ.

Л. — ГАЙДАМАКАМИ сначала называли сами себя Запорожцы. Это слово значить — бродяга; а Запорожцы вроятно въ началѣ были почти поже, что *брѣдники* Молдавскіе. Въ послѣдствіи имя Гайдамакъ на Украинѣ усвоилось только стѣмъ вапагамъ Запорожцевъ, кои, не составляя *войска Запорожскаго*, охотились разбоемъ: всѣхъ же Запорожцевъ Гайдамаками называли только Поляки въ бранномъ смыслѣ, подобно тому, какъ и слово Козакъ было бранное, особенно у Турковъ.

Войцеховичъ и Срезневскій пишутъ *Гайдомакъ*, производя отъ *гай* (лѣсъ) и *домъ*, — лѣсной жилище; но мнѣ кажется, что вышесказанное значеніе вѣрнѣе: Гайдамакъ слово Татарское, употребительное также еще у Турковъ, Молдаванъ: *гайда* — пошѣлъ, гуляй; *макъ* — окончаніе неопредѣленнаго наклоненія. Впрочемъ слово *гайда* иногда употребляется какъ существительное имя, почти однозначительное съ Украинскимъ словомъ *гультай* — гуляка (откуда и слово *гультайство*).

М. — КРАВЧИНА: такъ называло себя Запорожское войско при Наливайкѣ — не потому ли, что сей любимый ихъ вождь сначала занимался шипьемъ *кожуховъ* (пулуповъ), былъ *кравецъ* (портной)? Это обращалось ему въ укоръ и насмѣшку отъ прошивниковъ, что и могло заставить Запорожцевъ гордиться этимъ и нарочно принять себѣ это имя.

ВВЕДЕНИЕ.

Нашествіе Монгольскихъ Орды (1224—38) отдалило елишкомъ на 4 вѣка *Южно-Русскую* или просто *Русскую землю*, т. е. *Украину*, отъ ея родшвеннаго союза съ *Сѣверно-Русскими* Княженіями, съ коими она соспавляла древній періодъ нашей Исторіи, и пошомъ вмѣстѣ съ ними сполѣшь влачила пягопу ярма Ташарскаго. — Въ по время развивалась на Западѣ другая орда, Европейская: въ 1340 г. Гедиминъ отбилъ Кіевъ у *поганой Татары*, и Украинвою овладѣла *Литва беззаконная*, водившая храбрыхъ *Русиетей* на Ташарь и на Крѣжакѡвъ. Пошомъ Украина и Литва вступили въ союзъ съ Польшею (*Pacta Conventa*, 1434); но въ послѣдспвіи Кіевъ изъ Княжества обращень въ Воеводство (1478) и Украина вмѣстѣ съ Литвою подпали подъ власть Польши.

Въ сей-по *Литовскій* періодъ Украины (съ 1340) зачалась *Московія* — юное сердце, *punctum saliens* *Великой Россіи*; и между тѣмъ какъ оно, выходя изъ шаяжкой мглы Ташарской, крѣпилось и росло въ сей исполинскій и мощный организмъ, — на Югѣ зачиначось *Козачество*, кошорое, подобно лешучей комешѣ, вспыхнувъ на Украинѣ, грозно пронеслось въ мірѣ, огневою черптою означило слѣдъ свой въ Исторіи, и — приспавъ къ Воспощному Солнцу, вошло въ систему великаго міра его.

Внѣшніе набѣги Ташарь и внутреннее угнешеніе отъ Литвы и Польши, въ оное время общаго хаоса, служило поводомъ къ соспавленію *Козачества* за Порогами Днѣпровскими — шамъ, гдѣ воинственный Святослав сложилъ свою буйную голову, сей первообразъ головъ козацкихъ! . . . *Запорожье* было гнѣздомъ, гдѣ роилась дружная, отважная, холостная вапага *вольныхъ Козаковъ* — плодилась безъ матери, ибо для нея была *Свѣтъ матери*, а *великій Лугъ батько*. Козаковъ сводила и дружила жажда воли, месши, бишвы и добычи, и всякой выходець — кшобъ онъ ни былъ —

могъ сдѣлаться ихъ братомъ - поваричемъ, только бы, принеся съ собою удалую боевую *отвагу*, онъ принялъ *Греческую вѣру* и *языкъ ихъ*.

Двѣ стихіи сіи, ш. е. *Азіатски-наѣздническая* и *Греко-христіанская*, глубоко приняты были кореннымъ племенемъ Украины еще въ Дотатарскій періодъ нашей Исторіи. Духъ боевой, наѣзднической воспіяли въ немъ непреспанныя схватки и сближенія съ ордами Азіяшцевъ; а въ сношеніяхъ съ Византійцами они получили Восточное христіанство и *письменство*. Живое сліяніе сихъ двухъ стихій съ *природнымъ* свойствомъ ихъ души составило ихъ характерную особенность. Природное же свойство ихъ состоишь въ угрюмой, споль способной къ внутренней жизни *глубинѣ* духа, которую искони воспіало въ нихъ родное имъ *Черное* или *Русское* море, и въ *грустномъ безпегьѣ*, къ коему расположила ихъ жизнь степей Днѣпровскихъ. Ибо Украинцы или Малороссіяне соспавляютъ Восточную половину *Южныхъ* или *Черноморскихъ* Руссовъ, имѣвшую своимъ средоточіемъ богоспасаемый градъ *Кіевъ*, именовъ коего называлась иногда и самая спрана ихъ — *Земля Руськая, Украина* или *Малороссія* (1). Западная половина ихъ составила Черьленную (*Красную*) *Русь* или *Галицію*, гдѣ *Южно-Русскій* языкъ ихъ и нынѣ называется *Руськимъ*, у насъ же названіе *Русскаго* усвоилось языку Сѣверно - Русскому или Велико - Русскому.

(*Слово о полку Игоревѣ* есть драгоцѣнный памятникъ Южно-Русской Поззіи XII вѣка, имѣющій, по моему мнѣнію, поэпическое однородство съ Думами и пѣснями Украинскими.)

(1) Напримѣръ въ Никон. Лѣт. Ч. 3. с. 4. — „Того-же (1239) „лѣта Башый нача посылати рашь на грады Рускіе, и вѣдша „градъ *Переяславль Рускій* иже въ *Кіевъ*.“ Переясловъ всегда въ сей Лѣтописи наз. Рускимъ, въ оплчїе ошъ Переяслава Залѣскаго.

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ I.

БЫЛЕВЫЯ ПѢСНИ

О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА ДОУНИАТСКИХЪ.

Полягла козацька молодѣцька голова
Якъ одь вѣпру на спену права!
Слава — не вмере, не поляже,
Лыцарсьшво козацьке всякому розкаже! . .

Дума X.

ЗАМѢЧАНІЕ I.

Въ началѣ 16 столѣтія Козачество изъ Запорожья разливалось уже по Украинѣ, и мало помалу пересиливало собою такъ называвшееся *рыцарство Шляхѣтное*. — Татарскимъ именемъ *козака*, означавшимъ первоначально только *наѣзника*, стали называться уже всякой добровольный воинъ. Наконецъ это слово обратилось въ народное, коимъ называли себя Украинцы. „Козаковъ—по словамъ льпописи — на Украинѣ было сполько, сколько и людей: „речешь старшій слово, аbie войска числомъ аки права „будешь!“ — Такимъ же образомъ изъ Нѣмецкаго *рейтара* (Ritter) или *всадника* образовалось при подобныхъ обспоятельстввахъ *Западное рыцарство*, въ противоположность коему *Козачество Украинское* предспавляло собою *рыцарство Восточное, народное*, имѣвшее и свою народно-рыцарскую или Козацкую Поэзію, и свою народную войну за Восточную Церковь, и нашедшее себѣ владыку въ единовѣрномъ Царѣ Восточномъ (или Московскомъ).

Съ 1506 года *Евстафій Дашковичъ* былъ пождемъ Запорожцевъ; а сподвижникъ его *Предиславъ Ланцкоронскій* былъ первымъ Гетьманомъ Козачества Заднѣпровскаго и основателемъ онаго въ Хмельникѣ. Попомъ предводили козаками *Венжикъ (Венцеславъ) Хмельницкій, Димитрій Вишневецкій*. Въ 1564 — 1574 козацкимъ Гетьманомъ былъ *Иванъ Свирговскій* — *тойбѣ Слава дней своихъ!* Послѣ него вождемъ козацкимъ былъ побѣдоносный *Богданко Ружный*, который въ 1576 отъ Короля Башорія (или *Батыря*) получилъ шишуль *Запорожскаго Гетьмана*, клейноды, бунчукъ, булаву и войсковую печать съ гербомъ, а Козачество было возвышено, и Украина получила устройство воинско-гражданспвенное.

Послѣ Богданка Гетьманами были *Иванъ Подкова* или *Серпяга* (1577), *Шахъ* или *Жахъ*, наконецъ *Скалозубъ*.

Весь эпопъ періодъ можетъ названъ быть періодомъ *воинской славы Козаковъ*, воевавшихъ въ сіе время съ Татарами, Турками и Волохами, не только на сушѣ, но и на Черномъ морѣ, по коему разѣзжая на своихъ лодкахъ, они производили опустошенія въ Синопѣ, Трапезонпѣ и Царьградѣ; рядъ сихъ подвиговъ заключаешся славнымъ морскимъ походомъ Скалозуба, 1589.

ПѢСНИ О СВИРГОВСКОМЪ.

Здѣсь говорится опредѣлительно о смерти сего славнаго Гешмана, последовавшей 1574; когда онъ ходилъ на Турковъ по призыву Господаря Молдавскаго Іоанна Армянина.

1 (*).

Якъ погó Пана Ивана,
Що Свѣргóвського Гешмана,
Да якъ бусурманы поймали:
То голову ёму рубали,
Ой голову ёму рубали,
Да на бунчукъ вѣшали,
Да у сурмы выгравали,
Зъ ёго глумовали.

А изъ нѣзу хмара спига́ла,
Що вóронóвъ ключа набѣга́ла,
По Укра́инѣ шуманы клáла;
А Укра́ина сумова́ла (106) —
Ой Укра́ина сумова́ла,
Свогó Гешмана оплакала.

Тодѣ буйнѣ вѣпры завывали.

— Дѣ-жь вы на́шого Гешмана сподѣвали?

Тодѣ вѣчепы налѣшали.

— Дѣ-жь вы на́шого Гешмана жалковали?

(106) Сумова́ши — грустить, горевать.

(*) Изъ Запорожской Спарины кн. I. — Тамъ составлены въ одну 2, 3 и 4 пѣсни; но я предскаваю ихъ порознь, надѣясь дополишь ихъ при помощи моихъ чинашелей.

Тоді орлы загомонѣли (107).

— Дѣ-жь вы нашого Гѣшмана зхоронили ?

Тоді жайворонки повилися.

— Дѣ-жь вы изъ нашимъ Гѣшманомъ проспилися?

У глыбоко́й у моги́лѣ,
 Бѣля́ го́рода бѣля́ Ки́ліи,
 На Туре́цько́й ли́нѣ!

П Е Р Е В О Д ъ .

Какъ шого Пана Ивана, что Гешмана Свирговскаго, да какъ поймали бусурманы; по рубили ему голову — ой голову ему рубили, да на бунчукъ вѣшали, и въ трубы играли, и глумились надъ нимъ.

А съ низовья шянулась шуча, набѣгала что спая вороновъ, и сплала туманы по Украинѣ; а Украина горевала; охъ, горевала Украина — своего Гешмана оплакивала!

Тогда завывали буйные ветры . . . Гдѣ вы дѣвали нашего Гешмана? — Тогда налепали кречеты . . . Гдѣ вы лужили по нашемъ Гешманѣ? — Тогда закричали орлы . . . Гдѣ вы схоронили нашего Гешмана? — Тогда повились жаворонки . . . . Гдѣ же вы проспилися съ нашимъ Гешманомъ?

— Въ глубокой въ могилѣ, возлѣ города возлѣ Киіи, на Турецкой линіи.

(107) Го́монь — крикъ, шумъ, гамъ.

2.

Ой у городъ у Черкасъ сурмы засурмили,
Якъ тѣ Ляшскіи комисары до Гетьмана приходили.

Ой у городъ у Черкасъ бубны заорали,
Якъ тѣ Ляшскіи комисары до Гетьмана прибували.

Ой заржали коніи, коніи, да подъ гору идучи,
Заголосили бусурманы до Килии идучи.

Опть, якъ панъ Свѣрговскій до Килии прибувавъ,
Усѣхъ козаковъ збиравъ, да на Радѣ прохавъ.

Сизымъ орликомъ лѣпавъ, яворонькомъ гнѣвся:
— Дѣ-сь то я, мой милы брашня, да й сподѣнуса?

Сподѣнуса панъ Свѣрговскій у сырѡи могилѣ,
Якъ козаки били ёго да загомонѣли!

3.

Ой панъ пышный, панъ Свѣрговскій,
А ще другій панъ Зборовскій,
А ще третій Морозенко,
А четвёртый панъ Горленко.

Що зъ Волóхами Туроко дерѣпся
А зъ Тапáрами Вóлохъ бѣпся.
Да Волóскіи зѣмли руйнують,
Плиндрують ще й не милують.

Не то батенько сына прощавъ
Шаблю да зброю дававъ;
А то ма́ши сына выпровожала —
Що слѣзми опрощѣнье давала,
Що на горе собѣ ёго выговдала.

Плакала спарá ба́ба Гриці́ха,
 Мовъ перепелі́ха, мовъ перепелі́ха.

Молода́ сестра́ сонъ - праву́ (108) ирва́ла,
 Спару́ю пыпа́ла, спару́ю пыпа́ла :

— Чи той сонъ-права́ коза́цькая сила ?

Чи той сонъ-права́ коза́цька моги́ла ?

„Ой той сонъ-права́, голубо́нько, зроспівся у полѣ,
 Да пойма́ла шу праву́ медо́ля, да да́ла моѣ́й до́нѣ.

Ой до́ню-жъ, до́ню, мо́я до́ню! го́дѣ сумова́пи,
 Щона́шого молодо́го Ива́на въ моги́лѣ шука́пи! (109)

ПѢСНИ О МОРОЗѢНКѢ.

Въ 3й пѣснѣ о Свирговскомъ *Морозенко* упоминается какъ его сподвижникъ : и полько основываясь на семъ , я помѣщаю здѣсь пѣсни объ эпозѣ козакѣ, весьма любимыя въ народѣ. Изъ Испоріи Морозенко мнѣ неизвѣстны.

5.

Ой Морозе, Морозѣнку, ты сла́вный коза́че!
 За побо́ю Морозѣнкомъ Укра́йна пла́че.

(108) Эпа могильная *сонъ - трава*, разцвѣщающая весною, принадлежишь къ роду Анемона (Anemone patens). — Анемоны, по Греч. Мие., выросли изъ слезъ Киприды, плакавшей надъ шрупомъ Адониса. По словамъ Маркевича (см. *Украинскія Мелодіи* стр. 109) въ Украинѣ сонъ - правѣ приписывается и пророческая сила.

(109) Шука́пи — искашь.

Не п'ять п'яя Украйна якъ ине горде войсьмо . . .
Заплакала Морозиха идучи на мѣсто (110).

— Годѣ, годѣ, Морозихо, по сынѣ пужйши;
Ходѣмъ зъ нами козакамы мѣду, вина пйпи!

„Чого-сь менѣ, мйлы брашья, мѣдъ, вино не пѣтся:
Ой дѣ-сь по мой Морозѣнко да вже зъ Туркомъ
бѣється!

Опъ, зъ-за горы, изъ-за кручи (111) горде войсьмо
высупае —

По-сам-передъ Морозѣнко сйвымъ конѣмъ выгравае.

Склонивъ-же вонъ головоньку своему коню на гри-
воньку:

— Бѣдна-жъ моя головонька! се чужая спорѣ-
вонька! (*) —

А въ нашого Морозѣнка червѣная спрѣчка (112):
Дѣ прѣде Морозѣнко — кровавая рѣчка.

За рѣчкою за Лиманомъ покѣпаны шанцы . . .

Взяли, взяли Морозѣнка въ недѣленьку вранцы.

Посадили Морозѣнка на песовѣмъ спѣльцѣ:

Зняли, зняли зъ Морозѣнка зъ черешѣвъ (113) чер-
вѣнцы.

Посадили Морозѣнка на жѣвпѣмъ пѣсѣчку:

Зняли, зняли зъ Морозѣнка кроваву сорѣчку (114).

(110) Мѣсто — кромѣ гѣрода, знач. еще и рынокъ;
мѣсце — мѣсто. Горѣдъ — огородъ. (111) Круча —
крупизна. (112) Спрѣчка — ленша узкая и спрѣчка.

(113) Чѣрешъ, черешѣкъ — чѣрезъ, въ коемъ но-
сили деньги. (114) Т. е. содрали кожу.

(*) Сей кулешъ вспрѣчается и въ другой пѣснѣ.

Въ одножъ изъ пяти варіантовъ сей пѣсни Морозенко предспавлень Уманскимъ козакомъ; вмѣсто Турковъ, онъ — зъ *Ллшньками бвется*, и конецъ пѣсни такой:

Вонѣ-жъ ёго а ни бѣли, ни въ чвѣртѣй рубѣли, (115)
Тѣльки зъ ёго молодого живцѣмъ сѣрдце взѣли.

6.

Въ недѣленьку ранѣсеню, да щѣ до сходѣ сонця,
Ой плакала Морѣвиха, сѣдя у вѣконця.

Морозѣнко козаченько якъ макъ розпукѣвся,
Морозѣнко козаченько въ невѣлю попѣвся! —

— Продавайже, мапѣсенько, волѣ да корѣвы,
Да выкуплай своего сына зъ пѣжкой невѣли!

Продавай же, мапѣсенько, быкѣ да телѣцѣй,
Да выкуплай своего сына зъ сырѣи пемнѣцѣй.

Не лай менѣ, мапѣсенько, грѣзными словѣми,
Схаменѣшся ѣ обѣльѣшся дрѣбными слѣзами...

Да вяжи, вража Ташарѣго, назѣдѣ рѣки спѣга,
Бѣде на вѣсь, козаченьки, велѣка попѣга (116)!

Ой пойдѣ я въ чѣсше поле на Сѣворѣ-могѣлу;
Ой гляну я, подивлюся на свою Вкраѣну!..

(115) Т. е. черпвершовали. Чвѣршь, чвѣршк — черпвершь. (116) Пошѣга — опрада. Тѣга — печаль.

П Ъ С Н Я О Б О Г Д А Н К Ъ .

Можно думать, что сія пѣсня (изъ Собр. *Ходак.*) относится ко времени похода въ Крымъ (1575) *Богданка Ружмаго*, споль прославившагося своими подвигами, прошедшаго съ войскомъ своимъ Малую Азію, грабившаго Царь-градъ и проч.

7.

Ой Богдѣне, Богдѣне, Запорозьскій Гетьманѣ!
Да чому-жь въ чорнѣмъ ходишь, да въ чорнѣмъ
оксамитѣ? (117)

— Гей, булі-жь въ мене гостѣй, да гостѣй Татарове:
Одну нѣчь ночовали: спару нѣньку зарубали, а
милѣньку собѣ взяли.

Гей, сѣдлай хлопче коня, коня воронѣго,
Татаръ швидко доганяпи, милѣнькую одбивали!
Гей, у чиспѣмъ полѣ тамъ Татарѣ ночують и
вечерю гопують (118);

Татаринѣ по пѣбору ходишь, милѣньку за рѣчку
водишь.

Гей, одсунься, милѣнька, нехай забью Татарѣнка! —
— „Чи забьешъ, чи не забьешъ, пѣльк менѣ зъ
умѣ зведешъ!“

Чи влѣчишь, чи не влѣчишь, пѣльки мѣшканья
(119) розлѣчишь.

Ой сѣдлай, милый, коня: пѣй-жь не мой, я не твой!
Гей, коли живѣ буду, то я тебе не забуду!“

(117) Оксамитъ — (Греч. слово) бархатъ. (118) Гопую — гоповлю. (119) Мѣшканье — сожигіе.

ПѢСНИ О СЕРПЯГѢ.

Иванъ Серпяга (какъ замѣнилъ Г. Срезневскій по пѣснямъ) есть народное имя Гетьмана, споль известнаго въ Исторіи подъ именемъ *Гана Подковы*. Такія двойныя фамиліи часпо бывають у Малороссіянъ (изъ 8 й Думы видно, что Полк. Адамовичъ назывался *Костыремъ*, Лѣсницкій — *Вологачемъ* и проч.). Серпяга былъ приглашенъ на Молдавское Государство, но изменнически убилъ въ Львовѣ 1578, а похороненъ въ Каневѣ шоварищемъ и другомъ своимъ Гетьманомъ *Шахомъ* или *Жахомъ*, который поспригся 1579 въ монахи Каневского монастыря. — По имени Серпяги названа была *Серпяжинымъ шляхомъ* дорога, идущая отъ Канева (какъ по имени Гетьмана Конашевича - Сагайдачнаго названъ *Сагайдачный шляхъ*): не по ней ли сдѣлана и загадка про дорогу: лежишь *Гася*, проспяглася — якъ успане, неба доспане?

8.

Охъ и сила, сила, сила силу подолѣла:
Серпяговѣ да у Львовѣ сподѣлась могѣла.

Сподѣлась могѣла... якъ Волóхамъ лóбо!
Припнинали (120) да Серпягу до сухóго дóбу.

Ой Волóхи, ой Волóхи! зъ чогó жъ ёго звáли,
Що козакáмъ Запорóзьцямъ да изрáду (121) дáли?

Да изрáду дáли Господарю свóму —
Ой Гетьману Серпяговѣ дóбре булó й дóма.

(120) Припинáши — прикрѣплять. (121) Изрáда, зрáда —
измѣна, предательство. Зрáда значить и *гибель*.

Поминайше-жь лихомъ Господаря сво́го —
Чи вѣнь дѣбрый, чи вѣнь злюка, ой щѣ вамъ до по́го!

Хочъ вѣнь дѣбрый, хочъ и злюка, абѣ не падлюка (122).
Припминайше-жь да Серпягу до сухѣго сѣка!

Щѣ Серпяга, по Серпяга — брапа Жаха мае,
Да вѣдь брапа, да вѣдь Жаха поминъ сподѣвае (123).

П Е Р Е В О Д Ъ .

Охъ и сила, сила, сила, одолѣла силу: Серпягъ во
Львовѣ свершилась могила.

Свершилась могила . . . какъ Волохамъ любо! Вязали
они Серпягу къ сухому дубу . . .

Волохи, Волохи, за чѣмъ же его звали (на Господар-
ство), когда казакамъ Запорожцамъ вы измѣнили?

Вы измѣнили своему Господарю, а Гетьману Серпягъ
хорошо было и у себя.

Поминайше-жь лихомъ своего Господаря . . . дѣбрь ли
онъ, золь ли, чпѣ вамъ до по́го! . . .

Хощъ онъ дѣбрь, хощъ и золь — щолько бѣ не подлець.
Вяжише-жь Серпягу къ сухому дубу.

Серпяга — все Серпяга . . . у него есть брапъ
Жахъ, — и ошь браша, ошь Жаха онъ ждѣтъ себѣ
помина.

(122) Падлюка (па́дло) — подлець, собственно же па-
даль. (123) Сподѣва́шися, надѣя́шся.

Ой зъ гóрода изъ Пóлпáвы (*) выгвзжáли козáки.
Усѣхъ булó при пáборъ , да всѣ при однáки.

У пѣршóму у пáборъ усѣ лестровѣи ,
У дрúтому у пáборъ усѣ хорунжѣи ,
У трѣпѣму у пáборъ усѣ курѣннѣи.

Ой вѣхали-жъ вонѣи при днѣи й при нóчѣи въ Покóутьѣ;
Ой на прѣпю да урáнць (123) прѣба въ Мѣрджѣ бóупи.

А въ гóродѣ да у Львóвѣ зашумѣли вѣрбы :
Козáкъ бурлáкъ вбѣпный лежѣпъ — Серпѣга по
мѣрпвѣи.

Ой въ гóродѣ да у Львóвѣ задзвонѣли дзвóны :
Козáкъ бурлáкъ вбѣпный лежѣпъ , прáвляпъ по-
хорóны.

А въ гóродѣ у Кáневѣ , да й заголосѣли ,
Що Серпѣгу у могѣлу пѣхо положѣли.

Ой Серпѣгу положѣли , да и заховáли ;
Да помѣнъ по Укрáйнѣ , помѣнъ вóдправляли.

(123) Урáнць , врáнць — поутру ; рáнокъ — утро.

(*) Прѣжня Пóлшава находѣлась на р. Голшѣвѣ.

ПѢСНЯ БОГУСЛАВЦУ.

Иванъ Богуславецъ былъ сподвижникъ Скалозуба, г589.
Пѣсню сію я опишоу къ нему, и не знаю кому бы она шла
болѣе.

10.

Гѣй, зъ уснѣй (124) Днѣпра, да до вершинѣны
Сѣмсопѣ рѣчѣкъ и чопырѣй,
Да усѣ вонѣ да у Днѣпрѣ впаѣли,
У Днѣпрѣ правный несказанный! —
Да повѣйше, вѣпры низовѣи,
Ой на парусѣгъ безодный (125)!
Ой сидѣть козаць да на дѣмень (126),
И вѣнъ дѣменомъ повертаѣе,
И на Чѣрне Мѣре поглядѣе:
Ой плывѣ суднѣ, однимъ-одно,
Вѣ ѣму Тѣрчинѣ сидѣть зѣ Тѣркѣнею,
А Тѣркѣня сидѣть, вѣна не гуляѣе,
Шѣвкѣвѣнѣкѣй рушничѣкъ (127) вышивѣе.
Ой кому сей рушникъ бѣде —
Ой чи Тѣрчину, чи Тѣпарину,
Ой чи козаковѣй молодѣму?
— Ой се бѣде Кошовѣму молодѣму.

(124) Уснѣя — усѣе. (125) Безодный — бездонный.

(126) Дѣмень — корма. (127) Рушникъ — полотенцо.

О Т Р Ы В О К Ъ,

можетъ быть относящійся къ Венцеславу Хмельницкому,
бывшему не-задолго до Свирговскаго.

Ой поѣхавъ Венцеславъ на коню гуляни,
А повѣсивъ черезъ плечи да сайдажъ * баганый.

Грай море, Чорне Море!

Гага, гиду, гу!

* Лукъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ II.

БЫЛЕВЫЯ ПѢСНИ О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА

ОТЪ ВОЗСТАНІЯ ПРОТИВЪ УНИИ ДО СМЕРТИ БОГДАНА.

Въ той часъ була чѣсть, слава,
Войсковая справа:
Самá себѣ на смѣхъ не давала,
Непріятели подъ ноги пошла.

Дуля КШ.

З а м ѣ ч а н і е II.

Козаки въ своихъ побѣдоносныхъ подвигахъ забывали шть приписанія, которыя Украинѣ спала наносить Польша, частію по своему урону опть усилившагося Козачества, частію по внутреннимъ безпорядкамъ своего избирабельнаго правленія. Но когда Польша, во имя Уніи, посягнула на вѣру Козаковъ, тогда загорѣлось *религіозно-воинское возстаніе* ихъ на Поляковъ, составляющее характеристику сего втораго періода Козачества. — Въ 1592 году *Христоворъ Косинскій*; вызвавшись быль Гетьманомъ козацкимъ, первый ополчился на Унію. По смерти его (1594) Козаками избраѣнъ въ Гетьманы *Павель Наливайко*, славный и побѣдами своими, и мученической смертію въ мѣдномъ быкъ (1597). Много потерпѣла обиды вслѣдъ за штьмъ Украина; но съ 1606 года, когда Запорожскимъ Гетьманомъ спалъ *Петръ Конашевичъ-Сагайдачный*, зашхли на время угнетенія на Украинѣ, сколько по силъ сего замѣчательнаго челоувѣка, сполько по смупному для Польши времени, въ которое ей были необходимы Козаки для войны съ Россіей и Турціей. По смерти его (1622) снова постигла Украину бѣдспвенная година, и снова вспыхнуло ополченіе Козачества на Поляковъ. *Тарасъ Грасмо* въ 1629 году провель съ ними подь Переясловомъ кровавую *ночь*, известную подь ~~именемъ~~ *Тарасовой*. И съ эпой памятной ночи Исторія Украины на 17 лѣтъ ~~обращается~~ *обращается* въ повѣстнѣ самую прагическую, самую назидательную (*). *Суліма*, *Павлюкъ*, *Остриница*, съ своими сподвижниками очередно наслѣдовали въ Варшавѣ участь Наливайкову. Наконецъ въ 1647 г. воздвигся Гетьманъ *Зиновій Хмельницкій*, освободившій Украину и опть народа своего получившій великое имя — *Богдана*. Послѣ шого онъ въ 1654 году подался Царю Московскому, присягнулъ ему на вѣрность въ Переясловѣ 8 Января, вмѣстѣ съ нимъ воевалъ еще проптивъ Поляковъ, и 1657 г. 15 Августа скончалъ свою славную жизнь.

(*) Члп. Банш. Кам. II. М. Р. Ч. I. гл. XIII.

ПѢСНИ О НАЛИВАЙКѢ.

11.

Относится къ 1596 г., когда Наливайко сжегъ и разорилъ *Могилевъ* на Днѣпрѣ и *Слуцкъ* на Случи.

Ой у городъ Могилевъ дымомъ попягнуло,
Якъ ше войско Запорозське зъ гармашь да ревнуло.

Ой у городъ Могилевъ да спалося пусто,
Якъ повѣяли козаки зъ самопаловъ густо.

Ой у городъ Могилевъ орды да гадюки (128) —
Ляцькимъ пѣломъ годуються, Ляцьку пѣлу радуючися.

Ой у городъ Могилевъ, що пий да колоды...
Прилучилося, бать, лихо Ляцькѡи породѣ.

Не такѣе ищѣ-бъ лихо, якъ шая позѡра,
Що хѡдишь по бѣлу свѣшпу зъ двѡра да до двѡра.

Не такъ шая позѡра, якъ козакамъ порѡда . . .
Що, Кравчину (129) шануючи, Ляхамъ далась зрада.

Далась Ляхамъ зрада изъ самого рана,
Одъ Гельмана Наливайка, шанѡвного Пана.

П Е Р Е В О Д Ъ.

Въ городъ Могилевъ попянуло дымомъ, какъ Запорозское войско грянуло изъ пушекъ.

(128) Гадюка — змѣя. (129) Кравчина — Запорозское войско — см. на стр. 66. М.

Въ городъ Могилевъ спало пусто, какъ козаки изъ ружей повѣяли гуэпо.

Въ городъ Могилевъ — орлы да зѣи: Ляпскимъ шѣломъ пишаюпся, Ляпскимъ шѣломъ попѣшаюпся.

Въ городъ Могилевъ — пни да колоды... приключилося, вишь, лихо Ляпской породѣ!

Не шакъ-по еще лихо, какъ шопть позорь, чпо ходишь по бѣлу свѣшу опъ двора во дворъ.

Не шакъ еще и позорь, какъ ша опрада козакамъ, чпо гибель, минуя Запорожское войско, поспигла Ляховъ.

Поспигла Ляховъ гибель съ самаго зараня, опъ Гещмана Наливайка, доспичимаго пана!

12.

О смерпи Наливайка, копорый попался въ плѣнь Жолкевскому при Лубпахъ. Кто шакой былъ Игнапъ *Голый*, шполь прославляемый въ пѣсняхъ, по Испоріи не видно.

Слѣвна спѣла пѣ Кравчина якъ на Польшу спѣла, Вовкулавамъ, Кашеликамъ (130) мспкочи зраду дѣла.

Тую зраду, шую зраду, що въ мурѣ, въ шемницѣ Зѣ Наливайка позычала (131) якъ зѣ бѣдной вдовици.

Вдѣвинъ сыну, вдѣвинъ сыну! ёще въ пѣбе брѣптя, А въ брѣпѣвъ швойхъ козакѣвъ багѣцько завѣптя (132)! —

(130) Вовкулака — ушарь, оборонень. Слово Кашеликъ у Козакѣвъ было самое поносное. (131) Позычати — брѣпъ взаймы. (132) Багѣпшо — много; багѣцько — множество. Завѣпше — опвага, удалсьпво.

Зходилися всѣ козаки, Раду положили,
Да на Радѣ на Поляковъ походъ присудили.

Розходилися козаки изъ своєї Рады,
Выбирали зъ-подоу каменевъ великіи клады.

Клады продавали, самопалы куповали;
Куповали самопалы, въ походъ выступали.

А попереду всѣхъ Голый — соколомъ лѣтае;
На конику вороному жахомъ выгравае (133).

Приверпали козаченки по-рану до Слѹчи,
Да зъ гарматы гусповали Капеликовъ звѹчи.

А Ляхи й почѹли, увѣ опивѣть ревнѹли —
Бо-дай-же (134) ймъ пляжкою вѣжко, що вони ревнѹли.

Що вони ревнѹли, бѣду провѣщали;
А козаки Гайдамаки дѹмали й гадали.

Дѹмали й гадали, дѹмали й гадали;
Тяжко, вѣжко за Гѣпшманомъ своимъ сумовали.

А въ Варшавѣ да на Радѣ да судѣи судили;
Да зпалѣпи Наливайка въ волѹ — присудили.

Присудили Наливайка да Ляхи спалѣпи,
Присудили козаченки Ляхамъ вѣдомспѣти! —

(133) Носишея, какъ спрахъ. (134) Бог-дай или Бо-дай —
пусти, да будешъ (дай-Богъ)!

ПѢСНЯ О ЛОБОДѢ.

Полковникъ Иванъ *Лобода* еще при Косинскомъ ходилъ подъ Бѣлградъ (1593), сжегъ Цецору и разграбилъ Яссы (1594); — попомъ онъ былъ другомъ и главнѣйшимъ сподвижникомъ Наливайка, съ коимъ вмѣстѣ и погибъ въ Варшавѣ. — Въ пѣснѣ предсавленъ Лободинскій чѣра, напоминающій о подвигахъ своего пана и объ опмщеніи за него вызывающій къ козакамъ, сбиравшимся въ походъ на Поляковъ 1633 г. подъ предводительствомъ Кошоваго *Сулимы* (кошорый въ 1635 г. чепвертованъ въ Варшавѣ). Про Гешманство Попоцкаго и двукрапное пораженіе его Лободою по Исторіи неизвѣстно.

13.

Ой въ городъ въ Башуринъ дзвоны задзвонили :
То козаки Гайдамаки у Радѣ радѣли.

Ой у Радѣ да радѣли, якъ на Польщу спѣли,
Да на Радѣ прсудѣли Вкраину ѣднѣли.

Опгъ и вѣйшли Гайдамаки, хочъ тысяча й двѣспѣи,
Да багачько да за ними зведѣтся корыспѣи !

А попереду панъ Сулима Опаманъ Кошовый —
Чогѣ-жъ жаху завдавали, що вѣнъ чорнобрѣвый ?

Панъ Сулима, панъ Сулима козаковъ збирѣе,
Да й усѣмъ пѣмъ Гайдамакамъ вѣнъ пакъ промовляе:

„Товариши Гайдамаки, чинѣть мою волю !

„Що намъ прѣба вѣдплапиши Вкраинську недѣлю.

„Хочъ насъ, паны Гайдамаки, и тысяча й двѣспѣи ;

„Да багачько да за нами зведѣтся корыспѣи !

„Ой багачько да корыспій зведётся за нами,
„Коли хочете побіпсья бучно (135) изъ Ляхами.“—

Якъ на пее оббъзався Лободѣвській чѹра;
До козакѣвъ уклоняе, опть-шакъ промовляе:

— Ой панѣве Гайдамаки, дѣбре себе майте —
Що за мого пана Йвана Ляхамъ вѣдомщайте!

Ой мой пане, пане Йване, дѣ-сь по ты зобгався,
Що на Ляхѣвъ спавъ завперше (136), да й не спо-
дѣвася!

Ой мой пане, пане Йване, Наливайкѣвъ друже,
Що задавъ зъ нимъ зраду Ляхамъ, задавъ — да й
байдуже (137)! . . .

Ой мой пане, пане Йване, дѣ-сь по ты сподѣвсья,
Що у мурѣ, у темницѣ Ляхамъ знадобивсья!

Ой панѣве Гайдамаки, пана Йвана зпомянѣше,
Да за мого пана Йвана Ляхамъ вѣдомспіше!

Коли хочете Вкрайну до себе єднапи,
То вамъ прѣба пана Йвана добромъ поминапи.

Якъ Вкрайну пии Ляхи до себе єднали;
Тоді наши зъ паномъ Йваномъ въ походъ выступали.

Якъ Вкрайну пии Ляхи до себе єднали,
Тоді наши зъ паномъ Йваномъ Ляхѣвъ воювали.

(135) Бучно — важно. (136) Прежде всѣхъ. (137) Бай-
дуже, силкѣсь — нужды нѣтъ.

Ой и Ляхѡвъ воюва́ли, якъ по Бугу сна́ли;
Да Гешма́на Поло́цького двѡчи́ заганя́ли.

Ой и Ляхѡвъ воюва́ли, якъ по Прўшу сна́ли;
Того́ бу́ло що й Цоцо́ру до́бре плийдрова́ли.

До́бре бу́ло, до́бре бу́ло, да сна́лася зра́да.
Що заби́то па́на Йва́на у недѣ́лю зра́на. . . .

ПѢСНЯ О САВВѢ ЧАЛОМЪ.

Пѣсня сія, весьма любимая въ народѣ, относится къ козаку Саввѣ Чалому, котораго преданъ Полякамъ во время Наливайково и былъ взятъ *Игнатомъ Гольмъ*. Это видно по списку, помѣщенному въ *Зап. Старикъ*, составленному Г. Срезневскимъ изъ многихъ, въ коемъ послѣдніе 4 куплета принадлежатъ къ пѣснѣ объ *Негаѣ*. Тамъ помѣщены еще двѣ превосходныя пѣсни о двухъ измѣнникахъ *Тетеряхъ*, сынъ и отецъ, предавшихся Полякамъ подъ Каневою предъ башвою Читиринскою (1596); Тетеренко пойманъ подъ Варшавою козакомъ *Слугаемъ*.

14.

Ой бу́вь въ Свѣчѣ спары́й коза́къ прозваніе́мъ Ча́лымъ;
Вы́годовавъ сы́на Са́ву козака́мъ на сла́ву.

Ой не захо́пѣвъ да нанъ Са́ва козака́мъ служи́ти:
Во́нь по́йшо́въ-же до Ляше́нко́въ сла́вы залу́чили.

Ой во́нь по́йшо́въ до Ляше́нко́въ слѹ́жбы во́дправ-
ля́ти,

Изъ Ляха́ми Правосла́вну Цѣрковъ ру́йнова́ти.

Зби́ралися Запоро́жці, всѣ въ Ра́ду захо́жали;
За по́ходы шуды́-суды́ про-ме́жь се́бе рахова́ли.

Усѣ прійшли, усѣ прійшли, одного немае;
Ой чомъ тебѣ, бальку Чалый, у Радѣ немае? —

„Чого-жь менѣ, да панове, у Радѣ ходіли?
Що хочете мого Саву навѣки згубіли.

Хочъ спавъ собѣ вонъ до Ляховъ . . . да вже-жь,
сынну мильи,
Чому ты спавъ, чому до насъ такімъ спавъ си-
сивый? “

— Ой спѣсивый, не спѣсивый — паны кажуть —
Сава . . .

Да недобра, зуривочна спала ёго слава.

Що не тольки да панъ Сава Церковъ да руйнуе:
Изъ бѣсами спавъ за-право, и барзо знахорюе. —

Обоавався на те Гольи, каже: добре знаю,
Ой я того пана Саву у руки поймаю!

Отъ и спали да панове Радѣ розсучали;
Своихъ жоней посѣдлали, въ походъ высипутали.

Ой бувъ Сава, да вѣвъ сало да все паляницѣ;
Не кохавъ Сава молодыхъ дѣвчатъ, да все молодіцѣ.

Не кохавъ Сава да козакѣвъ, да все Капелики, —
Загубивъ Сава, пропесавъ Сава свою вѣру навѣки.

Ой бувъ Сава въ Неміровѣ въ Ляховѣ на обѣдѣ;
И не знае, не вѣдае о своёмъ бѣдѣ.

Ой пье Сава и гуляе, Ляхомъ вырубае,
А до ёго що до Савы гонѣць пріѣзжае.

— А що ты шусть, малый хлопку! чи все гараздъ
дѣла? —

— „Пропѣшана, пане, спѣжка до вѣшого двѣра.

Да все гараздъ, да все гараздъ, усѣ хорошенъко :
Выглядѣють Гайдамаки зъ-за горы часпѣнько!“

— Опъ-пѣ лихо, выглядѣють! яжъ ѣхъ не боюся!
Хибѣжъ нема въ мене вѣська? я не забарюся.

Сѣдлай, хлопку, сѣдлай, малый, коня воронѣго ;
Пѣдемѣ мы до-дѣму хочѣ насъ немнѣго. —

Ѣде Сѣва зъ Немѣрова на воронѣмъ коню... .

А прѣхавши, гадаѣ да про своѣ дѣло.

— Ой ты-жъ, дѣле — каже Сѣва — щербѣлая дѣле! —
Пипѣетъся челядонъки : чи все гараздъ дѣла? —

„Гараздъ, гараздъ, пане Сѣво! ще лѣчче зъ побѣю,
Якъ шебѣ мы побѣчили на воронѣмъ коню.“ —

Ой сѣвъ Сѣва въ конѣцѣ спѣла, да лѣспѣньки пѣше;
А Сѣвиха на лѣжѣньку дѣлину колѣше. —

Сидѣшь Сѣва, лѣспѣ пѣше, Сѣва дѣмку дѣаѣ;
Опъ вже Сѣва, да панъ Сѣва, гѣдку замышляѣ :

— Пѣди, дѣвко, у пѣвнѣцю упѣчи горѣлки,
Ой нехай-же я напѣюся за здѣровѣ жѣнки.

Пѣди, дѣвко, у пѣвнѣцю да принѣси пѣва,
Ой нехай-же я напѣюся да за своѣ сына.

Пѣди, дѣвко, у пѣвнѣцю внесѣ менѣ мѣду :
Чѣгѣ-сѣ менѣ прѣдно, нѣдно — голѣвки не звѣду. —

Сидѣть Сава въ концѣ сполá, все лѣспы чипáе;
А Савѣха молодáя все дума й гадае.

Сидѣть Сава въ концѣ сполá, хлопця вызывáе,
А Савѣха молодáя плаче да рыдае.

Ой не вспѣла челядонька зъ спѣннѣ ключѣ зняпѣи,
Спавѣ Йгнапѣ Гóлый зъ Кравчиною ворóпа ла-
мапѣи.

Якъ вóдсуне да панъ Сава вóконце одъ рѣнку;
А вже шѣи, Гайдамаки блукáюпѣ по сѣнку.

Тóльки-жѣ шáя челядонька на порóгѣ спупáе,
Ажѣ Микипка пáну Савѣ чолóмѣ отдавае.

— „Здоровѣ, здоровѣ, пáне Саво, якѣ ся собѣ маешѣ?
Дóбрыхѣ гóспей собѣ маешѣ: чѣмѣ ихѣ привѣщаешѣ?“

Ой чи мѣдомѣ, ой чи пѣвомѣ, ой чи горѣлкою?
Попроцайся зъ своѣмѣ сыномѣ и зъ своєю жóнкою!“

— „Ой давѣ-бы вамѣ мѣду й пѣва не хочете пѣпѣи;
Ой вы жѣ менѣ молодóго хочете згубѣпѣи. —

Ой чѣмѣ менѣ васѣ, панóве, чѣмѣ васѣ привѣщапѣи?
Даровавѣ, менѣ Госпóдѣ сына, бóду въ кóумы брапѣи. —

— „Ой не тогó прѣшли до шѣбе, да щó-бѣ кумовапѣи,
А мѣи зъ тогó прѣшли до шѣбе, да щó-бѣ розсчипапѣи!“

Ой ведѣ-жѣ насѣ, пáне Саво, у нову комóру,
Да отдавай, пáне Саво, козацькую збрóю.

А дѣ-жѣ швоѣ, пáне Саво, сукнѣи, едамашки,
Що шѣи наживѣ, вражѣи сыну, зъ козацькою ласки?—

Да не погѣ прійшли до тебе , да щѣ-бъ пумовати ;
А мы зъ погѣ прійшли до тебе , щѣ-бъ голѣвку зняти .

Ой було-бъ побѣ , пане Сава , гáрдъ не руйновати ,
Коли хопѣвъ Запорозьцѣвъ въ кумы собѣ брали .“ —

Ой кинешся да панъ Сава до ясного меча . . .
Его взяли на при списы изъ правого плеча .

Ой кинешся да панъ Сава да ясном зброи . .
Его взяли да подняли на при списы къ горѣ .

— „Опсѣ-жъ побѣ , пане Сава , сукни , едамашки , (138)
Що ты наживъ , вражий сыну , зъ козацькою ласки !“

Ой не вспѣвъ-же да панъ Сава на коника впаспи :
У кайданы заковали , спали на вѣзъ класпи .

— Ой , Панове Запорозці , хибá-жъ по вамъ слава ,
Що въ кайданы да забитый лежишь у васъ Сава ?

Якъ-бы ёго вы на волю зъ кайданѣвъ пустили ,
Славу-бъ собѣ наибольшую опъ-симъ залучили .

Якъ-бы ёго вы на волю мѣжъ себѣ приняли ,
Славу-бъ собѣ наибольшую опъ-симъ даровали . —

А Савиха молодая вѣкномъ упѣкала ,
На молодую челядоньку спильна поглядала .

— Хапай , хапай , челядонько , малую дитину :
Будешь жити , пановати , коли я не згину ! —

Не бойться козаченько ни грому , ни пучи :
Хорошенько въ кобзу грае , до Савихи идучи .

(138) Сукня — платье . Едамашка — Дамасская материя .

ПѢСНЯ ЧУРАЮ.

Храбрый *Чурай*, полковой Асауль, захваченный въ бѣдѣ въ близъ Спаричи, замученъ въ Варшавѣ 1638 г. вмѣстѣ съ Гешманомъ *Степаномъ Острилицею* и другими. (*)

15.

Орлику, сизый орлику, молодой Чураю!
Ой забѣли-жъ тебѣ Ляхи да у своемъ краю.

Ой забѣли тебѣ Ляхи изъ своимъ Гешманомъ,
Изъ своимъ Гешманомъ, що Паномъ Спешаномъ.

Орлику, сизый орлику! орловъ братовъ маешъ,
Що спарый и молодыи — самъ ихъ добре знаешъ—

Що спарый и молодыи — всѣ въ тебѣ вдалися,
Водомспили да за тебѣ усѣ поклялися.

Що спарый и молодыи усѣ голѣнныи (139);
А въ ихъ кони вороныи, швыдкѣи и быспрыи;

Ой швыдкѣи и быспрыи, якъ орлы лѣпаюшь,
На Ляхскѣи городѣ, хмарой набѣгаюшь.

А въ ихъ списы булашныи зъ довгими коньцями,
Усѣ госпрѣи якъ голочки, зъ довгими клюгами (140).

А въ ихъ шаблѣи булашныи, на обѣдва боки,
Вражимъ Ляхамъ зраду сыплюшь по всѣ вѣчнѣи роки!

(*) Пѣсня сѣя, равно какъ объ Наливайкѣ и Лободѣ заимствованы изъ *Зап. Старины*.

(139) Голѣнный — удалый (быспрый). (140) Клюга — упорка при остромъ концѣ копья.

ПѢСНЯ О ХМЕЛЬНИЦКОМЪ.

Здѣсь воспѣта первая Богданова побѣда (1648 г. 5
Апрѣля) надъ Ляхами при помощи Крымцевъ, при Желтыхъ
Водахъ (въ Екапер. Губ.).

16.

Чи не поѣй по хмѣль, що коло пычѣнъ вѣеся ?
Гей поѣй по Хмельницкѣй, що зъ Ляхами бѣеся.

Гей поѣхавъ Хмельницкѣй икъ Жовтому Броду,
Гей не одинъ Ляхъ лежить головою въ воду.

Не пѣй, Хмельницкѣй, дѣже поѣй Жовтою водою:
Иде Ляховъ сорокъ тысячъ хорошой водою.

„А я Ляховъ не боюся и гадки не маю,
За собою великую попугу я знаю,

Ище й Орду за собою веду:

А все, вражѣ Ляхѣ, на вашу бѣду.“ —

Упѣкали Ляхѣ, погубили шубы. . .

Гей не одинъ Ляхъ лежить, выщеривши зубы!

Спановили Ляхѣ дубовыи ханы,

Прійдецца Ляшенкамъ въ Польшу упѣкати!

Упѣкали Ляховъ дѣ-якии пѣвки,

Бли Ляховъ собаки и свѣрыи вѣвки.

Гей тамъ поле, а на полѣ цвѣпы:

Не по одному Ляху заплакали дѣпы.

Гей тамъ рѣчка, черезъ рѣчку глиця:

Не по одному Ляху зоспалась вдовиця!

ПѢСНИ О НЕЧАѢ.

Данило Нечай Полковникъ Бряцлавскій былъ женихъ на дочери Хмельницкаго: онъ наносилъ въ 1651 г. опустошенія въ Польской Подоліи и убитъ подъ Краснымъ: по свидѣтельствѣ Паспорія — *Байбузою*, въ одномъ изъ списковъ моихъ пославлено *Канѣвскимъ*, а въ другомъ — *Потоцкимъ*; я-же пославилъ имя *Калиновскаго*, ибо онъ разбилъ Нечаево войско, напавъ на него во время масляницы.

17.

Ой зъ темного лѣсу, лѣсу, изъ Чорного гаю,
Ой крикнули козаченьки: упѣкай, Нечаю!

„Якъ я маю козакъ Нечай зъ-вѣдсѣль упѣкаши,
Славу свою козацькую пѣдъ ноги пошпаши?

Ой е въ мене Шпакъ, Шпакъ — опть-пѣой дѣбрый
хлопець! —

Ой пѣой менѣ дае знаши коли упѣкаши!“

— А я тебѣ, мѣой Нечаю, не убеапѣчаю:
Держи коня, держи въ сѣдлѣ для своего звычаю!

Ой я тебѣ, мѣой Нечаю, не убеапѣчаю:
Держи свою шабелечку да пѣдъ опанчою! —

„Сѣдлай, сѣдлай, малый хлопче, коня воронѣго,
А побѣжи въ чѣиспе пѣле, чи йде Ляшкѣвъ много?“

Верпаѣеся малый хлопче ажъ изъ Полонного (*):

— А йде Ляшкѣвъ сорокъ тысячь, пѣльки безъ
одного! —

(*) Полонное мѣстечко при р. Жамарѣ, 98 верстѣ отъ Житомира.

Коза́къ Нечáй, коза́къ Нечáй на те́ не впова́е,
 Да зъ кумо́ю зъ Хмельни́цькою ме́дь-вино́ круглáе!...
 Бо поспáвивъ коза́къ Нечáй при споро́жѣ въ мѣспѣ,
 А сáмъ по́шовъ до кумоньки щу́ку-рыбу вѣспи.
 Ой погля́не коза́къ Нечáй за Тихи́и во́ды:
 Идѣ Ляхо́въ со́рокъ пы́сячь хоро́шомъ вроды!
 Подив́вся коза́къ Нечáй у но́ву квапы́рку:
 Ходи́шь Ляшко́въ вра́жихъ сыно́въ якъ курей по
 ры́нку.

Ой якъ кри́кне коза́къ Нечáй на хлопця́ мало́го:
 „Сѣдла́й, хлопче, сѣдла́й, малы́й, коня́ вороно́го!
 Сѣдла́й менѣ́ вороно́го, собѣ́ булано́го —
 Гѣшь вы́рѣжемъ вра́жихъ Ляхо́въ, гѣшь що́ до одво́го!“

Ой якъ спи́сне коза́къ Нечáй коня́ оспрога́ми, (141)
 За нимъ Ляхо́въ со́рокъ пы́сячь зъ го́лыми шабля́ми,
 Ой якъ во́зьме коза́къ Нечáй одѣ́ башпы́ до башпы́:
 И спа́въ Ляшко́въ вра́жихъ сыно́въ якъ сно́пикми
 кла́спи.

Поверну́вся коза́къ Нечáй во́дѣ бря́мы до бря́мы:
 А поспáвивъ вра́жихъ Ляшко́въ у чопы́рѣ ла́вы.
 Поверну́вся коза́къ Нечáй на пра́вее плече́:
 А вже́ зъ Ляшко́въ вра́жихъ сыно́въ кровь рѣ́чками
 пече́.

Поверну́вся коза́къ Нечáй на лѣ́вую ру́ку:
 Не вы́скочишь Нечáевъ ко́нь изъ Ляцького́ прупу́!...
 А спопн́у́вся Нечáевъ ко́нь на малу́ пы́чину;
 Пойма́въ ёго́ Калино́вськiй зъ ко́ня за чупры́ну.

---

(141) Острога́ — шпоры.

Чи не по́й-по хмѣль, хмѣль, що вѣсоко вѣпсься ?
 Чи не по́й-по коза́къ Нечай, що зъ Ляшкѣми
 бьѣтся ?

Чи не по́й-по хмѣль, хмѣль, а що єъ пивѣ грає ?
 Чи не по́й-по коза́къ Нечай, що Ляшкѣвъ рубѣе ?

Чи не по́й-по хмѣль, хмѣль, що у пивѣ кїсне,
 Чи не по́й-по коза́къ Нечай, що Ляшенькѣвъ пїсне ?

Не знаєте, вражі Ляшкі, чѣмъ хлопця убїти :
 Срѣбнымъ гуцькомъ, срѣбнымъ гуцькомъ ручницю
 набити !

Не за довгий, довгий часъ, за малу годинку,
 Качається Нечѣєва головка по рынку.

Ой не дбали вражі Ляхи на козацьку врѣду,
 Рвали пѣло по кусѣчку, пускали на воду.

18.

Ой зъ по́дъ гаю, гаю, зъ по́дъ Чѣрного гаю,
 Ой привянули коза́ченьки : упѣка́й Нечѣю !

„Ой не бѣйпесья, не бѣйпесь, Пань Опама́ны ;
 Я поспѣвивъ спорожѣньку усѣми шляха́ми.“

— Ой я тебе́, мо́й Нечѣю, не убезпѣчаю :
 Держи́ свого кониченька въ своѣмъ обычаю ! —

„А я коза́къ молодѣнькій Ляхѣвъ не бою́ся,
 Маю-жъ бо я коза́ченькѣвъ, да й обороню́ся !“

Одъ Кра́сного Бро́ду, одъ Чѣрної Во́ды
 Идѣ Ляшкѣвъ со́рокъ пы́сячъ хоро́шою врѣды.

Ой не вспівъ-жѣ Нечайенко на коника сѣсти :
 Оглянешься назадъ себѣ, а вже Ляхи въ мѣспѣ.
 Ой порвѣвся козакъ Нечай до пугого лука,
 Обернешься назадъ себѣ — а вже повно прупа.
 Спрепенѣтся козакъ Нечай объ полы руками :
 Сюды гляне, пуды гляне — печѣ кровъ рѣками.
 Ударится козакъ Нечай объ полы рукою :
 „Ой прійдется розлучиться изъ дѣпьми й] жонюго!“
 — Ой дѣ-жъ пвой, Нечайенку, вороний коні? —
 „У Гетьмана у Польного спойшь на припонѣ.“
 — Ой дѣ-жъ пвой, Нечайенку, кованый возы? —
 „Подъ мѣспечкомъ Береспечкомъ започені въ лозы!“
 — Ой де-жъ пвой, Нечайенку, сукні, блаватасы?
 „Гей постѣгли, порубали Ляхи, въ шабельтасы!“
 — Ой дѣ-жъ пвой, Нечайенку, дѣпюньки да жона?
 „Ой въ мѣспечку Береспечку сидять собѣ дома.
 Ой копорый козаченько буде зъ васъ у мѣспѣ —
 Поклоніся моѣй жоньцѣ й несчастноій невѣстцѣ.
 Нехай вона, нехай берѣ сребла - злопа до-сыпъ :
 Нехай менѣ выкупає и оспанку просить !“
 Не хопѣли вражѣ Ляхи сребла - злопа брапи,
 А воіли Нечайенка въ дробный макъ сѣкати.
 — Гей вы козаченьки, чи не булі въ мѣспѣ?
 Поклонѣтесь мапусенцѣ й несчастноій невѣстцѣ !
 Нехай вона, нехай плаче, а вже не выплаче,
 Ой надъ синомъ, надъ Нечайемъ чорный воронъ кряче.
 Ой за малу хвильку, за малу годинку,
 Ой скакала Нечайева головка по рынку. . . .

О Т Р Ы В К И.

19.

О ПЕРЕБІЙНОСЬ.

Имя *Перебийноса* упоминается въ Исторіи въ числѣ сподвижниковъ Скалозуба. Но Перебийнось, къ копорому относился сей опрывокъ пѣсни, есть храбрый Максимъ *Кривонось*, убитый 1648 г. Подъ тѣмъ-же именемъ онъ воспѣвается въ другой пѣснѣ, копорой, къ сожалѣнію, я у себя шеперь не имѣю.

Ой лугами да берегами да зелеными вѣшы (141'):
Да засѣдаюшь Ляхи, да засѣдаюшь паны, Перебийноса
вбѣши.

А Перебийнось того жъ не гадае,
Да медъ вино пошывае.

Ой одсунувъ панъ Перебийнось покушню квал-
пырку —
Ажъ гуляюшь Ляхи, ажъ гуляюшь паны, да по ёго
рынку.

20.

Доколь ходили по Украинѣ козакі зъ рогами,
Стойали стены, поля облѣгами;
Якъ явились на Украинѣ попы въ ладѣвницахъ:
Спали у мужикѣвъ пироги на полицяхъ.

(141') Вѣша — вѣпвь.

21.

Да не буде лѹчче, да не буде красче якъ у насъ на
Вкраїнѣ :
 Да немае Жида, да немае Лѣха, немае Унїи.

22.

(Въ Межибожѣ.)

Ходяшь слѹти по покою, вдыхаюшь до неба :
 Нема пана Гетьмана — розойтїся шрѣба.

23.

Туманъ поле покрывае,
 Козакъ полемъ проѣжае ;
 Ой виѣхавъ край могїлы
 Край могїлы Верховїны.
 „Ты, могїло Верховїно,
 Чому рано не горѣла?“
 — Ой я рано не горѣла,
 Бо кровцєю обкипѣла. —
 „Ой якою?“ — Козацькою,
 Половїну и зъ Ляцькою. —

24.

У Гайсинѣ вѣперъ вѣе, а въ Уманѣ пїхо,
 Въ Браїловѣ добра нема, а въ Тульчинѣ лихо.

25.

Берѣзо, чому ты не зелѣна ? —
 Ой якъ менѣ зелѣною бѹпи :
 Пѹдо мною Гапáры стояли,
 Конытами зѣмлю грасовали,
 Шаблями гѹлья позпынали. —

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ Ш.

БЫЛѢВЫЯ ПѢСНИ О ВРЕМЕНАХЪ ПОСЛѢ БОГДАНА
ДО КОНЦА ГЕТЬМАНЩИНЫ (1764).

Такъ вѣчной пѣмяти бувало
У насъ въ Гетьманщинѣ коли-сь.

Котляревскій.

З а м ѣ ч а н і е III.

Измѣны *Виговскаго*, *Брюховецкаго*, *Тетери* производили сильныя смятенія на Украинѣ по смерти Богдана (1657) въ цѣлое 10-лѣтіе, по испеченія коего (1667, Янв. 13) *Заднѣпровская Украина* опошла къ Полякамъ, а Запорожье признано было неутральнымъ. — Замыслы и ожесточенныя дѣйствія предприимчиваго *Петра Дорошенка*, котораго завладѣлъ - было *обостороннею* Украиною, продолжили кровавыя междуусобія. Сіе мятежное тридцати-лѣтіе кончилось избраніемъ *Мазепы* (1687); но не легче для Украины было 22-лѣтнее Гетьманство сего измѣнника. Побѣдою *Полтавскою* Великій Петръ рѣшилъ судьбу Россіи и Украины: въ 1764 кончена Гетьманщина, и жизнь Малороссіи вошла въ общую жизнь Великой Россіи.

Въ печеніе сихъ 55 лѣтъ Гетьманами были (по счету *Кіев. Синодс.* 1823): 28й *Иванъ Ильичъ Скарпалскій* съ 1708 по 1722; — 29й *Павель Леонъевичъ Полуботокъ*, съ 1722 г. бывший Гетьманомъ *Наказнымъ*; — 30й *Данило Павловичъ Апостоль*, съ 1727 по 1734; — 31й *Графъ Кирилль Григорьевичъ Разумовскій* съ 1750 по 1764, скончавшійся 1803 Янв. 6 въ *Башуринѣ*, бывшемъ его Гетьманскою Резиденціей. Первымъ послѣ него правителемъ Малороссіи былъ *Фельдмаршалъ П. А. Румянцовъ-Задунайскій*.

О ГРИЦЬКЪ САГАЙДАЧНОМЪ.

Гешманъ *Петръ Дорошенко* дѣйствовалъ съ 1665 по 1676 годъ, умеръ 1698 г. Ноября 9, въ 113 верстахъ отъ Москвы Волоколамскаго уѣзда въ селѣ Ярополчѣ. — Подъ именемъ Хорунжаго, можетъ быть, разумѣется Григор. Карп. *Гамалля*. Забубѣннаго-же *Сагайдачнаго* не должно смѣшивать съ славнымъ Гешманомъ Конашевичемъ.

26.

Ой на горѣ да женци жнуть,
А по-пѣдъ горѣю,
По-пѣдъ зеленѣю
Козакѣ идуть.

А попереду Дорошенко —
Ведѣ свое войско,
Ведѣ Запорѣське
Хорошенко.

По серединѣ Пань Хорунжий —
Пѣдъ нимъ кониченко,
Пѣдъ нимъ вороненкій
Сильне дужий.

А позаду Сагайдачный,
Що промѣнявъ жѣнку
На тюшѣнъ да люлька (142)
Необачный.

(142) Тюшѣнъ — пабакъ. Люлька — трубка.

— Гей вернися, Сагайдачный!
 Возьми свою жонку,
 Оддай мою люльку,
 Необачный!

„Меня зъ жонкою не возишься;
 „А пюпюнь да люлька
 „Козакъ въ дорожь
 „Знадобиться!

„Гей! хто въ лѣсъ? озовися!
 „Да выкрешемъ огню,
 „Да попягнемъ люльки —
 „Не журися! . . . .“

О КОЗАКЪ БАЙДЪ.

27.

Полубаснословная пѣсня сія (изъ собр. *Ходак.*), ка-
 жется, относится къ временамъ Дорошенка, 1674. — Царь
 Турецкій — Магомешъ IV.

А въ мѣспѣчку славномъ Береспѣчку
 Ой пье Байда медъ да горѣлѣчку;
 Ой пье Байда да не дѣнь, не двѣ,
 Да не одну нѣчку дай не годинѣчку.
 Царь Турецкій къ ему присилае,
 Байду къ собѣ подмолѣе:
 — Ой пы, Байда, да славносенъкій!
 Будь менѣ льцарь да вѣрнесенькій,
 Возьми въ мене Царѣвночку,
 Будь паномъ на всю Украйночку. —
 „Твоя, Царю, вѣра проклѣтая,
 Твоя, Царю, дочка поганая!“

Ой крикнувъ Царь на гайдѹки :
 — Вѹзьмѣшь Байдѹ дѹбре въ рѹки ,
 Вѹзьмѣшь Байдѹ навязѣшь ,
 На гакъ (142') ребромъ зачепѣшь. —

Ой висѣшь Байда да ѣ не дѣнь , не два ,
 Да не одну нѹчку , да ѣ не годѣночку .
 Ой висѣшь Байда , да ѣ гадаѣ ,
 Да на своего хлѹпца споглядаѣ ,
 Да на своего хлѹпца молодѹго ,
 И на своего коня воронѹго .

„Ой пы , хлѹпче молодѣсенъкій !
 Подаѣ менѣ лучѹкъ да пугѣсенъкій ,
 Подаѣ менѣ лучѹкъ

И спрѣлочѹкъ пучѹкъ :
 Ой бачѹ я при голубѹчки ,
 Хочѹ я убѣиши для ѣго дѹчки .

Нехай же я убью Царю
 Та на славную вечерю !“
 Якъ стрѣливъ — Царя уцѣливъ ,

А Царицю у попылицю , (143)

А ѣго дѹчку въ головѹчку .

„Отъ-шѹ тебѣ , Царю , да за твоеѹ карѹ :

Булѹ тебѣ знати , якъ Байдѹ караши .

Булѹ Байдѣ голову изпѣиши ,

Ѵго тѣло похѹиши ,

Воронѣмъ конемъ ѣдиши ,

Хлѹпца собѣ зголѹбиши.“

(142') Крюкъ . (143) Зашылокъ .

Пѣсня сїя сложена вѣроятно около 1687 г.

Зажурилася Украина, що нѣгдѣ ся-дѣши:
Выпоптала Орда кѣньми усѣ малї дѣши.

Малїхъ попоптала, старїхъ порубала,
А середнїи забрала, у полонѣ погнала.

Ой служивъ я пому Пану, Пану бусурману;
А пеперь служили спану Воспѣчному Царю!

Ходили Ляшѣкъ по рыночку, шабельку выймае:
Козакъ его не бойся, шапки не знимае!

Ось Ляшѣкъ до шабельки, а Козакъ до дрюка:
Теперь побѣ, вражїи сыну, зѣ душою розлука.

Ч А Й К А.

29.

Въ лѣтописи Конискаго пѣсня сїя приписывается *Мазель*; по мнѣнію Баншышъ - Каменскаго она сочинена *Кальнашемъ*, послѣднимъ Запорожскимъ Кошевымъ Ашаманомъ.

Ой бѣда, бѣда чайцѣ небозѣ (143),
Що вывела дѣшки при бїшѣй дорѣзѣ.

Киги! Киги! злетѣвши въ гору —
Тѣльки впоинїться въ Чорному Мѣрю!

(143) Чайкъ бѣдняжкъ.

Жыто поспѣло, приспѣло дѣло;
Идуть женці жати, дѣпокъ забіраѣти.

Кигі! кигі! . . .

Ой дѣпи, дѣпи! дѣ вась, подѣпи?
Чи менѣ впопѣшься, чи въ горѣ убійшься?

Кигі! кигі! . . .

И кулікъ чайку взявъ за чубайку!
Чайка кигіче: згінь ты, куліче!

Кигі! кигі! . . .

А бугай (144) бугу! гне чайку въ дугу:
Не кричи чайко, бо буде пѣяко!

Кигі! кигі! . . .

— Якъ не кричати, якъ не лѣпати:
Дѣпки маленъкѣ — а я їхъ мапи!

Кигі! кигі! . . .

ПѢСНЯ О ГОРДѢНКѢ.

30.

Пѣсня о Гордѣнкѣ относится къ той осады Полтавы, на которую вызвался Кошевой *Гордѣнко* въ 1709 г. — Съ Мая онъ производилъ ее въ печеніе $1\frac{1}{2}$ мѣсяца, но исполнилъ не удачно, предваривъ пѣмъ Полтавскую бишву 27 Іюля. — Въ это время разорена была *Сѣтъ*.

Запорозці небожата (144')! пшениця не жата:

Ой пойдѣте, оглядѣте, пшеницю зажнѣте.

Ой хочъ поїдемъ оглядати — не будемо жати!

Хвалилися Запорозці Полтавы доспати.

(144) Бугай — быкъ, здѣсь значить быкъ-пшица, выпь,
(144') Голубчики.

Ще Полпáвы не доспáли, а вже Швѣдъ издáвся ;
На бѣдную головоньку Кошовый зоспáвся.

Ой умерла въ Кошового старѣнькая мáпи,
Ой нѣкому Кошовому порáдоньки дáли.

Воспóчный Царь на Вкраинѣ не дóймае вѣры —
Посылáе Голицына, щобъ не бумó змѣны.

„Ой иди-жь ты, Голицыну, иди-жь ты горóю,
А я пойдú зъ Москалями услáдъ за тобóю.“

ПѢСНЯ О МАЗЕПѢ.

Пѣсня сiя, какъ видно, сложена около 1710 года, вскорѣ послѣ того, какъ окончились вѣроломные замыслы Мазепы, и признана невинность погибшихъ отъ него Кочубей и Искры. Говорятъ, что къ нимъ относился пословица: *Знявши голову по волосьямъ не плачуть.*

31.

Мазéпо Гепьмáне, израдлiвый Пáне!
Злэе починаэшъ, зъ Швѣдомъ накладáешъ
И на Царя Воспóчного рúки пóддóймаешъ.
Пóднявъ еси Орду, изробiвъ превóгу! —
А при пóй измѣнѣ бувъ Кочубей да Искра:
Пóшли-жь воны зъ-пóдъ Полпáвы (*) да до Царя
знишка.

А Царь вѣры не дóнявъ, до Мазепы одóслáвъ:
Скорó-жь ихъ Мазéпа варѣвъ — бáрзо звеселився;
А Кочубей изъ Искрою слэзáми облився.
Усѣ Панi Сенатóры, усѣ бенкѣпъ мáли;
Кочубся-жь изъ Искрою бáрзо забувáли.

(*) Здѣсь говорицца о первой ихъ попыткѣ къ дому.

Тольки ты ихъ не забудь, Миргородскій Пана (*),
Що Кочубей изъ Искрою за Вкрайну спали! —

У Кіевѣ на Подолѣ порубаны груши;
Погубивъ-же песь Мазела невинныя души!

Ой вигорѣвъ весь Бапуринъ, зоспалася хата (**);
Да вже-жь пвою, псе Мазело, и дунга проклята.

Бувъ у тебе, псе Мазело, одинъ хлопецъ Нѣ-
мецъ... (***)
Пошло-жь пвоё, псе Мазело, усё добро нѣ-
вецъ ! (145)

ПѢСНЯ О ВЫХОДѢ НА ЛИНІЮ.

Въ 1761 году 20,000 Козаковъ и 10,000 Малорос.
крестьянъ были посланы для дѣланія линіи между Днѣпромъ
и Донцомъ.

32.

У Глуховѣ у городѣ у всѣ двѣоны двѣонюшь;
Да вже нашихъ козаченьковъ на линію гонюшь.
У Глуховѣ у городѣ спрѣльну́ли зъ гармапы;
Не по одномъ козаченьку заплакала ма́ни.

(145) Нѣвецъ — ни-во-чтѣ. Нѣвечишь — поршишь, ни-
чшожитъ. Ниць — ничто.

(*) Кажется, Мирг. Полковникъ *Апостолъ*, послѣ бывшій Гешь-
маномъ.

(**) 1708 г. въ Октябрѣ Князь Мещниковъ осадилъ Бапуринъ,
великолѣпную резиденцію Мазелы, разорилъ и смегъ его до
основанія; на мѣстѣ онаго было только нѣсколько *хатъ*, до
1750 г., когда избранный въ Гешьманы Каммергеръ Графъ К. Г.
Разумовскій захотѣлъ перевести Гешьманскую резиденцію изъ
Глухова оцанъ на прежнее мѣсто.

(***) Капитанъ Сердюковъ *Жениссень*.

У Глуховѣ у городѣ стрѣльну́ли зъ ручни́цѣ;
Не по оди́нѣмъ коза́ченьку пла́кали сестри́цѣ.

У Глуховѣ у городѣ поплѣтены сѣтки;
Не по оди́нѣмъ коза́ченьку заплака́ли дѣтки.

На бы́строму на о́зерѣ — геть пла́вала кáчка (146);
Не по оди́нѣмъ коза́ченьку пла́кала коза́чка. —

У Грицьковѣ огни́ горя́ть, а въ Пóлшáвѣ дымно;
На мо́гилѣ Гетьманя́ сиди́ть — геть-памѣ́ть ёго́ ви́дно!

Допевня́йся-жь (147), нашъ Гетьма́не, допевня́йся
пла́пы!

Якъ не бу́дешъ допевня́ши, бу́демо впѣка́ши.

Ой идѣ́ть-же вы, панóве, до Пепра́ до свáпа —
Ой памѣ́ть бу́де вамъ, панóве, вели́ка запла́та:
По за́спуну у рúченьки, да щѣ и лонáпа! . . .

Сиди́ть коза́къ на мо́гилѣ, сорóчку лапáе, (148)
Ой кíнувся до черешкá — конѣйки нема́е.

Сиди́ть пúгачь (149) на úбочу, на вѣперь надúвся:
Иде́ коза́къ въ Укра́ину, на ли́хо здобúвся.

Ишо́въ коза́къ на ли́нню да й вѣлми надúвся,
Ишо́въ коза́къ изъ ли́нни — якъ ли́хо зогну́вся.

(146) Ушка. (147) Домага́йся. (148) Починя́ешъ, кла-
дешъ заплапы. (149) Фялинь.

ПѢСНЯ О ПАЛѢѢ.

Палѣй, по кознямъ Мазепы (см. Дума X), сосланъ въ Енисейскъ 1704 г., откуда возвращенъ въ 1708 г.; умеръ въ Декабрѣ 1709 г.

33.

Высоко солнце зхóдипть, низенько дождипся,
 Ой дѣ-сь по пánъ Палѣй Семѣнь шепѣра журипся?
 Высоко солнце зхóдипть, низенько заходипть,
 Ой дѣ-сь по пánъ Палѣй Семѣнь по Сибѣру брó-
 дитпъ!

„Ой чуро, мой чуро, мой вѣрный Споусю!
 Ой ходѣмо у каплицю (150), Богу помолюся!
 Ой Богови помолюся, Свящимъ поклонюся. . .
 Зледацѣвъ-же я понурый, спаренѣкимъ здаюся!

Спаренѣкимъ здаюся, молипися мушу:
 Хай милуе Милоспѣивый мою грѣшну дѣшу!¹⁵⁰

Ой натягнувъ ему чѣра да сѣрую свѣпу,
 Да давъ ему да у рѣку ёловую вѣпу.

Пойшóвъ пánъ Палѣй Семѣнь Богови молипися,
 Не по Богови молипися, а не шó журипсья.

Прійшóвъ пánъ Палѣй до-дóму, да й сѣвъ у намѣпѣ,
 На бандурцѣ выгравáе: „Лихо жиппи въ свѣпѣ!

Той, дѣшу заклáвши, свѣпу бачѣ гаппѣе; (151)
 А шóй по Сибѣру — мовъ въ лѣзѣ дубѣе.“

(150) Часовня. (151) Гацшовáши — шипъ еребромъ.

ПѢСНЯ О СТЕПАНѢ ЖАДЧЕНКѢ.

Можеть быть, относится, къ 1736 г.

34.

Ой хто въ Триму не бувавъ;
Той и дива не видавъ;
А ми въ Краму бували,
Ми тямъ дива видам.

Перекопскій комендантъ
Запорозьцямъ дае знаць:
— Ой годъ-жь вамъ, Запорозьці,

Въ Калантаѣ пробувайъ,

Ой ходмо на Ядъ (?)

Козаченьковъ ряшовайъ. —

Запорозьці якъ пошай:

Впередъ голову найщай;

А въ Жадченка Степана

Облуплена голова;

Въ Московського кощана

Спина ободрана.

Лежашъ наши козаченьки

Якъ бѣленькіи смычки;

А въ Жадченка у Степана

По-за нѣгпами смычки.

ПѢСНЯ О ПИКИНЕРАХЪ.

(къ 1738 г.)

Пикиеры — особые цоли, изъ Малороссiянъ вербованные.

35.

Ой надъ Бугомъ надъ рѣкою, на Турецькѣй границѣ,
Тамъ спояли пикиеры, въ нимъ компанiица.

Зеленой Недѣловьки Орда наступаетъ:

Гей, панове, успунѣмо! запасу не має.

— Ой чого-жь намъ успунати, чого боемось?

Ой хочь Орды багачо йде, мы ей не дамось! —

Иде Орда изъ-за Гарда много зъ прапорами: (153)

Наложѣне-жь, пикиеры, оп-шуть головамъ!

Иде Орда изъ-за Буга, и въ Бугъ не знобися;

Спали бѣднiй пикиеры въ Бугъ-рѣку шопишся.

Идуть бацьки и маперѣ да сынѣвъ гнѣпають...

— Да вже, бацьки, вашихъ сынѣвъ орлы доглядяють!

Не зхощѣли ваши сыны въ пикиерахъ служити,

Сѣмъ собѣ слободою надъ Бугомъ-рѣкою! —

Погорѣли степы, поля й зеленiй байраки,

Идуть зъ войсьма у городы голыи козаки.

(153) рѣпоръ — знамя, опшуда Прапорядиць.

8*

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Киспринъ и Госпринъ, упоминаемые въ сихъ пѣсняхъ —
не суть ли Хошинъ?

36.

Ой на морѣ, на морѣ сизопѣры,
Тамъ плавала бѣла лебедонька
Изъ маленькими лебедяшами.
Дѣ ся-взявъ сизопѣрый орелъ,
Спавъ лебѣдку биши и забивалъ,
Спала лебѣдка до ёго промовляя:
Ой не бій мене, сизопѣрый орлоньку,
Скажу побѣ всю щирую (154) правдоньку:

„Якъ у томъ мѣсцѣ у Киспринъ
Да бѣшся Орда уже при дни,
Бѣшся вона при дни и при годинѣ,
Розбѣлася вона на при половинѣ,
Течунъ рѣчки, да все кровавыи,
Черезъ тѣ рѣчки мостяшъ мосты,
Мостяшъ мосты, да все головками,
Головками, да все Москѡвськими.“

(154) Щи́рый — истинный, настоящій; также чистый,
ревностный, роскошный (дерево, цвѣтокъ).

Ой ма́ла вдова́ сына́ сокола́,
 Вы́годовала, въ вѣйсько оддала́.
 Ой спарша сеспра́ коня́ сѣдла́ла,
 А середу́ща ху́спку (155) кача́ла,
 А наймоло́дша выпроважа́ла,
 А ма́пи ёго́ выпышова́ла:

— Сы́ну мо́й, коли́ прѣдешь до на́съ? —

„Тодѣ́ я, не́не, прѣвду до ва́съ“

Якъ па́вине пѣрья на-сподѣ́ попо́не,

А млино́вый (156) ка́мєнь на-вѣрхъ выплине́!

Вже-жъ млино́вый ка́мєнь на-вѣрхъ выплину́въ,

Вже й па́вине пѣрья на-сподѣ́ попо́нуло,

А ще́ мого́ сына́ зъ Госпина́ не видно!

Выйшла́ на го́ру: — ой всѣ́ полки́ идучи́,

То мого́ сына́ коника́ веду́щи! —

Пы́цала́ вона́ все́й спарши́ны:

Чи́ не ба́чили́ сына́ со́кола? —

— „Чи́ не по́ пивѣ́й сынъ, що́ се́мь полко́въ вбѣвѣ́“

За вѣсьмымъ полко́мъ го́ловку́ ахилѣ́въ?

Зозу́ля лѣпа́ла надъ ни́мъ кую́чи,

А ко́ниги ржа́ли ёго́ везучи́,

Колѣ́са скригѣ́ли по́дъ ни́мъ ко́пючы́сь,

Служенъ́и пла́кали за ни́мъ идучи́!“

(155) Плашокъ. (156) Мельничный. Млинъ — мельница.

О Т Р Ы В О К Ъ.

Ой бѣда, бранку, намѣнь спуде.
А по Днѣпру що по Днѣпру молодой Козакъ плыве.
Молодой, козакъ Опаманъ Случай.
— Якъ сыкне Ташарюга, що хочъ одвѣчай.
Що хочъ одвѣчай, хочъ прикмышы карбуй,
Хочъ злого Ташарюгу и хлопцѣ вербуй!

О *Слуга* — см. пѣсню 14 (во 2 отдѣлѣ).

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ IV.

БЫЛЕВЫЯ ПАСНИ ПОСЛѢ ГЕШЬМАНЩИНЫ.

Заднѣпровскія.
Запорожскія.
Малороссійская.
Черноморскія.

ЗАМѢЧАНІЕ IV.

Для надлежащаго уразумѣнія пѣсень сего отдѣла, надобно припомнить, что послѣ 1764 г., когда собственно шакъ называемая *Малороссія* слилась уже въ одну общую жизнь Россіи и населялся край *Новороссійскій*, — *Заднѣпровская* часть Украины оставалась еще не возвращенною къ Россіи, а *Запорожцы* составляли *долошпур*, *козацкую* вольницу, гнѣздившуюся въ Сѣчи.

Въ Заднѣпровьи въ то время произошли кровавыя распри между Козаками и Поляками, по поводу новыхъ уступленій за Религію и вольностей Жидовскихъ, до чрезвычайности изнурявшихъ народъ. Въ этихъ расприхъ принимали сильное участіе Запорожцы, кои при томъ беспокоили Малороссію и край Новороссійскій. Конецъ такимъ безпорядкамъ положенъ разрушеніемъ Сѣчи (1775) и присоединеніемъ Заднѣпровской Украины къ Россіи (1794). — Большая часть Запорожцевъ осталась въ Россіи, и изъ нихъ составилось (1788) храброе войско *Черноморскихъ козаковъ*; нѣкоторая же часть ихъ тогда перешла на Дунай, — но кому не извѣстенъ похвальный поступокъ Дунайскихъ козаковъ и начальника ихъ, въ послѣднюю Турецкую кампанію?

И шакъ, въ семь отдѣлъ можно болѣе или менѣе различать, какъ разные памятники прошедшихъ событій, пѣсни: собственно - *Малороссійскія*, *Заднѣпровско - Украинскія*, *Запорожскія*, *Черноморскія* и — пѣсни козаковъ, бывшихъ на Дунаѣ, коихъ хопя и не имѣю еще, но увѣренъ, что они есть; мнѣ извѣстно шакже, что у Черноморцевъ есть историческія пѣсни, относящіяся къ новѣйшимъ событіямъ, но я не имѣлъ еще случая доспастъ ихъ.

ЗАДНЬПРОВСКІЯ. (*)

Харько, Жельзнякъ и особенно Гонта были главными лицами, а *рѣзня въ Умдкьщитѣ* (1770) разительнѣйшимъ дѣйствіемъ кровавой Драмы, происходившей погודה въ Заднѣпровской Украинѣ.

ПѢСНЯ О ХАРЬКѢ.

Сопникъ *Харько* убитъ въ Мав 1666 г. — по словамъ пѣсней въ *Морозовцѣ на мостѣ*; а по книгѣ Баншышъ-Каменскаго *объ Уніи* — въ Жабошнѣ, въ конюшнѣ, Харьку опрѣбали голову; по приказанію Рейменшаря. — *Улановъ* между Бердичевомъ и Пилявою, въ Волын. губерніи. — Купленнымъ а. д. 3й прибавленъ по другому списку.

38.

Вхавъ Сопникъ черезъ Уланникъ, горѣлки напѣвся,
За нѣмъ, за нѣмъ сѣмсошъ молодцовъ: — спой,
башьку! не журися.

Вхавъ Сопникъ черезъ Уланникъ, на выѣчко похидився:

Ой чомъ-же пы, Пане-Сопнику, ой чомъ зажурився?
„Якъ же менѣ, Пань-молодцѣ ой якъ не журішья;
Коді подомною буланый коню и рже ѣ спановішья!

(*) Пѣсни сіи собраны *Ходаковскимъ*, всѣхъ 10, и еще слѣдующій отрывокъ, относящійся къ 1667 году:

Гей одъ Вислы да до Кіева пробіиши шляхи:
Завладѣли неправдиво краємъ нашимъ Ляхи.

Якъ-же менѣ, паны-молодцѣ, ой якъ ся не журиши:
Ой засѣдає городовой Сопникъ, да хоче менѣ
вбѣши! . . .“

Ой заржавъ-же вороный коникъ въ спѣвъ на по-
мѣстѣ ;

А вжѣ вбѣшо Харькѣ Сопника въ Морозовцѣ на мѣстѣ.

Ой лепѣшь крычѣкъ черезъ байрачѣкъ да й жалѣб-
нѣнько крыче ;

Спойшь Сопничка зъ Полковникомъ да и жалѣб-
нѣнько плаче :

— Ой бог-дай же ты, Полковнику, да наложивъ го-
ловѣю ,

Що ты менѣ молоденькую да нарядивъ вдовѣю!

ПѢСНЯ О ЖЕЛѢЗНЯКѢ.

Кромѣ Полковника *Максима Желѣзняка* и Уманскаго
Сопника *Гонты*, здѣсь открываюцца еще для Испорія Жа-
бошинскій Сопникъ *Мартынь Влуга*, Сабляскій Сопникъ
Шило, Уманскій Козакъ *Дзюма*. — Донской козакъ не естъ ли
Тимѣнко ?

39.

Максимъ Козакъ Желѣзнякъ зъ славнаго Запорѣзья
Процвѣпає на Украинѣ якъ въ городѣ рѣжа.

Розпуспѣвъ вѣйсько козацькее въ славномъ мѣспѣ
Жабошынѣ —

Гей разлилась козацька слава по всѣй Украинѣ!

Гей, Максiме Полковнику, ты славный воину!
Гей выпусти из Жабощина хочь Ляцьку диньку.

Максiмъ Козакъ Жельзнякъ лiспы одбiрае,
Усѣхъ Ляховъ изъ Жидами до-купы збiрае.

Изогнавши усѣхъ Ляховъ зъ Жидами до-купы,
Оддавъ Лѣха Губернатора да Бѣлузъ въ руки.

Бѣлуга Маршаль Жабощинскiй да по рыночку
ходить,

Свогo Пана Губернатора за собою водить.

И, водючи за собою да й до его каже:

— Не одного шеперь Лѣха голова заляже! —

Гей якъ вѣйшовъ Сопникъ Смѣлянскiй зъ своими
Козаками,

Спупай, спупай, Шило Сопнику, въ Богуславъ изъ
нами!

А вѣхали въ Богуславъ да въ сѣреду вранцѣ,
Навидали въ поѣ годинѣ Жидовъ повний шанцѣ.

Дзюма Козакъ Уманскiй конемъ приѣжае,
До Уманя Жельзняна зъ собою подмовлае:

Гей, Максiме Полковнику, ты батьку козацкiй!
Гей не впече изъ Уманя навѣшь (157) и духъ Ляцкiй!

Подъ Уманемъ славнымъ мѣстомъ великимъ кручи;
Гей помѣли Уманьчичи Запорозьцѣвъ ждучи.

Гонца Сопникъ Уманскiй по-мѣжъ войскомъ хо-
дить,

Изъ Максiмомъ Жельзнякомъ черезъ лiспы гово-
рить.

(157) Навѣшь — даже.

А въ недѣлю рано спали да у дзвонѣ бѣпи ;
Гей спавъ Гѣйна зъ козака́ми по́дъ Умань по́дходѣпи.

Въ понедѣлокъ передъ обѣдомъ изъ гармапъ загули,
А въ вѣспрокъ ище́ раньше Уманя добули. . .

Хвалилися Уманьчики по́дъ Умань идучи :
Будемъ драпи, пань-молодци, зъ кляпайки онучи. —

Гей, якъ вѣйшовъ Донскій коза́къ зъ-за Госпрои-
моги́лы,
Упѣкали Уманьчики, шпань погубили.

Максимъ Коза́къ Жельзнякъ зъ лагря вѣвжае,
Передъ Донскими коза́ками ; и спраху не мае.

Спупай, спупай, Жельзняку ! годъ вже гуляпи :
Пойдемъ въ Кіевъ въ Печерськее Бо́гу робопапи !

И говори́шь Максимъ Коза́къ, сидючи въ нево́ль:
Не буду́шь ма́шь вра́жй Ляхи на Украинѣ во́ли.

Течу́ть рѣки зъ всѣго свѣ́ту до Чѣрного Моря :
Мину́лася на Украинѣ Жи́довская во́ля !

ПѢСНЯ О ГОНТѢ И КОТСВИЧѢ,

(Односи́тся къ 1779 г.)

40.

Да споя́вь, споя́вь Со́пникъ Гѣйна, въ спену́ при
недѣли ;

На́вхали Смѣлянички, да во́нь ся ймѣ звѣривъ.

— Го́дъ, го́дъ, Со́пнику Гѣйна, у спену́ споя́пи ;
Ходи́ зъ на́ми Коза́ками Умань грабовати ! —

„Ой якъ менѣ пань-молодці, Умань грабовали,
И на свого шака - башька руки подіймали?“

Ой гуляйте Уманьчики не бойтесь нічого:
Вивѣшали Гайдамаковъ въ Пятигорахъ много!

Да повѣсили Коповича на зеленѣмъ дубѣ; —
Пріѣхала ёго сестра живошови люба.

Да незлічені червоньці да въ запобли носили,
Хорошенько Рейментаря кланяючись просили:

— Да дозвожь, Пане Рейментарю, червоньці за-
брати,
Мого брата Коповича зъ шибениці зняти. —

Дадозволивъ Пань Рейментарь, червоньці забрали;
Не дозволивъ Коповича зъ шибениці зняти.

ПѢСНЯ О ГОНТѢ.

(Къ 1770 г.)

41.

Збунтовалась Украина, полы и дяки;
Погинули на Вкраинѣ Жидаы и Поляки.

Прилетѣли на Вкраину изъ Западу гуси,
Погинули на Вкраинѣ невинныи души.

Погинули Депутаты шляхетной вроды,
Навѣшь щая дробна шляхта, пшци хлѣборобы.

О Боже мой несконченый! що ся теперъ стало:
Якъ шо вѣра, пакъ шо вѣра, а милоспий мало!

О Бѣже мѣй нескончѣный! двиниися гѣре,
 Що тепѣра, на сѣмъ свѣтѣ, вѣра вѣру бѣре! . .
 О Бѣже мѣй нескончѣный! въ насъ пакъ не ведѣшься.
 Памятѣйше, бунповники, вамъ по не минѣтся!
 Мѣли панѣ на Вкраинѣ добрѣ оборонцѣ,
 Звѣрилися Сѣтниковѣ, Уманському Гѣнпѣ.
 Мѣли панѣ на Вкраинѣ дѣже добрый прѣунокъ:
 Панѣ тѣи розѣумныи дадутъ собѣ рашѣнокъ.
 Панѣ тѣе врозумѣвши, згѣду учинѣли:
 Пѣдкѣнувшися пѣдъ Уманѣ, Гѣншу маловѣли.
 Вонѣ-жѣ ѣго на-самѣ-пѣредѣ бѣрѣо привѣтали,
 Черѣзъ сѣмъ днѣмъ зѣ ѣго вѣму по-пѣясъ адирѣли.
 И гѣлову облупѣли, сѣлью насолили,
 Пѣщѣмъ ѣму якъ чѣспному назадѣ положили.
 Панѣ Реймѣнпарѣ похѣжѣе: — дивѣшься, лѣде!
 Хѣто сѣ пѣльѣи абунповавѣ, по всѣмъ тѣе бѣде! —

ЗАПОРОЖСКІЯ.

Запорожцы просили Императрицу Екатерину о
 возвращеніи мнимыхъ своихъ земель въ Новороссійской Гу-
 берніи: по поводу чего, граматаю 1774 г. 22 Мая, и повѣльно
 было прислать имъ нарочныхъ Депутатовъ. Послѣ сего они
 замыслили своевольно завладѣть землями Запорожскими по
 Бугъ и землею Донскою, препящивовали поселенію Серб-
 бовъ, переманили - было землепашцевъ Малороссійскихъ до
 50,000. Сіи и другіе ихъ не позволимельные поступки, изъ-
 ясненные въ Манифестѣ 1775 3 Авг., заставили Госуда-
 рнюю разрушить Сѣтъ Запорожскую, повѣліемъ 1775 г.
 4 Іюня, даннымъ Генераль-Поручику Текелію.

(Къ 1775 г.)

Да вспань, Харьку! да вспань, бацьку! годъ вже
намъ спани:

Ой ходьмо до Цариці милости прохати.

Ой Царице, наша Мати! змилуйся надъ нами:

Ой дай-же намъ прѣжній степы съ пѣмными лугами!

— Не дозволю Запоровцямъ степомъ обладати,
Да прикажу Москалевѣ всю Свѣчь розоряти! —

Ой ходишь нашъ Панъ-Кошовый, шабельну списае,
Таки-жь бо вонъ Москалевѣ вѣры не доймае:

„Ой хто хоче съ шабельками, а мы съ кулаками —
Нехай поїде наша слава, по-мѣжь коваками!“

(Къ 1775 г.)

Изъ-за горы, зъ-за Лиману вѣперъ повѣае,
Да вжежь Москва Запорожьа кругомъ обспуае.

Ой облягла, обспуила, да въ городъ вступила,
Московськими знаменами городъ закрасила.

Пошла Москва по курѣнямъ запасу збирати . . .

Ой набрали сребла-злота, да й спали гадаши:
Ой якъ бы намъ, милѣ-братья, Запорожьа взяли? —

Взяли сотню Кошового й Писаря Полкового:
Щобъ не було Запорожьа поки свѣпа сего! —

Ой покрылось Запорожье густыми лозами,
Да вмѣлися Москалики дробными слѣзами!

Г А Л К А .

Пѣсня по разрушеніи Запорожской Сѣчи: не ея ли должно опшѣсти къ Кошовому Кальнашу? (см. Чайка на спр., (108.))

44.

Ой полети, полети, да чорная галко, да на Дѡнѣ
рыбы вѣспи,
Ой принеси, принеси, да чорная галко, одѣ Кошо-
вого вѣспи!

— Да вже-жѣ менѣ не дѣпаци на Дѡнѣ рыбы вѣспи,
Да вже-жѣ менѣ не носипи одѣ Кошового вѣспи! —

Ой вы Запорѡзці, ой вы молодьи!
Повдавались одинѣ въ одного, якѣ братья рѡдныи.

Ой вы Запорѡзці, ой вы молодьи! дѣ-жѣ ваши коніи?
— Наши коніи въ Пана на пригонѣ, сами-жѣ мы
въ неволѣ! —

Ой вы Запорѡзці, ой вы молодьи! дѣ-жѣ ваши узды?
— Наши узды въ коней на вануадѣ, сами-жѣ мы
у нумдѣ! —

Ой вы Запорѡзці, ой вы молодьи! дѣ-жѣ ваши
спісы?
— Наши спісы у Пана у спрѣхѣ (158), сами-жѣ
мы у лѣсѣ! —

(158) Спрѣха — крыша изъ проспнику, или соломы.

Ой вы Запорозці, ой вы молодіи! де-жъ ваши
ручніці?

— Наши ручніці у Пана въ свѣплицѣ, сами-жъ
мы въ пемницѣ! —

Ой вы Запорозці, ой вы молодіи! де-жъ ваши лѹки?

— Наши лѹки побрала гайдѹки, сами-жъ мы въ
розлѹкѣ! —

Ой вы Запорозці, ой вы молодіи! де-жъ ваши
жупаны?

— Наши жупаны поносили Паны, сами-жъ мы
пропали! —

Ой полеті, полеті, да чорная галко, да на Дѡнъ
рыбы вѣспи!

Ой принеси, принеси, да чорная галко, одъ Кс-
шового вѣспи!“

— Да вже-жъ менѣ не лѣтапи на Дѡнъ рыбы вѣспи,
Да вже-жъ менѣ не носіпи одъ Кошового вѣспи! —

ПУГАЧЪ.

45.

Ой спавъ пугачъ на могилѣ, да й крикнувъ вѡнъ: пугу!
Чи не дастъ Богъ козаченькамъ хочъ теперѣ по-
пугу! . . .

Що дѣнь, що нѡчь — усѣ ждемѡ . . . поживы не маѣмъ:
Давно була! Хмельниченька ужѣ не згадаѣмъ!

Ой коли-сь мы воѡвали, да бѡльше не будѣмъ! . . .

Того счастья й нѡи доли — повѣкъ не забудѣмъ!

Да вже шаблѣ заржавѣли, мушкетѣ — безъ нѹркѡвъ,
А щѣ сѣрдце козачькѣе не боіпся Тѹркѡвъ!

Часть I.

9

ЛАНСКІЙ РОГЪ.

Гдѣ именно находится это мѣсто — не знаю.

46.

По долину вольи ревути: ой чому-жъ по не кони
ржушь —

Кони вороныи, кони выпряжныи!

Ой колись-по кони, кони... по Крымскѣй дорожѣ;
То-по було счастье, доля у Ланскому розѣ!...

А въ Ланскому розѣ яворъ похилився:

Ой Тапарини, пляшко-важко верблю закрупився.

Чи въ тебе, Тапарине, горблонька увъ очихъ запѣла?

Чи въ тебе, Тапарине, головоньку чара заломила?

ПѢСНЯ О СЕРБИНѢ.

47.

Ой Сѣрбине, Сѣрбине! покинь сербовати,
Возьми серпъ, да йди въ спѣтъ пшениченьку жати.

— Бо-дай-же ты, дѣвчинонько, шого не дождала,
Да що-бъ моя бѣла ручка пшениченьку жала. —

Сербинъ былъ гайдамакою; въ Харьковской Губернии
оспалось объ немъ много преданій, и урочище *Сѣрбинъ Яръ*.
Во второй части есть у меня прекрасная пѣсня:

Ой Сѣрбине, Сербиночку,

Свѣтай менѣ дѣвчиночку!...

Другая пѣсня начинается такимъ портретомъ Сербина:

Чомъ Сѣрбина не любішь, чи пожь не хорóшій:
Очи сині якъ у жабы, самъ на чорша схóжій. . .

Впрочемъ это, можетъ быть, относится и просто къ какому-нибудь Сербу, изъ числа поселенныхъ въ Новой Сербіи. Любопытно-бы найти пѣсни о Гаркушѣ — гайдамакѣ, который споль грозно славился въ Украинѣ лишь десять, начиная съ 1770 г., и о которомъ покойный Орестъ Михайловичъ Сомовъ (подъ именемъ П. Байсаго) писалъ прекрасныя повѣсти.

Вотъ отрывокъ, относящійся къ Гаркушѣ:

А Гаркуша добра дѣла на шляхъ поглядѣе,
Свою лѹбу Горпиницю выжидѣе.

Л И М А Н Ъ.

48.

(Отрывокъ.)

У нѣвъ идѹ — вода несѣ;
Въ нѣву идѹ — бѣда женѣ.
Жалкується Лиманъ Морю,
Що Дѣвпръ рѣшишь свою волю;
Свѣй гѣрла прочищѣе,
Лимановѣ закидѣе . . . .

МАЛОРОССІЙСКІЯ.

49.

Односится ко времени Очаковской битвы (1788).

Збѣралися комисары пѣдъ царскѣи палаты,
 Пишуть лѣспы на Вкраину пѣдъ аршинны браши.
 Написали на Вкраинѣ вдовиного сына:
 Ой пожежъ козакъ уродливый, дохѣдипть аршина.
 Ой зачѣ-жъ спарá нѣнька, Ивасѣва мапи:
 „Ой дѣ-жъ тебѣ, мѣи сыноньку, я маю сховати!“
 — На щѣ-жъ мене, матусенько, пы маешть ховати.
 Бѣду побѣ изъ сподичѣ червѣнныи слади! —
 „На щѣ-жъ мене, мѣи сыноньку, червѣнныи пивѣи?
 Що нѣкому поховати головѣнныи мемѣ!“
 — Поховаютъ, моя нѣне, тебѣ дѣбри людѣ,
 Ой якъ мене молодѣго до тебѣ не бѣде. —
 Вдовиный сынѣкъ вдовиченко коня наповаетъ;
 Его нѣнька спаресенька въ вѣкно поглядаетъ.
 Вдовиный сынѣкъ вдовиченко коника сѣдаетъ;
 Его нѣнька спаресенька сильнѣнько рыдаетъ.
 Вдовиный сынѣкъ вдовиченко на коня сѣдаетъ;
 Его нѣнька спаресенька крыжемъ упадетъ.
 Вдовиный сынѣкъ вдовиченко зъ двора выѣзжаетъ;
 Его нѣнька спаресенька за спремѣнь хапаетъ. . .
 Ой въ городѣ въ Очакѣвъ вдарили изъ лука:
 Да вже-жъ побѣ, вдовиный сыну, зъ матерью розлука.
 У городѣ въ Очакѣвъ вдарили зъ гарматы:
 Уже-жъ побѣ, вдовиный сыну, мапки не видати!

ЧЕРНОМОРСКІЯ.

Генералъ - Фельдмаршалъ Князь Потемкинъ - Таврическій составилъ изъ Запорожцевъ охотное войско, подъ именемъ *Черноморскихъ Козаковъ*. Они оказали отличную храбрость при взятіи Очакова и Березани (1788) подъ предводительствомъ Кошеваго *Челъги*, а свѣпльишій Князь Потемкинъ былъ пожалованъ шипуломъ ихъ *Гетьмана*. — Въ 1792 г. Черноморцы поселены на островъ Тамань.

50 (*).

Сложена и пѣта на праздникъ 15-го Августа 1792 г., по случаю получения грамотъ Царскихъ, привезенныхъ въ Черноморскій Коптъ Войсковымъ Судьею *Головатымъ*.

Головатый извѣспенъ какъ поэтъ: онъ сочинилъ *Вѣршу*, говоренную *Потемкину Запорозцами на Великъ-день*. (Христъ воскресъ, радъ мѣръ увесъ...); ему же приписываютъ и эту пѣсню. Онъ, съ опцемъ и дѣдомъ своимъ, извѣспенъ въ Малороссіи еще подъ именемъ *Трехъ Антоновъ*.

Ой годѣ намъ жури́тися, пера́ перестѣпани:
Дождѣлися одъ Царіци́ за слѣ́жбу заплѣпы!
Дадѣ хлѣбъ-соль и грамоты за вѣрными слѣ́жбы;
Отъ-пепѣръ мы, миліи брѣ́пця! забѣ́демъ всѣ нѣ́жды.

(*) Вотъ два стиха другой пѣсни:

Тупъ-но мы бѣ́демо жи́ши и рѣ́бу лови́ти,
И вра́жого да Черкѣ́са по кру́чамъ гони́ти.

Въ Таманѣ жишь, вѣрне служишь, границу держати,
Рыбу ловишь, горѣлку пишь, ще й будемъ багати.

Да вже прѣба женилися и хлѣба робили;
А хто прійде изъ невѣрныхъ, по якъ чорта биши.

Слава Бѣгу и Царицѣ, а покой Гепсману!
Залѣчили въ сердцахъ нашихъ великую рану.

Благодаримъ мы Царицу, молимся Бѣгу,
Що Вона намъ указала на Тамань дорогу!

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ПЬЕСИ КОЗАЦКІЯ

БЫТОВЫЯ.

Ой хворстуну, хворстуніно! послужи менѣ ще прѣшки:
Служила въ козацтвѣ, служила въ бурлацтвѣ, послужи въ
чумацтвѣ!
Украин. пѣсня.

Пѣсни сего опдѣла выражаютъ различныя положенія Козацкаго быта, преимущественно въ чепырехъ видахъ его: *войсковомъ, бурлацкомъ, гумацкомъ и гайдамацкомъ.*

Н. — вурлачствомъ называется вообще не только холостое бездомовье, но и оплутка изъ дому на промыселъ работами всякаго рода: такимъ образомъ и семьянинъ ходитъ вурлаковать, (на-заробѣпки). Слово бурлака значить еще забіяка.

О. — О словѣ *Гайдамѣкъ* было сказано въ Примѣчаніи М. стр. 66. — Здѣсь слово гайдамѣка принимается въ смыслѣ разбойника (розбѣйшѣака), и можно замѣтить еще то, что окончаніе онаго, встречающееся и въ другихъ словахъ, можетъ быть и Русское.

П. — чумаками называются Малороссіяне, ходящіе съ волами и возами своими за рыбою и солью, преимущественно въ Крымъ и на Донъ. Отправляясь чумаковать, они обыкновенно надѣваютъ сорочку и шаравары, окунутые въ деготь, и остаются въ нихъ во всю дорогу. По мнѣнію нѣкошорыхъ, это дѣлалось сначала для предохраненія себя отъ чумы, откуда будто происходитъ и самое названіе; но вѣроятнѣе будетъ производство отъ Татарскаго и у насъ старину употребительнаго слова: *чумъ* или *тюмъ* — ковшъ. Чумацтво издавна было важнѣйшимъ промысломъ козаковъ.

Здѣсь кстати привесити слѣдующіе два стиха:

А у Мѣрджѣ на лавоньцѣ сидѣтъ *Чумгѣ Тарабуль*:
Въ ёго люлька пахулька, а пошкѣнъ порохульнъ.“

Въ Полш. Губ. есть село *Чумгѣкъ*.

ПѢСНИ ВОЙСКОВЫЯ.

1.

Гомонъ, гомонъ по дубровъ,
Туманъ поле покрывае,
Мáпи сына проганяе:
Подѣ, сыну, геть одъ мене —
Нехай тебѣ Тúrки вóзмуть!
Мене, нене, Тúrки знаюшь —
Мене коньми надѣляють!

Гомонъ, гомонъ по дубровъ,
Туманъ поле покрывае,
Мáпи сына проганяе:
Подѣ сыну, геть одъ мене —
Нехай тебѣ Орда вóзметъ!
Мене, нене, Орда знае —
Срѣбломъ, зломомъ надѣляе!

Спáрша сестрá коня вѣде,
А подспáрша збрóю несѣ,
А мѣньшая выпытуе:
Коли, брáте, зъ вóйска прѣдѣшь?

Вóзметъ, сестро, пѣскú жмѣню, (159)
Посѣй ёго на камѣню,
Ходи къ ёму збрóньками,
Поливай ёго слѣзóньками:

(159) Жмѣня — горсть.

Коли, сѣспро, пѣсокъ зойде —

Тогдѣ бра́тъ ливо́й зъ во́йска прѣде!

Гомо́нь, гомо́нь по дубро́вѣ ,

Тума́нь по́ле покрыва́е ,

Ма́ши сы́на призы́вае :

Верни́сь , сы́нку , до-до́моньку ,

Змыю́ побѣ́ голово́ньку !

Мене́ , не́не , змыю́ть до́жчи ,

А розчѣшуть гуспѣ́ пѣрны ,

А вы́сушуть бу́йни вѣпры ! . . .

2.

По-надъ мо́ремъ , Дуна́емъ

Вѣперъ я́воръ хита́е , (160)

Ма́ши сы́на пы́пае :

— Ой сы́ну мо́й Ива́не ,

Дипя́ моё коха́не ! (161)

Чи менѣ́ тебе́ оже́нишь ,

А чи въ во́йсно уряди́шь ? —

Якъ я́ тебе́ колы́хала ,

Усю́ но́ченьку не спа́ла ;

Якъ я́ тебе́ зрости́ла ,

Сама́ себе́ звесели́ла ;

Якъ я́ тебе́ оже́ню

Всю́ ро́дину звеселю́ ;

Якъ я́ тебе́ въ во́йсно о́ддамъ ,

Собѣ́ жа́лю я за́дамъ ! —

„Не жури́ся , мо́я ма́ши ,

(160) Хита́ши — кача́шь. (161) Коха́ный — возлюбле́ный,
ми́лый.

Вже сѣго не миновати !
 Исправь меня при трубахъ ,
 Да усъ при мѣднѣ ,
 А чепвѣрную трубу
 Исправь меня золошю .
 Въ першу трубу я заграю ,
 Якъ коника осѣлаю ;
 А въ другую я заграю ,
 Якъ на коника сѣлаю ;
 А въ прѣпюю я заграю ,
 Зъ пвого двора вдуци ;
 А въ чепвѣрпу зашрублю
 Серѣдъ войска споючи
 И шабельку держучи .

Примѣчаніе. Въ одномъ спискѣ начало такое :

Ой у полѣ да дѣрево
 Зелѣне, кудряве ,
 Подъ пымъ дѣревомъ
 Сидитъ мапи зъ сыномъ .
 Вперъ дѣрево хипае и проч . . .

Въ другомъ конецъ такой :

Якъ зачула пѣе мапи
 Спала плакапи, рыдапи :
 „Ой сыне мой Иване ,
 „Дитя мое кохане !
 „Ой коли-бъ же я зуаула ,
 „Я-бъ до пѣбе полинула ! (162)

(162) Полинула — полешпы .

3.

Засвиспáли козаченьки въ похóдъ зъ-полуночѣ ;
Заплакала Марусенька свой я́снѣ очѣ. —

Не плачь, не плачь, Марусенько! не плачь, не журися:
За своёго миленького Бо́гу помоли́ся! —

Спойшь мѣсяць надъ горóю да сѣнца немае ;
Ма́ши сѣна въ дорóженьку слѣзно проважае.

„Проща́й, милый мо́й сѣночку, да не забавля́йся! (163)
Черезъ чопы́рѣ недѣлоньки до-дóму верша́йся.“

— Ой радъ бы я, мапусенько, скорѣйше верну́ться;
Да вже що-сь мо́й воро́ненькѣй въ воро́пяхъ
ви́пкнүвся.

Ой Богъ знае коли верну́сь, въ якую годину:
Прѣйми-жь мою́ Марусеньку, якъ рѣдну дѣпину.

Прѣйми ё́й, мапусенько — всѣ въ Бо́жіей во́лѣ!
Бо хто знае: чи живъ верну́сь, чи ляжу на по́лѣ?“

„Ой рада я Марусеньку за рѣдну приня́пи;
Да всѣ не на́къ вона́ мене́ бу́де шанова́пи.“

— Ой не плачте, не журѣшесь, въ пу́гу не вдава́йшесь:
Загра́къ мо́й ко́нь воро́ненькѣй, наза́дъ сподѣва́йшесь!

(163) Ба́вишисл — мѣшкапъ.

Пѣсня сія и еще нѣкоторыя сочинены Козакомъ Семей-
номъ Климовскимъ, жившимъ около 1724 г.

Вхавъ Козакъ за Дунай,
Сказавъ: дѣвчино, прощай!
Ты, конику вороненькій,
Неси да гуляй!

„Постой, постой, козаче!
Твоя дѣвчина плаче;
Съ кѣмъ ты менѣ покидаешь —
Только подумай!“

Бѣлыхъ ручокъ не ламай,
Ясныхъ очокъ не зпирай,
Менѣ зъ войны изъ славою
Къ собѣ дожидай.

„Не хочу я ничего,
Только тебѣ одного;
Ты будь здоровъ, мой миленькій —
А все пропадай!“

Свѣснувъ Козакъ на коня:
Зоставайся, молодя!
Я приѣду, якъ не згину,
Черезъ три года . . .

Тебѣ-жь, мила, не забуду,
Поки живъ на свѣпѣ буду;
Колѣ-жь умру на войнѣ,
Поплачь обо мнѣ! . . .

5.

— Що ты, мѣлый, думашть-гадаешть?
 Мабуть менѣ поинунти маешть!
 Рако вспашь, коня наповашь,
 Зелѣного сѣнця пѣдкладашь,
 Жовпѣнького вѣсѣ пѣдсыпашь;
 Въ сѣнечки идешь — сѣдельця пыпашь,
 Въ комѣру идешь — нагайки шукашь,
 Дипя плаче, ты не поколышешь. —
 Все на мене важкимъ духомъ дышешь,

Ой у порога ревнула корѣва, —
 „Зоставайся, мѣлая, здорова!“
 Ой ревнуло ще й малѣ пеляшко —
 „Зоставайся малѣе диняшко!“
 Мѣла зъ хашы выбѣгала,
 Свогѣ милѣго за спремѣнь хашала.
 — Ой вернися, мѣй мѣлый, вернися,
 Варѣной горѣлки напийся,
 И въ голубый жупанъ приберися,
 И на мене милу подивися! —
 „Не вернуса, мѣла, не вернуса!
 Я въ дорѣзъ й сырож шапьюся,
 И на чужу милу подивлюся,
 До тебе въ недѣлю вернуса,
 Въ зелѣный жупанъ приберуса.“
 — Ой не вѣдь же, мѣй мѣлый, нѣзомъ,
 Закидана дорѣженька хмызомъ. — (164)

(164) Хмызь — хворостъ.

„Ой ё въ мене коникъ воронёнкйй,
 Перескочилъ той хмызокъ дробнёнкйй.
 Ой у полъ вовкй да лисицй,
 Ой по-жъ мой брапья да сестрицй.
 Ой у полъ чорный воронъ кряче,
 То-жъ мою вёнъ голову баче.“

6.

Ой поважай спару мапёръ, хочъ вона й не родна:
 Кохай, кохай дёвчиноньку, хочъ вона и бёдна.

— Не для того спара мапи що-бы поважати:
 Не для того бёдна дёвка, що-бы ёй кохати.

Ой поважай сестру свою, сиропу-вдовицу:
 Кохай, кохай молодицу, гарну соболицу.

— Не для того сестры, вдовы, що-бы ихъ поважати:
 Не для того молодицй, що-бы ихъ кохати.

Ой поважай опця своего, да поважай брата:

— Не для того вони живуть, що-бы ихъ поважати.

Коли прёба поважати, то мы знаёмъ за-що:

Да й не маму, да й не папа, ни сестру, ни брата.

Ой у мене ё коняка, да й гарный коняка:

Ой якй вонъ волоцюга, якй розбишак!

Ой того-то я коняку поважати буду,

За ёго не ваяв-бы срёбла хочъ повную груду.

Ой ще на моёму боцъ ё шабелька гарна,

Спытай ёё, спытай ёё, чымъ вона не панна?

Ой панночко наша, панночко цаблюдо,

Зъ бусурманомъ зустрівалася (165) да й не двоци

цёловалася.

(165) Встрёчалася.

7.

Соколоньку сынку, чини мою волю:
Продай коня вороного, вернися до-дому.

— Соколіхо маши, коня не продаши,
Мому коню вороному прѣба сѣньця даши.

Соколоньку сынку, рыбъ намъ не ловиши,
Нѣчого намъ ѣсти — голодомъ сидѣши.

— Соколіхо маши, пуспи погуляши,
Буду гуляшь, да гуляши, доленьки шукати.

Соколоньку сынку! хибѣ-жь пепѣрь время?
— Время, маши, время! орлу разъ-шо время.

Ой привезу, мамо, побѣ при жупаны,
Да всѣ пѣи при жупаны всѣ сребломъ попкани;

Ой мѣжь пѣми одинъ жупанъ изъ самого Хана:
Ой процай-же, моя мамо, пойдю я до Хама.

8.

„Ой панове-молдци, вѣдкѣль идепѣ?
Да зъ якою спорѣночки, да що везепѣ?“

— Ой, Пѣне-Гѣпъмане! булі въ бусурмана:
Багачко въ чорпѣки всякого надбѣне! —

„А що-жь вы, панове, чогу памѣ чувѣли,
Якого видѣли, якого зѣбрали?“

— Що, Пѣне-Гѣпъмане! по при смухи зъ барака,
Чѣтвѣрпу малѣньку зъ самого бусурмана. —

9.

Ой у лúзѣ да калина весь лúтъ изкрасила:
Породила спарá маши жовнѣронька сына.

„Породила жѣ менѣ маши темненьком но́чѣ,
Дала менѣ бѣле личко и чорныи очѣи.

Булó-бѣ менѣ бѣленького личка не давали,
Булó-бѣ менѣ, мой маши, счастье и долю дали!

Породила менѣ маши въ Свяпую Недѣлю:
Дала менѣ лиху́ долю — де-жѣ еѣ подѣну?...

Лиху́ долю ни прода́ти, а ни промѣня́ти;
Всю́ды люди́ ли́хо зна́ють, не хопя́тъ купова́ти!“

Розвива́йся, сухій дубе! за́втра морóзъ бу́де,
А вже побѣ, гарный хлопче, за́втра похóдъ бу́де!

— Я морóзу не бою́ся, за́втра розви́ну́ся!
„Я похóду не бою́ся, за́разъ выберу́ся!“

Пла́че ми́ла, пла́че чорныи очѣи:
— Вечеро́нька на сполѣ́, а сме́рть за плечѣи! —

„Кро́пиль дóжчикъ дорóженьку да щóбъ не курѣла.“
Ой порáдьте моѣй ми́ло́й да щóбъ не шужи́ла!“

10.

Ой сѣвъ коза́къ вѣсти, иду́шь къ ёму́ вѣспѣ:
Кидай, коза́къ, вечера́ти, ча́сь на коня́ сѣсти!
Коза́къ покида́е, на коня́ сѣда́е,
Маши ёго́ ро́дненькая зѣ жа́лю омѣва́е.

Ча́сть I.

„Не дай, Бо́же, сме́рти, въ чужо́мъ кра́ю вме́рти:
 Нема́ кому́ жалкова́ти, голо́вки звяза́ти!
 Во́ронъ приле́тае, въ во́чи загляда́е,
 Бѣле пѣло объѣда́е, ко́спки покида́е! . . .“

11.

Ой кря́че, кря́че чорне́нькій во́ронъ
 Да на глыбо́кѣй доли́нѣ;
 Ой пла́че, пла́че молодѣ́й коза́че
 По несча́сливѣ́й годинѣ́.
 Ой кря́че, кря́че да чорне́нькій во́ронъ,
 Да у лу́зѣ надъ водо́ю;
 Ой пла́че, пла́че молодѣ́й коза́че
 На ко́нику на вороно́му.
 — Воро́ний ко́ню! гра́й шы по́до мно́ю,
 Да розбѣ́й шы лу́гу мо́ю!
 Розбѣ́й, розбѣ́й лу́гу по шѣ́мному лу́гу
 Козако́ви да молодо́му. —
 Ой ѣ́де коза́къ да дорѣ́женькою,
 Слезо́ньками умыва́ешся:
 — Де́-сь мо́я не́цька, де́-сь мо́я спаре́нька
 Да за мно́ю убива́ешся!
 Да въ недѣ́моньку ра́но по-ране́ньку,
 Да якъ со́нце не зходи́ло,
 Да зѣ́зжала́ся вся мо́я родѣ́на,
 Вона́ мене́ выпроводи́ла.
 Выпровожа́ешъ, мо́я родѣ́нько!
 Да чи не жа́ль побѣ́ буде́,
 Якъ я поѣ́ду на шу́ Украѣ́ну,
 Да ме́жъ чужи́и лю́ди?

Ой згадай мене , мой спарá нене ,
 Сьдаючи да обьдаши :
 Де-сь мой дитина на чужой споронь ,
 Да нькому да одвьдаши !
 Ой згадай мене , мой спарá нене ,
 Якъ сядешъ у вѣчеръ вьспи :
 Де-сь мой дитина на чужой споронь ,
 Да немае одъ неи вьспи .

12.

Спойшь яворъ надъ водою , въ воду похилився ;
 На козака пригдонька (166) , козакъ зажурился .

Не хилися , явороньку , ще пы зелененькый !
 Не журился , козаченьку , ще пы молоденькый !

Не радъ яворъ хилилися — вода корний мые ;
 Не радъ Козакъ журилися , да сьрденько ные !

Ой повхавъ въ Москвоньцину козакъ молоденькый —
 Орехове сьделечко и конь вороненькый .

Ой повхавъ въ Москвоньцину да памъ и загинувъ ,

Казаавъ собъ : насыпали высоку могилу ,
 Казаавъ собъ : посадили въ головкахъ калину !

Будушь пташки прилешати калиноньку вьспи ,
 Будушь менъ приносиши одъ родоньку вьспи ! ...

(166) Невзгодье , бьда .

Горе менѣ на чужинѣ,
 Що не вкупѣ братьи мой:
 Одинъ въ Свѣчѣ Опаманомъ;
 Другій въ степу зъ Вапáжкою,
 Третьій Дойно Дойниченько . . .
 По-надъ Днѣспрómъ Дойно ходишь,
 Дѣвяперо коней водишь,
 На десятómъ поѣзжае,
 Днѣспра брашомъ называе.
 „Днѣспре бра́те, побрапа́ймось!
 Скажи рѣчь Савранськóй (168)
 И прикмѣть (168) козацькóй.“
 Въ-гóру, Дойно Дойниченько!
 Тамъ рѣченька Савранськая
 И прикмѣша козацькая . . .

Сидишь козаць на могилѣ,
 Зъ оружины огонь крѣше,
 Скалки ломить, розкладае,
 Въ свой раны заглядае:
 Пострѣлены — къ сѣрцю прийшли,
 Порубаны — кровью зойшли. —
 Закладався орель зъ конемъ,
 А за пѣи криниченьки:

(167) *Савранка* впадаеть въ Бугъ. (168) *Прикмѣта* —
 смышленость, удастьство?

„Ой чи скорѣйшъ ты добѣжишъ,
 Менѣ крильця повпиняешъ!“
 — Ой ты скорѣйшъ да долетишъ,
 Мѣнѣ ноги повпиняешъ. —
 Ой конь бѣжишъ, земля дрожишъ;
 Орелъ летишъ, перо дзвенишъ;
 Ой конь бѣжишъ все ярами,
 Орелъ летишъ все лугами.
 Конь до воды прибѣгае,
 Орла брата выглядаетъ:
 Орелъ летишъ и не смѣе
 Коня брата не познае;
 Даруй, коню, крылечками,
 А хню ходишь ножечками!

14.

„Водкѣль ѣдешъ?“ — Одъ Дунаю! —
 „А що чувавъ про Михайлу?“
 — Эге! чувавъ! я самъ видавъ:
 Ишли Ляхи на при шляхи,
 Козаченьми на чопыри,
 А Ташаре поле крыли.
 А въ томъ войську козацькому
 Бхавъ возокъ да й покрыпый
 Червоною кипайкою,
 Заслутою козацькою.
 А въ томъ возку було пѣло,
 Порубане, почорнѣло;
 За пѣмъ возкомъ конь лыцарськый;
 Ведѣ коня хлопъ козацькый,
 Держишъ списъ въ руцѣ довгенкый,
 А у другой мечъ ясенекый.

Ой щé зъ мечá и кровъ печé!
 По Михайль мáпи плачé . . .
 Не дúже вòнь порúbанный:
 Головонька на при часпíи,
 Бѣле пѣло на чопырíи!
 На-що, мáпи, справу дбáши (169)!
 Трѣба досчòкъ добувáши,
 Хорóмину будовáши!
 Дай три дòски кленовыи,
 А чепвѣршту сосновою:
 Безъ дверь хáпа, безъ вòконецъ,
 Бо вже прíйшовъ ёму кòнецъ!

Въ другякъ варíяншахъ находяцца слѣдующíе списки:

А въ помъ вòзакú козакъ лежítъ
 Поспрѣляный, порúbанный,
 На при часпíи роздѣленный;
 Въ правòй рудѣ шáблю держítъ,
 А зъ той шáблi крòвця бѣжítъ —
 Бѣжítъ рѣчка кровавая,
 Надъ рѣчкою яворъ спойтѣ,
 Надъ яворомъ вóронъ кряче,
 За козакòмъ мáпи плаче,
 Вонá плаче и рыдáе,
 Свогò сына не пòзнае.

(169) Яспивы гòповишь.

Сидѣть вѣронъ надъ скалою

Похипуе головою :

— Ой я швогѣ сына знаю ,

Тричи на день понась маю ,
Зѣ лба ѣчи выбираю .

Иди , спара , до-домочку ,
Возьми пѣску въ праву ручку ,
Посѣй ёго въ городочку ,
Якъ шой пѣсокъ въ-гору зѣйде ,
Тогдѣ сынъ до шѣбе прѣйде !

15.

Вѣперъ гудѣ , права шумѣшь ,
Козакъ бѣдный убѣишь лежишь
На купишь головою ,
Накрѣвь ѣчи осокѣю .
Кѣнь воронѣй у нѣженкахъ ,
Орѣль сѣзый въ головонькахъ ;
Вѣнъ козака доглядѣе ,
На кучерѣ наступѣе . . .
Вѣнъ до ёго промовлѣе :
„Сѣзый орле , побрашѣймосъ !
Якъ шѣй , браше орле , спѣнешъ
Зѣ лѣбу ѣчи выдѣрати ,
Дѣй же моѣй нѣнѣцъ знѣпи ,
Моѣй нѣнѣцъ старѣсенъкѣй ,
Машусенъцъ рѣднѣсенъкѣй .
Ой знѣй , орле , шѣо казѣпи ,
Якъ у шѣбе мой мапи
Будѣ про мѣде пышѣпи !

Скажи: служишь вѣнъ у Хана,
 Въ пана Хана Тапарина,
 У Крымського Добрѣдѣя;
 Да выслуживъ королѣвоньку,
 Въ чистѣмъ полѣ могилоньку. . .“

16.

Ой конь бѣжитъ, правá шумитъ:
 Да вжéжъ козакъ убитъ лежитъ,
 На купинѣ головою,
 Прикрывъ ноги осокѣю,
 Жѣвте пѣло рокипою,
 Бѣлы рѣки хустиною,
 Ясне личко кипайкою. . .
 Въ головонькахъ воронъ кряче,
 А въ нѣженькахъ коникъ плаче;
 Копытомъ зѣмлю выбивае,
 Свогѣ пана вѣнъ пыпае:
 — Ой пане-жъ мой, пане,
 Пане колипане!
 Ой кому менѣ вручаешь,
 Кому коня покидаешь?
 Чи Турчину, чи Тапарину? . . .
 „Тебѣ, коню, Турчинъ не поймае,
 А Тапаринъ не ѣдлае.
 Ой бѣжи, коню, пѣмными лугами,
 Бѣжи, коню, бѣпыми шляхами;
 Да прибѣжи, коню, до двѣру,

Тя вдарь коньшомъ въ болону!
 А выйде до тебе ненька спаренька,
 Козацькая мапусенька;
 Она буде тебе за поводы браши,
 Буде побъ сына подкладати,
 Во вса буде побъ подсыпати,
 Холодною водицею наповати,
 И скрозь слезы про мене пыпати.
 Да не кажи, коню, що я убився,
 А скажи, коню, що я оженився,
 Да понявь себъ паняночку,
 Въ чистомъ полъ земляночку —
 Що куды вперъ не вье,
 Ни сонечко вже не грѣ. . .
 Безъ вѣконецъ и безъ дверецъ —
 Тамъ спить козакъ - молодець. . .“

17.

Ой у полъ снѣжокъ порошить
 Ажъ памъ козакъ забить лежить,
 На купинъ головою,
 Накрывъ очъ муравою,
 Муравою зеленою,
 Червонною кипайвою.
 Въ головонькахъ воронъ кряче,
 А въ ноженькахъ коникъ плаче:
 — Абó мене, пане, пускай,
 Абó менѣ заплапу дай! —
 „Зорви, коню, шовковый поводъ,
 Бѣжи, коню, дорогою,
 Зеленою дубровою;

Выѣжъ правы двѣ косарѣ,
 Выпій воды два озёрѣ,
 Подбѣжи, коню, подъ ворона,
 А вдарь коню у копыта!
 А выйде до пѣбе нѣнька спарѣнька,
 Козацькая мапусѣнька —
 Ой знай, коню, що казали,
 Якъ буде у тебе пышани:
 Ой коню мой воронѣнькій,
 А де пвѣй пань молодѣнькій?
 Чи ты ёго въ войську згубивъ,
 Чи ты ёго подъ себѣ збивъ? —
 А ни я ёго въ войську згубивъ,
 А ни я ёго подъ себѣ збивъ:
 Заслуживъ вѣнь паняночку,
 Въ чиспѣмъ полѣ земляночку! . . .“

18.

(Г а л и ц к а я)

Чѣрна рѣля (170) заѣрана — гей, гей —
 Чѣрна рѣля заѣрана
 И кѣлями (171) засѣяна,
 Бѣлымъ пѣломъ зволѣчена, — гей, гей —
 И кровѣю сполѣчена.
 Лежѣть вѣякъ на купинѣ — гей, гей —
 Лежѣть вѣякъ на купинѣ,
 Накрѣвъ ѣчи кышайкѣю.

(170) Рѣля — пашня. (171) Кѣля — пуля.

Кипайкою червоною — гей, гей —
Накрывъ очи кипайкою.

А нѣ прунѣ (172), а нѣ ямы — гей, гей —
А нѣ прунѣ, а нѣ ямы,
А нѣ вѣщя, а нѣ мамы.
А нѣкому задзвонѣши — гей, гей —
А нѣкому запужѣши!

Дзвоняць конѣ копыта́ми — гей, гей —
Дзвоняць конѣ копыта́ми,
А воякѣ оспрога́ми.
Дзвоняць конѣ копыта́ми — гей, гей —
А воякѣ оспрога́ми.

Лепѣшь вѣронь зъ чужѣхъ спѣронь — гей, гей —
Лепѣшь вѣронь зъ чужѣхъ спѣронь,
На могилѣ усѣдае,
Очѣ ёму выпивае — гей, гей —
Очѣ ёму выпивае.

Хѣдѣшь ма́ши гукѣючи — гей, гей —
Хѣдѣшь ма́ши гукѣючи,
Сы́на сво́го пыпа́ючи.
— Ой я шво́го сы́на знаю — гей, гей —
Бо я зъ ёго по́пась (173) маю!

„Скажѣ менѣ, вѣронь мѣльѣй — гей, гей —
Скажѣ менѣ, вѣронь мѣльѣй:
Чи моѣ сынѣкъ ищѣ бѣльѣй,
Чи щѣ очѣньки яснѣнькѣй — гей, гей —
Да чи успѣ румьянѣнькѣй? ...“

(172) Труна — гробъ (173) Пасху.

— Вжé ёго успá синéнькî — гей, гей —
 Вжé ёго успá синéнькî,
 Егó личкó вжé чорнéньке,
 Я на личкó присѣдаю — гей, гей —
 Очî ёму выпивáю! ...

19.

По-за сáдомъ зеленéнькимъ дорóжка лежáла :
 Молодáя шуды панî некрупъ вырjáла,
 Вырjáла на воронóмъ кониченьку.
 — Выйди, выйди, сёрдце моé, дѣвчíнонько ! —
 Ой не выйшла дѣвчíнонька, выйшла спарá мáпи;
 Взялá коня за пóводы, да й спáла пытáпи :
 „Ой сыну-жъ мóй, соколóньку, дéжь тебé шукапи?“
 — Шукáй въ спену, кра́й дорóги, моá рóдна мáпи!
 Тамъ я бóду, моá мáпи, гóремъ горевáпи —
 Своимъ чóбомъ кучерявымъ спены успилáпи,
 А своéю кровíцею мóря доповнáпи,
 А щé своимъ бѣлымъ тѣломъ орлы годовáпи.....
 „Бо-дáй же вы, вороженъки, всѣ рáзомъ пропáли,
 Якъ вы шóю бѣду знáли, менѣ не сказáли ;
 А шодî вже вы сказáли, якъ сына пóймáли!
 А пóймáли мого сына, да рúки звязáли,
 Повязáвши бѣлы рúки, везúшь до Прилúки,
 „А зъ Прилúки до Полшавы, до вѣчной присяги :
 Присягъ Царю, присягъ Бóгу, одрѣкса одъ рóду,
 Прощáй, сыну, мóй гóлубе, не дóмай до дóму!

До вдовиного двора
 Лежишь дорожка нова,
 А въ помъ дворъ сполы песанй,
 По-мѣжь пѣми сполами
 Сидятъ паны рядами,
 Пишутъ листы пѣрами,
 Пишутъ, пишутъ и рядянь
 Кого въ некрупы оддашь.

— Де пѣть — памъ не брашь;
 Де чопыри — памъ веляшь;
 Де три — памъ не ты;
 Де два — памъ нѣ-льга.

У вдовины одинъ сынъ,
 И пои пошовъ подъ аршижь;
 Подъ аршиномъ не дѣйшовъ
 И заплакавши пошовъ.

Паны ёго пожалѣли
 И купили коника,
 И коника й шабельку,
 Пошовъ хлонецъ до повку.

Идѣ мапи, рыдае,
 Всю старшину збирѣе.
 „Ой старшина моя мѣла,
 Выпускайте моего сына.“

Обозвѣвся одинецъ,
 Уродливый молодець:

— Не пла́чь , ма́пи , не рыда́й ,
 Ка́рыхъ о́чей не э́пирáй,
 Ой погди́ ты запла́чешъ ,
 Якъ на му́шпрѣ забáчишъ.

А чій-же по ланѣ
 Позасѣвали панѣ ?
 А по погó одинця́ ,
 Вродливого молодця́ .
 А вѣйдемо на той ланѣ ,
 А вдáрѣмо въ барабанѣ .
 Опть : ма́шерѣ на жалоспѣ ,
 А спаршинѣ на радоспѣ .
 Пóшла ма́пи плачучѣ ,
 А спаршинѣ радоцѣ .

21.

Ой крикнули орлы́ , зъ-за моря́ лепю́чи :
 Заплакали бурла́ченъки въ нево́лѣ сидю́чи .

— Дава́й , Со́псскій , по́шпу , коня́ вороно́го ,
 Да повезе́мъ до приѣму́ хло́пця́ молодóго ! —

Взяли́ да ѣ помчáли пѣмными́ лугáми ;
 А за нѣми́ опѣць , ма́пи , бѣпими́ шляхáми .

А дѣ на́-но́чь спáнушь , свѣ́шло задува́юшь ,
 Що рóдного опцá ѣ вѣньки да не допусáюшь .

„Не пла́чь , моя́ ма́пи , не пла́чь , не журѣ́ся :
 „Щѣ́ я молодѣ́нькѣй коза́къ , выслу́жуся !“

Ой зачула-жъ мой доля,
Що не буйи менѣ дома,
Буйи-жъ менѣ у неволѣ,
У некруцькому наборѣ! —
Скоро козакъ догадався,
До дѣвчины заховався:
— Ой дѣвчино, моє серце,
Зховай мене подъ ряденце! —
Скоро люди доглядѣли,
Кругомъ хату обступили,
Въ дѣвки двѣри розломили
И козакá уловили;
Быспрѣ нѣженьки зковали,
Бѣли рѹченьки звязали,
Посадили у вѣзочокъ,
Сами сѣли въ передочокъ,
Да й повезли въ городочокъ.
Сами коней поганяють,
Да й на хлопця поглядяють —
Щобъ и коней не впоміни,
Щобъ и хлопця не впустиши.
На коникахъ пѣна пала,
Недалеко вже Полтава.
Пріѣхали до Полтавы,
Оддѣлчики повспавали,
Быспрѣ нѣжки розковали,
Бѣли рѹчки розвязали,
Да повели у свѣплицю,
Посадили на скамницю,

Чорні кудрі підголили
 Да й муницю начепили,
 По базáру поводили,
 Мѣдомъ - виномъ напоили.
 „Лүчче-бъ менѣ волôвъ пáспи,
 Нѣжъ шепѣра зъ коня впаспи!
 Лүчче-бъ менѣ погоніпи,
 Нѣжъ зъ панáми говоріпи!
 Лүччебъ менѣ зъ грабѣлками,
 Нѣжъ шепѣра зъ шабѣлками.“

23.

Ой дубъ на берѣзѣу гôльемъ похилівся,
 Сынъ своѣй мáпері до нôгъ уклонівся:
 „Ой спарá не не, чомъ не жѣнишъ мѣне?“
 — На щô-жъ тебѣ, сыну, молодымъ жєніпи?
 Хибá тебѣ, сыну, нѣ зъ кѣмъ говоріпи?
 Куплю тебѣ, сыну, коня вороного,
 Коня вороного, говори до ёго. —
 „Но подôба, мáпи, зъ конѣмъ розмовляпи:
 Ой чáсь и годіна дѣвчїны шукапи.
 Ой коню-жъ мôй, коню, коню воронѣнській!
 Ой чогó пы спойшъ на спáнѣ смупнѣнській?“
 — Тогó я смупнѣнській, щô пы молодѣнській,
 Щô пы рáно вступаешъ, менѣ наповáешъ,
 Менѣ наповáешъ, вôзмѣшъ осѣдлáешъ,
 Куды погадáешъ, туды й поганяешъ,
 Нїгдѣ погó шїнку не минаешъ,
 Менѣ вороного къ сповбу припинаешъ.
 Я сырúю зѣмлю по поясъ вѣбью,

Доки тебе, Пяне, зъ погó шынку вызву.
 Ой дай менѣ сѣна по самѣ колѣна,
 Дай менѣ воды по самѣ поводы,
 Ой дай менѣ мочѣ по карыи очѣ —
 Тогдѣ гуляй, Пяне, хоча до пѣвночи!

24.

Ой галочки чорнѣнькѣи крупу гору вкрыли;
 Молодыи козаченькѣи жалу наробили.

Ой галочки чорнѣнькѣи, пѣдоймайпесь въ гору!
 Молодыи козаченькѣи, вертайпесь до-дому!

— Ой радѣи мы пѣднѣпйся — шуманѣ налягае.
 — Ой радѣи мы вертайпися — да Пянѣ не пускае.

25.

(Уланская вербунка.)

Въ Бердичовѣ, славномѣ мѣстѣ,
 Звербовали хлопцѣвъ двѣспѣ,
 А чѣмъ-же ихъ вербовали?
 Злопыхъ грошей даровали.

Въ Бердичовѣ, славномѣ мѣстѣ,
 Звербовали хлопцѣвъ двѣспѣ;
 И конюхи, и писарѣи
 Увъ уланы приспавали.

Пристанѣ, Юрку, до вербунку,
 Будешъ ѣспи зъ масломѣ курку,
 Будешъ ѣспи, будешъ пѣппи,
 Будешъ якъ панѣкъ ходѣппи.

Забудь папа, забудь маму,
 А самъ приспанъ увъ уланы!
 Теперь маешь горёвапи,
 Лучше въ войську пановапи.

А въ уланахъ даюшь гроши,
 Будешъ багатыи, хорошии;
 Будешъ вѣспи, будешъ пипи
 И хороше въ чѣмъ ходипи.

И хороше въ чѣмъ ходипи —
 Довбешками воши бипи.
 И остроги побляни,
 И чоботы ваксовани.

Кипель бѣлми, киверь чорный,
 Жлопецъ гарный и мопорный,
 И чикчиры гаптовани,
 Самы паны прибирани.

А зводкѡль вы? — Могиляне.
 А чий пы? — Ковалѡва.
 Ой я дѣвка мѣжъ дѣвками,
 Черевички съ подкѡвками.

БУРЛАЦКІЯ.

26.

Гэй-же! — Да журба менé скрушила,
 Да журба менé зсушила, — да гэй!
 Гэй-же! — за чужими волами ходючі,
 Да чужіи возы мажучі, — да гэй!
 Да нуше, волы, помалу,
 Да вышыгайце изъ яру. —
 Ой крикнули журавлі,
 Да ходючи по ролѣ:
 Да лучче ролѣ ранняя,
 А нежъ пая позняя;
 Що на ранней женці жнупъ,
 А на позней скотомъ бьютъ. —
 Ой крикнули молодці,
 Да сидючи въ корчомцѣ:
 Да лучче жонка першая,
 А нежъ пая другая;
 Да що зъ першою дѣшей мавъ,
 А зъ другою розогнавъ.
 Да идѣнъ дѣши служіци,
 Чомъ мачусъ годіши! —
 Да одинъ пошовъ до пона,
 Другій пошовъ до жйда,
 Третьій пошовъ до пана —
 Щобъ мачуха пропала!
 Ходить батько по валу,
 Ключе дѣшей до-дому:

11*

Да идѣшь дѣши до-дому,
 Не бѣде мамъ розгону!
 — Живѣ, папу, якъ Бѣгъ давъ,
 Коли ты насъ розогнавъ!
 Мы бѣдемо служѣши,
 За мамѣрью шужѣши!

27.

„Щука рыба въ морѣ гуляе до-воли,
 А я козакъ на чужинѣ да не маю доли.

Выйду за ворота, надѣвши сѣмрягу,
 Ой хпѣ-жъ менѣ да пригорне бѣдного нешягу!

Осѣлаю коня да поѣду въ поле,
 Прощай, прощай мапусенко, моя рѣдна ненько!“

— Ой ты сѣзый орле, высоко лѣпаешъ,
 Ой чи часто мого сына у вѣчи видѣешъ?

„Сынъ пвѣй, мамѣ, въ полѣ, въ полѣ спочивае,
 Надъ нимъ сидѣшь сѣзый соколъ, въ головоньку
 сѣкае.“

Да вдарила мамѣ объ полы рукама:
 — Теперъ-же я, мой дѣши, пропала изъ вамѣ. —

„Самá себе, мамѣ, самá провинила,
 Що насъ такѣхъ покохала да ѣ не поженила.“

— Сынѣ-жъ мой любѣ, сынѣ вы миленькѣ,
 Тымъ-же я васъ не женила, що вы молоденькѣ!

— Въ недѣлоньку рано розигралось море :
Не одному сыну на чужинь горе !

Выйду за вороша, спану якъ сиропша.
Нихто мене не займае! я бѣдный сиропша! . . .

Да лепишь орель сизый, орель сизокрылый :
„Чого стойшь-шужинь, мой сыну единый!“

— Да порадь менѣ, орле! що маю робити :
Да померь опець, мапи, вся моя родина. —

„Да и ты не знаешь, да и я не знаю,
Покидай сей край, де роду не маешь ;

Да иди на Вкраину, тамъ знайдешь родину,
Тамъ знайдешь родину, любую дѣвчину.“

Журба мене сущишь, журба мене валишь,
Журба-жь мене, мапи, скоро изъ ногъ звалишь!

А я-жь поѣй журбѣ да и не поддаюся —
Поѣду до шингарки, горѣлки напыюся.

Горѣлочка пьяна, суча журба впряма ;
Горѣлочка сумна, суча журба умна.

Чому-сь менѣ, брате, горѣлка не пѣтся,
Била моего серденька якъ гадина вѣется.

Коло сердца, брате, коло сердца моего,
А коли не вѣришь, нехай била швого!

Були въ мене луги, спали жипо жапи ;
Бувъ въ мене опець и родная мапи,
А пеперь нѣкому порадоньки дапи!

Булі въ менé лúги, высóкiм вóльхи,
 Булі въ менé дядькi и рóдным пéпкi,
 А пепёръ порáдонькi не маю ни звóдкóль!

Да булі въ менé лúги, булі и копiцi —
 А пепёръ нѣкому подáпъ и водiцi.

Не дай Бóже смёрши — на чужiнѣ вмёрши:
 Ой нѣкому доглянуни памъ моeи смёрши.

30.

Ой не шумi, лúже, дубрóвою дúже,
 Не завдавай сёрдцю жалю, бо я въ чужóмъ краю,

Ой я въ чужóмъ краю якъ на пожарiнѣ,
 Нихтó менé не пригóрке при лихóй годiнѣ!

Ой роблю я, роблю, робота ни-зá-що,
 Лúди кáжущь и говоряпъ: сиропá ледáщо!

Сиропá ледáщо, не хóче робiти;
 Ой опдáймо врэжа сына у вóйсько служiпи!

Сиропá впомiвся, на пiнѣ похилiвся —
 Лúди кáжущь и говоряпъ: вóнѣ мабушь упiвся!

Ой пóйдú я, пóйдú на горú крупúю,
 Ой спáну-жъ я, подивлюся на рѣчку быспрúю.

Ой рѣченъка, быспрѣнъкая! на óи дивлюся,
 Такi менé думкi вносяпъ: пóйдú упоплюся!...

— Не попися, козáченъку! мáрне дúшу згúбишъ:
 Трэба зъ нею въ свѣпѣ жи́пи, хочъ ёй не любишъ!...

31.

Ой не шуми́, лу́же, пы зелёный гаю́,
 Не завдава́й се́рдицю жа́лю, бо я́ въ чужо́мъ краю́!
 Бо я́ въ чужо́мъ краю́ ма́рне пропадаю́,
 Ой пы́мъ-же я пропадаю́, що́ ро́ду не маю́. . .
 Хочь у мене́ и е́ ро́дъ — далёко одь мене́;
 Ой я чую́ черезь лю́ди, цураю́ться мене́.
 Неха́й вони́ цураю́ться, да яхь, сами́ знаю́ть,
 При́йде пая́ годи́нонька, що́ й мене́ згадаю́ть!

32.

Зь по́ля вѣперь вѣе́,
 За Лима́номъ завыва́е,
 Ту́га-печа́ль наляга́е. —
 Ой я съ пу́ги, да зь печа́ли
 По́йду́ въ корчму́ погуляю́.
 Шинка́рочка молодая́,
 Вона́-жь мене́ давно́ зна́е,
 Горѣ́лочки повѣ́ряе. —
 Шинка́рочко молодая́!
 Усы́пъ ме́ду и горѣ́лки,
 Тепе́рь въ мене́ нема́ жо́нки.
 Въ ко́го жо́нка́, въ ко́го дѣ́пи,
 Тому́ въ По́льщи́ дѣ́бре жи́ши.
 А я́ жо́ночки не маю́,
 Я въ Оде́сь пробува́ю. —
 А въ Оде́сь дѣ́бре жи́ши,
 Мѣшкѣ́мъ хлѣ́ба не носі́ши,
 На па́ньщину́ не ході́ши,
 Поду́шного не плапíши.
 Ни за плу́гомъ, ни за ра́ломъ,
 Называ́юшь мене́ па́номъ.

33.

Ой лужечки да бережечки да вода поняла;
Да вже-жъ мою да головоньку журба обняла.

Охъ и я журбу, охъ и я поску да на листу спишу;
Охъ и я журбу, охъ и я поску на Дунай пуцу.

Да пльви, журбо, да пльви, поска, да по всьмъ
берегамъ;

Охъ и родай, Боже, мою печаленьку по всьмъ
ворогамъ.

Да зелены дубъ, да зелены дубъ, да безъ сон-
ця завьявъ,

Молодёнкому да козаченьку Богъ долъ не давъ.

Да не давъ долъ, да не давъ счастья, да не давъ
шалану,

Да куды я пойдю, куды повернуся — по все чужина.

34.

Ой въ полъ могила зъ въпромъ говорила:

Повй, въпре, ты на мене, щобъ я не чорнѣла.

Щобъ я не чорнѣла, щобъ я не марнѣла,

Щобъ на менѣ правá росла, да щѣ й зеленѣла!

И въперъ не вѣе, и сонце не грѣе,

Тольки въ степу при дорозѣ правá зеленѣе!

Ой у степу рѣчка, черезъ рѣчку кладка:

Не покидай, козаченьку, рѣднёного бацька!

Якъ бацька покинешь, самъ марне загнинешь,

Рѣчёнкою быспрёнкою за Дунай заплинешь.

— Бо-да́й па́я рѣчка ры́бы не пло́дила:
 Вона́ мого́ пова́риша на-вѣки впоши́ла!
 Бо-да́й па́я рѣчка кошу́ромъ заросла́:
 Вона́ мого́ пова́риша за Дуна́й занесла́!

35.

Лешѣвъ соколѣнько, да й сѣвъ на дубѣньку,
 Схилѣвъ-склонѣвъ головѣньку унизъ до-долѣньку.
 Кліче ма́пи сы́на зъ корчмы до-домѣньку:
 Иди́, сы́ну, до-домѣньку, пропѣшь худѣньку.
 „Ма́пи-жъ мой, ма́пи, и са́мъ-же я ба́чу,
 Що я́ свою худѣньку усѣ ма́рне пра́чу.
 Ой не по́йду, ма́пи, до-домѣньку спа́ни:
 Е на се́рдцѣ скорби́шонька, далѣченько зна́пи.
 Зна́пи ма́пи, зна́пи; ще́ зна́пнѣйше бу́де,
 Що́ учѣра изъ-вечѣра осудѣли лю́де.
 Не па́къ сѣпарѣ лю́ди, якъ малы́и дѣ́пи:
 Доведе́ться одъ ворогѣвъ въ кайдана́хъ сидѣ́ши!
 Хочъ бу́ду сидѣ́ши, да зна́пиму за́-що:
 Неха́й зъ ме́не не смѣ́пся вся́кее леда́що!

36.

Ой са́мъ же я да не зна́ю, що робі́ни-ста́пи:
 Запряжу́ чопы́рѣ волы́ да по́йду ора́пи!
 Волы́ мой полове́и, чому́ не оре́те?
 Лѣ́па мой молодѣ́и, чому́ ма́рне йде́те?
 „Якъ бы вы́ насъ поганя́ли, пакъ бы мы́ й ора́ли!
 „Якъ бы вы́ насъ шанова́ли, пакъ бы ва́сь слуха́ли.“

Запряжѹ чопыри кони, кони вороны,
Да повѣду доганяпи лѣпа молодыи.

Ой догнавъ же лѣпа свой въ калиновомъ мостѣ:
Вернѣшся, лѣпа мой, хочъ до мене въ гостѣ!

Лѣпа-жъ мой, лѣпа мой, лѣпа молоденькѣ!
Коли доля несчастлива — будьте коропенькѣ!

37.

Лешѣвъ голубъ да все роскошно;
Лѣпа мой молодыи пошли розпочно.

Лешѣвъ голубъ да й упавъ на садъ:
Лѣпа мой молодыи, вернѣшся назадь!

38.

Лешипъ орелъ по-надъ моремъ по высокѣй висо-
костѣ:

Плаче козакъ спаресенькѣй да по своей молодоспѣи.

— Лѣпа-жъ мой молодыи, дѣ ся вы подѣли:

Чи вы въ лугѣ, чи въ байраки геть одъ мене по-
лешѣли?

Лѣпа-жъ мои молодыи, дѣ ся вы подѣли? . . .

Завилися въ кленовый лѣспѣ, да въ лѣсъ полешѣли!

Козацькая здобыченька марне пропадае:

Тыждень козакъ зароблае, за одиень дѣнь пропивае.“

39.

Да йшовъ козакъ зъ Дону, да зъ Дону до-дому,

Да й сѣвъ надъ водою, проклинае долю:

— Доле-жъ мой, доле, чомъ пы не шакал,

Ой чомъ не шакал, якъ доля чужая?

Що люди не роблять, да въ жупанахъ ходять,
 А я роблю, дбаю — и свѣпы не маю;
 Що люди гуляють и рѣскошй мають,
 А я роблю, дбаю — ничѣго не маю! —
 Обѣзвешся дѣля по шѣмъ бѣцѣ моря:
 „Козаче-бурлаче! дурный рѣзумъ маешь,
 Що ты свою дѣлю марне проклинаешъ:
 Ой невинна дѣля, винна швоя вѣля —
 Що ты заробляешъ, по все пропиваешъ,
 Що въ дѣнь загорѣешъ, за нѣчь прогайнѣешъ,
 А шѣ зашалаиши (174), по музыки наймешъ:
 Ой грайте, музыки, изъ двѣра до двѣра,
 Да шѣбъ не журилась спара нѣнька дѣма!...
 — Якъ музыки грали, по й насъ люди знали,
 А якъ переспали, по й лаяши спали! —

40.

Ой не спавъ я нѣчку шемнѣнькую,
 Да не бѣду спали шѣ й другѣю,
 Да чѣмѣ-сь менѣ нѣдно
 И на сѣрденѣку шрѣдно,
 Молодый козакъ, самъ не знаю!

Да вѣють вѣпры все бѣйныи,
 Да идѣть дожчи все дрѣбныи,
 Зѣмлю розрушають,
 И правѣю успидають,
 Краснымъ цѣвѣпомъ шкраниають.

(174) Зашалаиши или закалаиши — прѣобрѣсть,
 нажишь.

Да теперъ рѣчки не глыбѣкіи
 И на перевозѣ не ширѣкіи;
 А луги изъ лугами,
 Береги зъ берегами,
 Де прохѣдять зъ кораблями.

А теперъ не прохѣдять,
 И бурлакѣ не провѣдять
 За вѣржими ворогами! . . .

ГАЙДАМАЦКІЯ.

41.

Наѣхали козаки до Маруси въ гѣспіи :
 „Марусенько-пані! чи є пивѣй панѣ дома?
 Коли-жѣ нема пана, вийди до насъ сама!“
 Марусенька не пѣзнала, въ черевічкахъ вийшла :
 — Еслє вы козаки, еслє гайдамаки! —
 „Марусенько-пані! по чѣмъ пы пѣзнала?
 По чѣмъ пы пѣзнала, правдоньку сказаала?“
 — По пѣмъ я пѣзнала, правдоньку сказаала,
 Що я свѣго пана коника пѣзнала. —
 „Марусенько-пані! не правдоньку-жѣ кажешѣ :
 Мы пѣго коника въ пивѣго пана купили,
 Въ зелєной дубровѣ грѣші полѣчили,
 Въ холѣдной крыніцѣ мѣгорічѣ запили,
 Пѣдъ гнилѣ колѣду пана пѣдѣпили.

(Г а л и ц к а я).

„А що у пѡй Черногорѣ за вороні кѡні!
 Ходѣмъ, бра́те, въ гайдамаки, чуємо червѡні.
 Ой и чуємо червѡні въ пана молодого...
 Ой якъ бы ихъ да ужіши зъ двора головного?“
 — Ой я знаю, пане-бра́те, якъ по ихъ ужіши:
 Молодого того пана до спѣны прибіши!
 Ой прибіши рѹки, нѡги, ще межі плечіма,
 Да щѡбъ на насъ вѡнь дивівся чорными очіма!

На-що-жъ побѣ, пане-бра́те, порбіну паска́пи?
 Лѣпше побѣ, пане-бра́те, люде́й розбива́ши.
 Чи зна́ешъ ты, пане-бра́те, що́ буде́мъ дѣ́яти:
 Вырѣжемо вражихъ сынѡвъ, буде́мъ панова́ши!
 Чи ба́чишь ты, пане-бра́те, за лѣсомъ моги́ла:
 Чи ты уми́решъ, чи пові́снешъ — разъ ма́ши роди́ла!...

ЧУМАЦКІЯ.

Ой по гора́мъ снѣги лежа́тъ,
 По долина́мъ во́ды спѡя́тъ,
 А по шляха́мъ ма́кі цвѣту́тъ:
 То не ма́кі, а чума́кі —
 Зъ Кры́му иду́тъ, ры́бу везу́тъ.

Ма́пи сы́на визнава́ла,
 Да не зна́ла — выелика́ла:
 — Иди́, сы́нку, до-до́моньку,
 Змы́ю побѣ́ голово́ньку! —
 „Измый, ма́пи; сама́ собѣ́,
 Або́ моѣ́й ро́днѣ́й сеспирѣ́:
 Мене́ змыю́ть — дро́бнѣ́й до́жчѣ́,
 А розче́шупь — гу́спѣ́й ше́рны,
 А просу́шипь — яснѣ́ со́лнце,
 А розку́дрюшь — бу́йнѣ́й вѣ́шры! . . .“

45.

Чума́ченьки коза́ченьки ка́шу вари́ли,
 А самѣ́ съда́ли, пѣ́сню спѣ́вали:
 „Ходи́шь пу́га по лу́гу,
 Гне́шься шу́рь-во́ль у дугу́.
 Ходи́шь пу́га по га́ю,
 Кли́че дѣ́вку Га́лю.
 Ходи́шь пу́га по балка́хъ,
 Пла́че пу́га по Козака́хъ.
 Ходи́шь пу́га по дубро́вѣ́,
 Що́ нема́е до́лѣ́, до́лѣ́!“

46.

Зацвѣ́ла кали́на у лу́зѣ́ да попусти́ла квѣ́пы,
 Не оди́нь чума́нъ кѣ́да жо́нку и дро́бененьки́и дѣ́пы.
 До́бре бу́ло да чума́кова́ши по́ки всю́ды бу́ло ро́вно,
 А шо́ вже чере́зь тѣ́и билѣ́пы да́ й ходи́ши не во́льно.
 Гей въ степу́ глыбо́ка крыни́ця, по́льжи вода́ бли-
 щѣ́тся;
 Гей по́йшовъ-бы я до жо́нки, дѣ́пей — не ма́ю
 чѣ́мъ розплати́ться.

Ой ходивъ чума́къ се́мъ ро́къ по До́ну ,
Да не бу́ло приго́доньки ни́коли ё́му .

Ой ишо́въ чума́къ зъ Кры́му до-до́му ,
Спа́лась ё́му приго́донька за всю́ доро́гу ,

Спа́лась ё́му приго́донька не въ де́нь , а въ но́чи ,
Занеду́жавъ чума́ченько зъ Кры́му идучи́ ,
При широ́ко́й доро́женьцѣ во́лы пасу́чи .

Ой по́йшовъ чума́къ въ Сама́рь на база́рь ,
Черво́ною хуспя́ною голо́вку зва́завъ .

Ой упа́въ чума́къ , упа́въ да й лежи́шь ,
Ни́што ё́го не спи́пае що́ въ ё́го бо́лишь .

Ой и бо́лишь въ ё́го се́рдце й голо́ва ,
Помира́е чума́ченько , а ро́ду не́ма .

Прійшо́въ до ё́го опа́манъ ё́го ,
Бере́ его́ за ру́ченьку , жа́луе ё́го .

„Опа́мане мо́й , жа́луешъ мене́ :
Скида́й жупа́нъ зъ мене́ да укрый мене́ .

Бери́ мо́й во́лы-во́зы — похова́й мене́ ,
Бери́ моё́ срѣ́бло-зло́по — помина́й мене́ .“

Изки́нувъ чума́къ сви́шу и кожухъ ,
Припада́е къ сиро́й землѣ́ , пѣпный́ зво́де ду́хъ ;

Изки́нувъ чума́къ изъ се́бе каппа́нъ :
„Во́лы мо́й по́ловыи , хшо́-жь бу́де вамъ па́нъ ?

Да вдарили зъ-разу у великій дзвонъ,
Сѣ-жь по помѹ чумаченьку що ходивъ на Дѡнъ.

Да вдарили зразу въ дзвонѹ уво всѣ:
Сѣ-жь по помѹ чумаковѹ, що ходивъ по солѣ.

Ой ишли волѹ да въ вѡсмерику,
Задзвонили въ усѣ дзвонѹ по пѡмъ чумаку.

Ревнуѹли волѹ у новѡмъ ярмѣ;
Поховали чумаченька въ чужѡй споронѣ.

Ревнуѹли волѹ спепѡмъ идучѹ;
Поховали чумаченька, зъ Крыму везучѹ.

48.

Ой злепѣвъ пѹгачъ на ялиноньку, да якъ пѹгу да пѹгу!
Гей, допягайпе славноѹ чумаченьки да до шѣмного
лѹгу!

Ой рѡдибъ мы поспѣшапи, да чумакъ занедѹжавъ.
Ой занедѹжавъ да чумакъ Микипѡ да на вѡзъ
похиливса,

Да правѡю рѹченькою за сѣрдце ухопивса,
Кѡренькими ѡченьками на вѡлнкѡвъ подививса.
„Ой волѹ мой, да половыи! хпѡ вамъ Пѡномъ бѹде?
Ой якъ менѣ чумака Микипы на свѣпѣ не бѹде?“
— Ой поѹ надъ нами бѹде пановѡпи, хпѡ насъ бѹ-
де поганѡпи! —

Ой вы чумаченьки, ой вы бурлѡченъки! ой вы
лѹди на всѣ гѡжи!

Ой изробѣпе чумаковѹ Микипѣ домовѹну зъ рѡгѡжи.
Та вырѹйпе надъ чумакомъ Микипою да высѡ-
ку могѹлу;

Та посадѣпе надъ чумакомъ Микипою, да чер-
вѡну калину.

Ой чумаче, чумаче!
 Въ пѣбе лично козаче.
 Чомъ не рано съ Крыму йдѣшь,
 Не всѣхъ чумаковъ ведѣшь?
 — Ой я рано съ Крыму йду,
 Всѣхъ чумаченьковъ веду,
 Тѣлькомъ не мѣ одного —
 Мого брата родного! (а)
 Шунавъ, шунавъ, не найшовъ,
 Запрѣгъ воли да й пошовъ.
 Ъхавъ, ѡхавъ — могила,
 Край могилы — долина,
 Тамъ чумани споляк,
 Тамъ же и мѣ пристали.
 Опамане, бѣльку нашъ!
 Порядъ же ты теперъ нашъ:
 Що будемо робити,
 Чѣмъ воликѣвъ кормити?
 — А ще, хлопця, не бѣда!
 Есть у полѣ лободѣ:
 Косить, хлопця, лободу —
 Забувають сю бѣду!
 Косить, хлопця, пшежицю —
 Въ чистомъ полѣ метлицю.
 Косить, хлопця, весь споришъ —
 Кормить волѣвъ на барышъ.
 Косить, хлопця опаву —
 Пасить волѣвъ на славу.

Косвпъ , хлѡпцѣ , щѣ ячмѣнь —
 Повѣдемо въ Крымъ до сѡль !
 Косвпъ , хлѡпцѣ , и овѣсь —
 Повѣдемо у Одѣсь !
 Косвпъ , хлѡпцѣ , отерѣтъ , —
 Наваримо вечеряпъ ,
 Укинемо чабакá ,
 Да помянемъ чумака ! . . .

(а) Въмѣсто сихъ стиховъ поюць еще такъ:

Тѡлько одного нема —
 Вдѡвиного Ивана :
 Склáлась ему причина ,
 Головоньку пробѣла —
 Поламáлись перезаы ,
 Сѡль важучи ни возы .

50.

Да идѣ чумакъ да дорогою ,
 Мѣдь-вино кружае ;
 Да оглянется да чумакъ набадь ,
 Ажъ волѡвъ не має .
 — Да бѣжи , хлѡпку , да бѣжи , малый ,
 Давай панамъ знаци :
 Да нехай паны , да нехай воны
 Шлюпъ волѡвъ шукáши ! —
 Ой у Кіѣвъ да на риночку
 У всѣ дзвѡны деволяпъ . . .

Да оглянешся да чума́къ наза́дь,

Ажъ волико́въ го́няшь.

Да оглянешся да чума́къ наза́дь,

Ажъ волико́въ же́нушь;

А за вола́ми да за воза́ми

Бусурме́на ве́душь.

Да ве́душь, ве́душь да бусурме́на

На крупу́ моги́лу:

— Да дивись, дивись, да бусурме́не,

На свою́ кра́ину. —

„Да тепе́ръ менѣ; да ми́ли бра́тья,

Кра́ина не ми́ла:

Що ро́зсерди́вся мо́й опе́ць и ма́ши,

Ще и вѣ́рна дру́жина!“

51.

У по́ль криниче́нька, хо́лодна води́ченька;

Тамъ чума́къ волю́въ напова́е:

Во́лы реву́шь, во́ды не пью́шь, до́роженьку
чу́юшь.

„Бо-да́й же васъ, сѣ́ри во́лы, да до Крѣ́му не
зходи́ли!

Якъ вы мене́ молодого́ навѣ́къ засму́шили ...“

Поме́ръ, поме́ръ чума́ченько въ недѣ́леньку
вра́нць;

Похова́ли чума́ченька въ зеле́номъ байра́ць.

Насыпали тумаченьку высоку могилу;
Посадили на могилъ червону палітку.

Прилетѣла вовуленька, да й спазѣла: ну-ну!
Подай, сыну, подай, брале, зѣчь правую руку!

„Ой радъ-бы я, мой мамки, обь-дѣъ подапим;
Да налягла сыра земля, не можно подняпим!“

89010627362

b89010627362a

89010627362

b89010627362 a